

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.Т. САКАЕВ

ПОЛИТИКА И ДЕМОГРАФИЯ

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ**

**КАЗАНЬ
2016**

УДК 325
ББК 66.3(2Рос)
С15

*Печатается по решению Ученого совета
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 4 от 23.11.2016)*

Научный редактор
заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского)
федерального университета, доктор юридических наук,
профессор **О.И. Зазнаев**

Рецензенты:
главный научный сотрудник Института социально-политических
исследований РАН, доктор экономических наук,
профессор **Л.Л. Рыбаковский**;
заведующий отделом международного сотрудничества
Департамента внешних связей Аппарата Президента
Республики Татарстан, доктор политических наук,
профессор **И.Р. Насыров**

Сакаев В.Т.

С15 Политика и демография: проблемы взаимодействия и взаимосвя-
зисмости / В.Т. Сакаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 244 с.

ISBN 978-5-00019-747-9

Предметом исследования монографии выступают проблемы взаимодействия и взаимозависимости двух важнейших сфер общества – демографической и политической. Демографические процессы оказывают существенное влияние на стабильность политического режима, направления социальной политики, геополитический потенциал государства, электоральные процессы и т. д., поскольку они способны за достаточно короткое время существенно изменить состав и структуру населения страны или отдельного региона. Монография будет полезна политологам и демографам, заинтересованным в изучении проблем политической демографии.

УДК 325
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-00019-747-9

© Сакаев В.Т., 2016
© Издательство Казанского университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Теоретические подходы к исследованию проблемы ..	8
1.1. Предметное поле политической демографии: подходы в отечественной науке и за рубежом.....	8
1.2. Политическая демография как отрасль политической науки.....	20
Глава 2. Демография как фактор международных отношений	32
2.1. Демографические аспекты геополитических процессов	32
2.2. Демографический фактор глобальной политики	39
Глава 3. Политический контекст демографических процессов в современной России	51
3.1. Демографические процессы и основные векторы политического развития России в XXI веке	51
3.2. Демографические процессы как фактор этнополитики России.....	62
Глава 4. Иммиграционные процессы как фактор политики современного государства	74
4.1. Политические аспекты иммиграционных процессов в современной России	74
4.2. Иммиграция как фактор политики в Федеративной Республике Германия.....	93
4.3. Иммиграционные процессы в контексте политики Итальянской республики.....	111
Глава 5. Демографический и миграционный факторы политики российского региона (на примере Республики Татарстан)	141
5.1. Демографический и миграционный вызовы Республики Татарстан	141

5.2. Урбанизационные и этнодемографические процессы в Республике Татарстан: социально-политические аспекты	158
Глава 6. Миграционные процессы как фактор социально-политической стабильности города (на материалах эмпирических исследований в г. Набережные Челны)	164
6.1. Проблема ксенофобии и мигрантофобии в молодежной среде (на материалах исследования 2014 г.)	164
6.2. Социально-политические риски иммиграции глазами студентов (на материалах исследования 2013 г.)	192
Глава 7. Некоторые прикладные аспекты исследования фактора демографии и миграции в политике	199
7.1. Политико-демографическое прогнозирование: на примере перехода на уровневую систему высшего образования в Российской Федерации	199
7.2. Оценка демографического фактора национальной безопасности: на примере военной реформы в Российской Федерации	203
7.3. Прогнозирование рисков миграционных процессов: на примере украинских беженцев в Российской Федерации	207
7.4. Сравнительный подход к исследованию воздействия миграции на уровень толерантности / ксенофобии в обществе.....	214
Заключение.....	222
Литература	228
Об авторе	242

ВВЕДЕНИЕ

Предметом настоящей монографии выступают проблемы взаимодействия и взаимозависимости двух важнейших сфер общества – демографической и политической. Эта тематика со времен античности привлекала внимание исследователей политики и общества, а в новейшее время стала предметом политических дебатов и важнейшей частью политического дискурса. Политики и журналисты стремятся использовать эту тематику для повышения своих рейтингов, нагнетая необоснованные страхи или, наоборот, создавая неоправданные иллюзии.

Действительно, в XX веке человечество впервые столкнулось с ситуацией взрывного роста численности населения, и сейчас на Земле одновременно живет больше людей, чем за всю предшествующую двухмиллионную историю человечества вместе взятых. Значение демографии драматически выросло. Ее воздействие находит свое выражение во всех без исключения сферах жизни общества, но наиболее значимые последствия проявляются именно в сфере политики как интегральной и центральной части социальной системы. В связи с этим научные исследования, выполненные на стыке демографии и политики, в настоящее время крайне востребованы. Как указывал М. Тейтельбаум, именно «политическая демография обеспечивает комплексное и взвешенное внимание [к этой сфере], как со стороны демографов, так и со стороны политологов»¹.

Политическая демография – это перспективная и бурно развивающаяся отрасль политической науки, опирающаяся на меж-

¹ *Teitelbaum M.S. Political Demography // Handbook of Population. New York: Springer, 2006. P. 730.*

дисциплинарный подход. Термин «демография» при этом трактуется в широком смысле этого понятия, включая в него не только воспроизводство населения (рождаемость и смертность), но и механическое движение населения (внутренняя и международная миграции). Новизна политической демографии заключается в использовании для анализа политических процессов различных демографических характеристик, таких как численность населения страны и отдельных регионов, размеры различных возрастных, региональных, этнических и религиозных групп, изменения в распределении доходов населения, уровень урбанизации, трансформация человеческого капитала и его распределения в обществе, внутренняя и международная миграции. Уникальность политической демографии заключается в ее возможностях для качественно нового прорыва в политическом и социально-экономическом анализе и прогнозировании, так как политическая демография использует демографические модели, обладающие достаточно высокой прогностической способностью в силу значительной инертности демографических процессов.

Как писал упомянутый выше один из основателей политической демографии в США Майкл Тейтельбаум, «политическая демография обращается к некоторым наиболее фундаментальным вопросам, связанным с научными исследованиями как населения, так и политического поведения. Каковы политические последствия изменения населения, включая перераспределение политической власти внутри и между государствами? До какой степени политические факторы определяют изменение народонаселения, включая влияние широко распространенных мер государственной политики, воздействующих на численность, состав и распределение народонаселения, и каковы пределы политических сил, которые вызывают массовые перемещения людей внутри государств и через международные границы»².

Настоящая монография представляет собой авторскую разработку, опирающуюся на результаты собственных научных исследова-

² *Teitelbaum M.S. Political Demography // Handbook of Population. New York: Springer, 2006. P. 730.*

дований в области политической демографии, осуществленных в 2009–2016 гг. Данное издание является одним из первых монографических исследований в Российской Федерации в этом направлении³. Оно может быть полезно для политологов и демографов, для всех интересующихся вопросами политической демографии, а также рекомендовано для использования в образовательном процессе в качестве дополнительной литературы для спецкурса «Политическая демография» и для общих курсов «Мировая политика и международные отношения», «Современная российская политика», «Политическая регионалистика».

³ В 2015 г. автором было подготовлено учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению «Политология», в котором в обобщенном виде были представлены основные достижения политической демографии. См.: *Сакаев В.Т.* Политическая демография современного мира: на материалах Российской Федерации, стран Европейского союза и США: учебное пособие. Казань: Казан. ун-т, 2015. 116 с.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Предметное поле политической демографии: подходы в отечественной науке и за рубежом

Демография как наука была связана с политологией фактически с момента своего появления. В качестве аргумента можно привести тот факт, что зародившаяся в Англии в XVII веке демографическая наука первоначально называлась «политической арифметикой»⁴. Можно вспомнить труд Томаса Мальтуса, который одним из первых попытался объяснить, к каким политическим последствиям ведет рост населения (например, будет ли прирост населения опережать возможности экосистем и провоцировать бедность)⁵.

По мере становления демографической науки в ней стали выделяться области, смежные с другими отраслями научного знания: историческая демография, военная демография, региональная демография и среди прочих стала упоминаться политическая демография⁶.

Политическая демография признается учеными-демографами как практическая (прикладная) и смежная отрасль в системе демографических наук.

Авторы учебника «Основы демографии» (М., 2004) Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров, говоря о системе демографиче-

⁴ Возникновение демографии связывают с работами Дж. Граунта «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» (1662 г.) и У. Петти «Политическая арифметика» (1690 г.).

⁵ *Мальтус Т.-Р.* Опыт закона о народонаселении. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/maltus/maltus.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

⁶ *Зверева Н.В., Кваша А.Я., Козлов В.И.* и др. Демография: современное состояние и перспективы развития: учеб. пособие / под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 27.

ских наук, выделяют среди направлений демографических исследований политическую демографию⁷.

Энциклопедический словарь «Народонаселение» (М., 1994)⁸ также указывал, что в демографии по связи с практикой можно выделить ряд отраслей, в том числе и политическую демографию. Подробно данный подход к системе демографических наук представлен в табл. 1.

Таблица 1

Система демографических наук*

1	Теоретическая демография	История демографии	Описательная демография	Экономическая демография	Историческая демография	Моделирование социально-демографических процессов
2	«Отраслевые» демографические науки: медицинская демография, этническая демография, географическая демография, военная демография, <i>политическая демография</i>					
3	Источники данных о населении	Статистические методы	Математические методы	Социологические методы	Картографические методы	Графоаналитические методы
4	Региональная демография					
5	Прикладные демографические исследования					
6	Социально-демографическое прогнозирование					
7	Теоретические основы демографической политики					

* Народонаселение: энциклопедический словарь. М., 1994. С. 444.

Известный российский социолог и демограф В.М. Медков в своих работах также включал политическую демографию в систему демографических наук (табл. 2).

⁷ Зверева Н.В., Веселкова И.Н., Елизаров В.В. Основы демографии: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. С. 27.

⁸ Народонаселение: энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 444.

Таблица 2

Демографическая система наук*

Демография	Критерий	Отрасли науки
	Уровень теоретической интерпретации	Демографическая статистика Описательная демография Формальная демография Математическая демография Теоретическая демография
	Объектно-предметный критерий	Экономическая демография Социальная демография Социологическая демография Медицинская демография Этнодемография Демография семьи Геодемография Историческая демография
	Связь с практикой	Демографический анализ <i>Политическая демография</i> Военная демография Электоральная демография Демограффикс Прикладная демография Региональная демография Демографическое прогнозирование

* Медков В.М. Демография: учебник. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 31.

Предметное поле политической демографии определено лишь в общих чертах. Известный российский экономист-демограф А.Я. Кваша в 1997 г. указывал: «Политическая демография изучает комплекс социально-политических последствий демографических процессов, как в стране, так и в мире в целом»⁹. Данное определение впоследствии стало общепринятым в отечественной

⁹ Зверева Н.В., Кваша А.Я., Козлов В.И. и др. Демография: современное состояние и перспективы развития: учеб. пособие / под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 86.

демографической науке. Так, например, его воспроизводят в своем учебном пособии Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров¹⁰.

Данная дефиниция предметного поля позволяет поставить вопрос о принадлежности политической демографии к политологии или демографии и, соответственно, о методах исследования этой научной области. Ответить на него возможно лишь через призму научных проблем, отнесенных к «ведению» политической демографии. Уже упомянутый выше А.Я. Кваша к рассматриваемым политической демографией проблемам относил:

– глобальные демографические проблемы и их решение (высокие темпы прироста населения в Азии, Африке и Латинской Америке; международную миграцию и т. д.);

– влияние половозрастной структуры населения на электоральные процессы (политические пристрастия зависят от пола и возраста избирателя, и эти факторы должны учитываться во время избирательной кампании при формировании предвыборной платформы и проведении агитации);

– миграционные потоки, иррациональные в социальном, экономическом и этническом отношениях;

– различие темпов естественного прироста между различными этническими группами в рамках одного государства может провоцировать этнополитические конфликты (например, в Ливане политический конфликт был спровоцирован увеличением доли мусульманского населения при сохранении прежних норм этнического представительства в органах государственной власти);

– доступ определенных этнических групп к высшим государственным постам при ограничении доступа представителей других этнических групп;

– влияние половозрастной структуры населения на военно-мобилизационный потенциал государства;

– политические последствия эмиграции, «утечки мозгов» и т. п.;

¹⁰ Зверева Н.В., Веселкова И.Н., Елизаров В.В. Основы демографии: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. С. 27.

– политические последствия запретительных мер в области демографии (например, вопрос о запрете абортс нередко становится важным фактором политической борьбы);

– политико-демографический анализ возможных последствий принимаемых решений в области социальной и демографической политики;

– разработка вариантов демографических прогнозов при альтернативных сценариях политического развития¹¹.

Как мы видим, согласно направлениям исследований перед политической демографией ставилась задача не изучения собственно демографических процессов, а определения характера их воздействия на политическую сферу.

К предмету политической демографии Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров также относили влияние демографических характеристик электората на итоги выборов. В частности, они указывали, что молодежь, как правило, менее консервативна, чем лица старших возрастов, что имеют место различия в восприятии одних и тех же кандидатов лицами разных полов, национальностей и уровней образования. Как указывали авторы пособия: «Все эти факторы, конечно, не главные в поведении избирателей на выборах, но сама тактика проведения избирательной кампании, формы и методы агитации обязательно должны учитывать специфику демографического состава населения... Так, поколения, сформировавшие свое мировоззрение (в том числе и в политическом плане) во второй половине 1980–1990-х годов, будут иметь иную систему жизненных ценностей, чем когорты рождения 1930–1940-х и даже 1950-х годов. Это возрастное расслоение политических симпатий и антипатий достаточно существенно в социальном плане, оно сказывается и на итогах выборов, и на популярности разных партий, и на многом другом. Очевидно, что политические последствия принимаемых реше-

¹¹ Зверева Н.В., Кваша А.Я., Козлов В.И. и др. Демография: современное состояние и перспективы развития: учеб. пособие / под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 86–91.

ний разного уровня должны стать важным элементом социальной и демографической политики и экспертизы»¹².

К предметному полю политической демографии относят и демографические аспекты межнациональных и социальных конфликтов. Например, по подсчетам А.П. Судоплатова, из 100 военных конфликтов с применением военной силы между развивающимися странами в 1945–1980 гг. примерно в 40 % случаев этнодемографические факторы влияли на их возникновение; эта закономерность касается и примерно 30 % конфликтов, не связанных с применением военной силы¹³. При этом А.П. Судоплатов, Г.Е. Ананьева, И.В. Тимофеева подчеркивали, что сам по себе рост численности населения не является источником межнациональных конфликтов, но в условиях политического или экономического кризиса влияние демографического фактора на возникновение конфликтных ситуаций возрастает¹⁴. По их мнению, спровоцировать конфликт может, например, рост диспропорции в распределении населения и ресурсов в разных регионах и странах (чаще всего такие конфликты возникают между развивающимися странами и значительно реже между развитыми странами или между развитыми и развивающимися странами). Прогнозируя устойчивую тенденцию обострения межнациональных отношений по демографическим причинам, они особым образом выделяли формы развития процесса территориальной концентрации наций, сопровождающиеся процессами ассимиляции и интеграции населения малых национальных групп в более крупные национальные образования¹⁵.

И.А. Злоказов и В.И. Мукомель в совместной работе «Демография нестабильности», анализируя социально-политические последствия демографических процессов в современном им СССР

¹² Зверева Н.В., Веселкова И.Н., Елизаров В.В. Основы демографии: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. С. 27.

¹³ Современная демография / под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 38–43.

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ Там же.

эпохи перестройки, в качестве проблем политической демографии называли:

– чрезвычайные миграции населения вследствие межнациональных конфликтов, появления зон экономического бедствия или в результате экологических катастроф (например, число беженцев и перемещенных лиц в результате аварии на Чернобыльской АЭС составило несколько миллионов человек), а также влияние этих потоков и контингентов на социально-политическую ситуацию в районах прибытия (например, усиление экстремистских настроений среди беженцев);

– безвозвратная эмиграция и ее влияние на политические процессы в странах исхода и странах прибытия;

– изменение режима рождаемости и воспроизводства этносов как фактор расбалансировки этнодемографической структуры и, соответственно, дестабилизации политической ситуации (даже различия в уровне смертности представителей разных этносов могут стать фактором политического давления);

– изменение возрастной структуры населения и так называемой демографической нагрузки как фактора политической стабильности, в частности авторы указывали, что «старение населения означает усиление консервативных тенденций в политических установках, стереотипах мышления различных социально-демографических групп. Проявляется оно и в изменении численности, возрастного состава партий, группировок, движений, в эволюции их политических программ»;

– вопросы формирования и институционализации демографических интересов в программных документах различных партий и общественных движений, выступлениях лидеров партий и контент-анализ средств массовой информации, выражающих позицию определенных социально-демографических групп по этим вопросам;

– зависимость электоральных предпочтений населения от территориальных факторов;

– анализ демографических ограничений при принятии политических решений¹⁶.

За рубежом к предмету политической демографии принято относить несколько областей исследования.

Основоположник политической демографии Майрон Вайнер указывал: «У проблем, поднятых политической демографией, были длительные прецеденты исследования в политической и социальной теории начиная с трудов Платона, Аристотеля и затем Джефферсона, о взаимосвязи численности населения и учреждения правления и стабильной власти. В дополнение к этим классическим проблемам, которые восходят к глубокой древности, можно отметить другие широкие области [способствовавшие формированию политической демографии]. Первая выразилась в обеспокоенности европейских ученых в 1930-х годах проявившимся снижением населения Европы и его воздействием на экономический рост и на конфликт поколений по поводу распределения государственных ресурсов. Вторая область была связана с обеспокоенностью американских ученых в 1960-х годах возможным воздействием быстрого прироста населения в развивающихся странах на политическую нестабильность, рост насилия, агрессивного поведения, распространение коммунизма, революции и радикального национализма. И третья область обозначилась в работах ученых, специализировавшихся на международных отношениях и рассматривавших воздействие прироста населения на международные конфликты через призму агрессивного поведения стран, испытывавших «демографическое давление»¹⁷.

Относительно предмета новой науки Майрон Вайнер писал: «Национальная Академия наук рассмотрела доводы в пользу развития нового эмпирического поля политической демографии и предложила пять областей будущих исследований, включающих

¹⁶ Злоказов И.А., Мукомель В.И. Демография // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 12. С. 19–28.

¹⁷ Political demography, Demographic engineering / by M. Weiner, M. Teitelbaum. New York. Oxford: Bergahn Books, 2001. P. 11.

различные типы изменения населения и их потенциальные политические последствия:

1) экспертиза политических и стратегических последствий изменений в структуре возрастных групп населения, особенно увеличение возрастной группы молодежи в развивающихся странах и рост численности более старого населения в развитых странах;

2) изменение в размере семьи и его воздействие на обеспеченность жильем и на фрагментацию землевладений, особенно в развивающихся странах;

3) политические эффекты изменений в численности и плотности населения в контексте отношений центр / периферия и региональных различий в доходах;

4) отличия темпов прироста населения среди разных этнических и религиозных общин и их влияние на социальные и политические отношения, на политику переписей и на политическое представительство;

5) политические последствия миграции в пределах государства и через границы»¹⁸.

М. Тейтельбаум указывал, что важнейшими направлениями исследований в области политической демографии в будущем должны стать:

1) размер населения и его взаимосвязь с мощностью государства;

2) влияние возрастной структуры населения на политическую силу и политическую стабильность в стране;

3) этнический, социально-экономический и географический состав населения страны и его отражение в политической власти;

4) воздействие иммиграции и сокращения рождаемости на политическую силу¹⁹.

По мнению Д. Голдстоуна, «поскольку политические системы неизменны в процессе распределения и перераспределения ресурсов через различные уровни и сегменты общества, любые суще-

¹⁸ Political demography, Demographic engineering / by M. Weiner, M. Teitelbaum. New York, Oxford, Bergahn Books, 2001. P. 11.

¹⁹ Handbook of Population / Poston D.L., Micklin M. (eds.). New York: Springer, 2006. P. 868.

ственные изменения в населении (не только в размере населения относительно ресурсов окружающей среды, но даже в размере и ресурсах любых подгрупп, включая государство и элиты), вероятно, повлияют на динамику распределения ресурсов и, следовательно, будут иметь политическое воздействие. В течение последних десятилетий политологи и политические социологи включили это фундаментальное понимание в их работы, помогая тем самым определить формирующуюся область политической демографии. Эта новая политическая демография часто сталкивается с вопросом, что за взаимосвязь между населением и естественными ресурсами и в каком отношении состоят соответствующие тенденции общей численности населения к общему объему ресурсов. Политическая демография продолжает исследовать абсолютные и относительные изменения в размерах различных подгрупп населения: городское или сельское население; группы, имеющие специфические религиозные, региональные или этнические характеристики; различные элитные группы или политические фракции; различные возрастные группы. Во время периода, когда население растет довольно медленно или когда у большинства обществ есть население, которое довольно однородно и растет в относительно постоянной и устойчивой тенденции в течение длительного времени, эти вопросы могут казаться неважными для текущей политики. Все же мы больше не живем в таком мире. Двадцать первый век (после века глобального и регионального смешения, которое распространило технический прогресс и экономическую интеграцию) является временем, когда разнообразные и быстрые изменения населения имеют место по всему миру. Во всем мире группы молодежи и пожилых людей быстро увеличиваются, и городское население существенно растет. В то же время миграция и политические границы, оставленные с времен империализма и колониализма, сформировали многочисленные мультиэтнические общества с изменяющимся этническим и религиозным составом. Коротко говоря, рассматриваем ли мы проблемы управления в Соединенных Штатах или Европейском союзе, воздействие стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) на глобальные экономические и по-

литические вопросы или проблемы управления и нестабильности в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Азии, проблема понимания политического влияния демографических факторов будет неизбежной...»²⁰.

По нашему мнению, в научную проблематику политической демографии следует также включить исследование:

– урбанизационных процессов на уровне отдельных стран, регионов и на мировом уровне. В отдельных странах рост численности городского населения в XXI веке приведет к изменениям характеристик политических процессов, в том числе электоральных. На глобальном уровне урбанизационные процессы провоцируют неконтролируемый рост нищеты, бедности, преступности и усиливают политическую нестабильность отдельных стран и целых регионов в Азии, Африке и Латинской Америке.

– увеличения доли молодежи в половозрастной структуре населения как фактора политической нестабильности. Актуальность исследования подобных проблем демонстрируют нам события на Ближнем Востоке в 2011 г. Они наглядно показали, что для стран Юга актуальны проблемы не старения населения, а его, так сказать, омоложения. Революционные события в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене и других арабских странах являются в том числе результатом высокой рождаемости и значительного увеличения доли молодежи в структуре населения этих стран при недостаточном росте их экономик. Такая же ситуация сохраняется во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки.

– старения населения как фактора социально-политической напряженности. Эта проблема важна в основном для стран Севера. Массовые акции протеста против свертывания мер социальной поддержки, которые имели место в некоторых странах ЕС (Германия, Великобритания), обусловлены демографическими процессами: сокращение численности работающих вследствие падения рождаемости в 1960–1980-е гг. и массового ухода на пенсию так называемого поколения бэби-бума (поколения

²⁰ Political Demography: How population changes are reshaping International Security and National Politics? Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 11–12.

1940–1950-х гг. рождения). В конечном итоге старение населения может привести к краху системы социального государства и вызвать кардинальные изменения в политической сфере развитых стран. Можно отметить, что этот вопрос чрезвычайно остро сегодня стоит и в РФ.

– этнодемографических и этнокультурных проблем, обусловленных демографическими процессами, и их влияние на политическую сферу. Например, проблема русскоязычного населения в прибалтийских республиках обусловлена демографическими факторами: с одной стороны, численность русского населения выросла в основном путем миграций в 1959–1989 гг., с другой стороны, в настоящее время наблюдается депопуляция коренного населения прибалтийских республик. Этот фактор, при сохранении значительной по численности русскоязычной диаспоры и в условиях соседства с РФ придает проблеме русского языка политический оттенок.

– влияния демографических и миграционных процессов на формирование национально-государственной и региональной идентичности;

– роли демографических и миграционных факторов в региональных политических процессах;

– влияния демографических и миграционных процессов на межнациональные отношения и этнополитические конфликты;

– технологий эффективного политического управления демографическими и миграционными процессами;

– влияния демографических потерь в результате вооруженных конфликтов на политическую сферу;

– гендерных аспектов электоральных процессов, а также воздействия на политические процессы изменений уровня представленности мужчин и женщин в политических институтах страны;

– политических симпатий населения определенной территории, приверженности определенной идеологии или партии, с целью учета этих факторов при определении границ избирательных участков и округов, а также изучение электоральных предпочтений разных поколений избирателей-мигрантов;

– прецедентов использования переписей населения как инструмента политической конкуренции различных этнических групп в полиэтничных обществах.

Таким образом, спектр направлений научных исследований в рамках политической демографии достаточно широк и учитывает разнообразные формы взаимозависимости и взаимодействия демографической и политической сфер. По-видимому, по мере развития новой науки перечень направлений исследования будет только увеличиваться, чему будут способствовать и усложнение политических процессов в современном мире, и появление новых демографических трендов.

1.2. Политическая демография как отрасль политической науки

Как мы видим, демографические процессы оказывают существенное влияние на политическую сферу. Демография и политика имеют сложные формы взаимозависимости и взаимодействия: стабильность политического режима, направления социальной политики, геополитический потенциал государства, электоральные симпатии и многие другие аспекты политики напрямую зависят от демографических факторов. При этом политические последствия демографических процессов проявляются, как правило, через определенный временной промежуток (1–2 поколения) и носят относительно постоянный и инертный характер. Таким образом, собственно демографические процессы и их политические последствия имеют существенный временной лаг. В то же время для корректировки демографических процессов с целью ликвидации их негативного влияния на политическую сферу требуется значительный временной промежуток и систематическое проведение целенаправленной демографической политики.

Необходимо отметить, что некоторые исследователи фактически не различают предметное поле политической демографии

и демографической политики²¹. По мнению автора, это не неверно. Предметное поле политической демографии взаимосвязано с демографической политикой, но не тождественно, их необходимо четко разграничивать. Политическая демография исследует демографию как фактор политики, а демографическая политика – это обратный процесс, процесс воздействия государства на демографическую сферу. Несомненно, между ними существует прямая связь: политическая демография оказывает влияние на формулирование целей и приоритетов проводимой демографической политики. И, наоборот, скорректировать демографические факторы возможно только с помощью методов демографической политики. Объект исследования у них тождественен – демографические процессы, а вот предметы различны: политическая демография рассматривает последствия демографических процессов в политической сфере, а демографическая политика изучает роль государства в регулировании демографических процессов.

На взгляд автора, политическая демография – это межотраслевая область научного знания, которая в большей степени соответствует политической науке, чем демографии, поскольку изучает прежде всего политическую сферу, а вернее – отражение в ней последствий демографических процессов. Причем, как мы указывали выше, собственно демографические процессы и их политические последствия могут быть отделены весьма существенным временным лагом.

Предметное поле политической демографии в отечественной науке исторически было обозначено экономистами-демографами, точнее, специалистами по вопросам демографической политики (А.Я. Кваша и др.), а отечественными политологами до сих пор по большому счету игнорируется. Сейчас сложилась ситуация, когда предметное поле политической демографии, несмотря на всю свою актуальность, оказалось в значительной степени не востре-

²¹ Никонов В.А. Политическая демография // Стратегия России. 2006. № 9. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1158657907&archive=1158663274&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 10.03.2016).

бованным. Демографы не заходят в своих исследованиях на это поле слишком далеко, поскольку это уже, так сказать, чистой воды политология, они сталкиваются с предметом исследования, который не входит в сферу демографии, и они не обладают необходимым научным инструментарием для его исследования. Политологи не стремятся занять это научное пространство, так как работа в нем, во-первых, предполагает глубокое знание демографических процессов, а, во-вторых, необходимый для подобного политологического анализа инструментарий практически не разработан. В результате мы наблюдаем картину, когда за более чем два десятилетия российское научное сообщество в исследовании проблем политической демографии продвинулось незначительно, в основном в исследовании некоторых политологических аспектов миграционных вопросов и влияния демографических процессов на сферу национальной безопасности применительно к условиям РФ.

Если мы обратимся к вопросу определения предмета политической демографии в отечественной науке, то мы увидим близость подходов, как в демографической науке, так и в политологии. Выше приводилось определение известного советского и российского демографа А.Я. Кваши, который писал, что «политическая демография изучает комплекс социально-политических последствий демографических процессов, как в стране, так и в мире в целом»²². Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике определяет политическую демографию следующим образом: «Политические проблемы как следствие социально-демографических процессов в мире, стране или ее регионах изучают общественные науки и среди них политология и демография, – точнее, демография политическая. Демография политическая – элемент системы демографических знаний, занимающихся изучением комплекса политических последствий демографиче-

²² Зверева Н.В., Кваша А.Я., Козлов В.И. и др. Демография: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / под ред. Д.И. Валентея. М.: Высшая школа, 1997. С. 86.

ских процессов»²³. «Политическая энциклопедия» утверждает, что политическая демография – это «научная дисциплина, изучающая взаимоотношения между размером и распределением населения, с одной стороны, властью и политикой – с другой»²⁴. Нужно отметить, что дефиниция, предложенная в «Политической энциклопедии», несколько шире, но в то же время она не противоречит другим подходам.

Тождество дефиниций предметного поля политической демографии позволяет считать, что в отечественной науке, причем как в политической, так и в демографической, сложилось общее понимание предмета политической демографии. Это определение предметного поля, ставшее общепринятым в российской науке, позволяет поставить вопрос о принадлежности политической демографии к политологии или демографии и, соответственно, обозначить методы исследования этой области знаний.

По этому поводу основоположник исследования политической демографии в США Майрон Вайнер, определяя предмет данной науки, писал: «Политическая демография исследует размер, состав и размещение населения по отношению к правительству и политике. Это касается политических последствий демографических изменений, особенно воздействия изменения населения на требования, предъявляемые к правительствам, на работу правительств, на распределение политической власти в пределах государства и национальной силы среди государств. Она также рассматривает политические предпосылки демографических изменений, особенно политические причины передвижения людей, отношения различных групп населения к структуре и функциям правительства и государственной политике, напрямую воздействующей на размер, состав и распределение населения. Наконец, в исследовании политической демографии недостаточно знать факты и количественные

²³ Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике. СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. URL: <http://www.nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm> (дата обращения: 10.03.2016).

²⁴ Цит. по: Демография политическая // Политическая энциклопедия: В 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю. Семигин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 1. С. 329.

показатели населения – такие как уровень рождаемости, смертности и темпы миграции; также необходимо рассмотреть знания и представления, которыми народы и их правительства обладают относительно проблем народонаселения»²⁵.

Иными словами, согласно Майрону Вайнеру, предмет политической демографии однозначно политологичен, он обозначается в таких политологических терминах, как «политические последствия», «давление на правительство», «распределение политической власти», «распределение национальной силы», «политические представления населения и элит относительно демографической сферы» и т. д. Если предмет исследования излагается и рассматривается в политологических терминах, то это поле однозначно ближе к политической науке, чем к демографической.

На это же указывает и другой американский основоположник исследования политической демографии Майкл Тейтельбаум. Так, он говорит о «плачевном» положении политической демографии, которая располагается на границе между демографией и политологией, и ни демографы, ни политологи не проявляют к ней должного внимания, а это невнимание, в свою очередь, ограничивает огромные потенциальные возможности прогресса в изучении *политических явлений* через призму населения²⁶.

Как указывает М. Тейтельбаум, демография и политология (две дисциплины, которые могли бы больше всего способствовать ее пониманию) фактически пренебрегали изучением взаимосвязи между политикой и демографическими изменениями, идущими полным ходом в мире, поэтому поле «политической демографии» «захватили» политические активисты и журналисты, что часто приводит к преувеличениям или искажениям в интерпретации демографической информации. Также он указывал, что эта область включает в себя такие аспекты, как взаимосвязь демографических

²⁵ *Weiner M. Political Demography: An Inquiry into the Political Consequences of Population Change // Rapid Population Growth: Consequences and Political Implications. National Academy of Science, Office of the Foreign Secretary. Baltimore: Jonh Hopkins University Press, 1971. P. 567.*

²⁶ *Teitelbaum M.S. Political Demography // Handbook of Population. New York: Springer, 2006. P.719–730.*

изменений и трансформации *международного баланса сил*; низкая рождаемость, сокращение и старение населения; международная миграция; изменения *в национальной идентичности*; композиционные перемены в политически неоднозначных социальных категориях и правах человека. Между тем множество правительств и неправительственных акторов активно рассматривают варианты так называемой стратегической демографии, исследуя рождаемость, смертность или миграцию как *инструменты внутренней или международной политики*. Политологи и демографы, по мнению М. Тейтельбаума, могут и должны использовать свои знания и аналитические методы, чтобы улучшить понимание и смягчить чрезмерные требования и страхи по этим проблемам²⁷.

По поводу причин недостатка внимания со стороны политологов к предметному полю политической демографии известный американский политолог и социолог Джек Голдстоун указывал: «Демография во многих исследованиях экономического поведения или социальной мобильности развилась в узкоспециализированную и техническую область, требуя передовой математики и анализа огромных объемов данных. Цель этой передовой работы состоит в том, чтобы идентифицировать и разобрать причины и примеры демографической динамики – т. е. объяснить, почему и как население изменяется в течение долгого времени. У политологов, таким образом, есть важная причина для того, чтобы стараться избегать этой области исследования. И все же последствия демографических изменений слишком важны, чтобы оставлять их изучение исключительно демографам. В то время как демографы и их исследования крайне важны для выявления факторов, которые вызывают различные изменения характеристик населения (от добровольных изменений в поведении с целью приспособления к разным видам пищи, особенностям климата и болезней – до оценки того, как текущий и будущий размер и распределение населения и его групп способен измениться в зависимости от этих факторов), демографы обычно не могут объяснить нам, как люди и социаль-

²⁷ *Teitelbaum M.S. Political demography: Powerful trends under-attended by demographic science // Population studies. 2015. №. 69. Suppl. 1: P. 87–95.*

ные институты будут реагировать на эти изменения. Это – задача политической демографии. К счастью, это требует только базового уровня в понимании ключевых демографических понятий для осознания изменения различных характеристик населения. Однако такое понимание затем должно быть соединено со сложным и тщательным анализом политического поведения и социальных институтов, чтобы определить последствия того, как различные изменения характеристик населения могут повлиять на политические отношения»²⁸.

Таким образом, основоположники исследования политической демографии в США М. Вайнер, М. Тейтельбаум и Д. Голдстоун в один голос утверждают, что политическая демография – это, прежде всего, политическая наука.

Что касается определения места политической демографии в системе политических наук, то здесь можно обратиться к классификации политической науки, представленной М.В. Ильиным²⁹. Следуя ей, политическую демографию можно отнести к так называемым идеографическим дисциплинам, которые отражают ту или иную фактуру, собирают и накапливают знания в ходе изучения своего аспекта политики (такие, например, как политическая социология, политическая психология, политическая антропология, политическая история). При этом политическая демография составляет как бы дальнюю периферию политической науки наряду с другими дисциплинами идеографического типа, сопряженными с иными отраслями знания (история, социология, психология и т. п.), а также с соответствующими аспектами действительности.

Каков же опыт обращения к проблемам политической демографии в отечественной политической науке? Рассмотрим подходы некоторых российских политологов к определению исследовательских задач в рамках данной науки.

²⁸ Political Demography: How population changes are reshaping International Security and National Politics? New York: Oxford University Press, 2012. P. 12.

²⁹ См.: *Ильин М.В.* Основные методологические проблемы сравнительной политологии // *Полис*. 2001. № 6. С. 140.

Так, с точки зрения российского политолога В.А. Никонова, к проблемам политической демографии должны быть отнесены следующие вопросы:

- увеличение численности населения в отсталых африканских и азиатских странах и одновременное сокращение населения в так называемом северном поясе;
- старение населения и сокращение числа работающих в развитых странах;
- процессы унификации населения стран с этнической и языковой стороны;
- применительно к России – еще и проблема несоответствия численности населения территориальным масштабам страны, которая унаследовала от СССР $\frac{4}{5}$ всей территории и всего 50 % населения, а также сокращение доли населения России в общей численности населения мира до 2.4 %³⁰.

К вопросам политической демографии может быть отнесен и ряд научных проблем, рассмотренных в работах ряда других российских исследователей, например:

- изменения административно-территориального деления страны и развитие местного самоуправления в связи с демографическими процессами³¹;
- комплексное обеспечение демографической безопасности как составной части системы национальной безопасности страны³²;

³⁰ Никонов В.А. Политическая демография // Стратегия России. 2006. № 9. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1158657907&archive=1158663274&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 10.03.2016).

³¹ Харченко М.А. Демографические процессы как угроза и условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии. Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2008. 167 с.

³² Тиводар С.И. Демографическая безопасность России: Институционально-правовое обеспечение национальных интересов: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии. Ростовский юридический институт МВД РФ. Ростов н/Д, 2008. 58 с.

– депортации мигрантов как средство внешнеполитического давления³³;

– попытки политических манипуляций и спекуляций на основе расовой или этнической статистики, использование этнического состава населения как средства обоснования этнократического правления и для политической мобилизации граждан³⁴.

Известный российский политолог Э.А. Паин в свое время выступал с идеей выделения этнополитической демографии как отдельного направления политической науки, а В.В. Елизаров говорил о партийной демографии (программные установки политических партий по решению демографических проблем)³⁵.

Относительно современного состояния исследований проблем политической демографии за рубежом следует отметить, что с 2011 г. в составе International Studies Association появилась секция «Политическая демография и география» (Political Demography & Geography Section)³⁶. Организатором секции выступил демограф и политолог Яцек Кюглер (Jacek Kugler). Интересно, что создание данной секции мотивировалось стремлением примирить демографов, экономистов, политологов и социологов, заинтересованных в расширении междисциплинарных границ знания. Целью работы секции называется изучение политических явлений через призму населения, что дает возможности поощрить, облегчить и распространить исследования, способные дать новое аналитическое объяснение современным процессам. В частности, указывалось, что новое направление сосредоточено на изучении системной связи политики с демографией, рассматривающейся как ключевой компонент в изменении баланса на международной арене. Также

³³ Карачурина Л.Б. Миграция как средство политического давления // Экономика-политическая ситуация в России в ноябре 2011 г. М.: ИЭП, 2011. С. 41–44.

³⁴ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 164–165, 188–189.

³⁵ Научный семинар «Демографические вызовы XXI века». URL: <http://www.hse.ru/demo/seminar> (дата обращения: 10.03.2016).

³⁶ Подробную информацию о работе секции Political Demography & Geography Section ISA можно найти на официальном сайте ISA. URL: <http://www.isanet.org/groups/isa-sections.html#pdg> (дата обращения: 10.03.2016).

исследователями политической демографии за рубежом рассматриваются взаимосвязи политики и демографии на региональном уровне, в частности рост этнического национализма, вызванного демографическими изменениями и миграциями, и трансформации местной политики из-за изменяющегося состава населения. Значимыми за рубежом также называются проблемы международной и национальной безопасности, связанные с демографией. К проблемам политической демографии относят, кроме того, вопросы женского равенства, различные аспекты семейной политики, а также влияние урбанизационных процессов на политику. Например, в 2011 г. на первой презентации секции «Политическая демография и география» на конференции International Studies Association в Монреале были обозначены следующие тематики:

1. Культурная демография и конфликт, в том числе вопросы демографической динамики, неравенства и политического насилия; религиозной демографии и конфликтов; влияния демографии на гражданский конфликт;
2. Демографическое влияние на внутреннюю политику, в том числе вопросы внутривнутриполитических последствий этнорелигиозных демографических изменений;
3. Групповая идентичность как фактор «за» или «против» насилия;
4. Деятельность правительств в решении демографических проблем;
5. Влияние ресурсов, климата, урбанизации и демографии на структуру страны, в том числе влияние глобального потепления на демографический переход.

Сравнение направлений деятельности российских ученых и их зарубежных коллег позволяет сделать вывод о близости предмета исследования политической демографии в РФ и за рубежом, а также назвать термин «политическая демография» общепризнанным. Приятно отметить, что развитие российской и зарубежной политической науки в исследовании проблем политической демографии в целом идет практически по идентичным векторам, хотя и с разной скоростью. В то же время особенностью западного подхода явля-

ется сочетание политико-демографической проблематики и проблематики политической географии, что в принципе можно признать вполне уместным.

Подводя итог, следует указать, что демографические процессы оказывают существенное влияние на политическую сферу. Как уже отмечалось выше, стабильность политического режима, направления социальной политики, геополитический потенциал государства, электоральные симпатии и многие другие аспекты политики напрямую зависят от демографических факторов. При этом последствия демографических процессов проявляются через определенный временной промежуток и носят относительно стабильный характер.

Важнейшими задачами российского политологического сообщества в этом направлении являются накопление достаточного эмпирического материала политико-демографического характера, разработка методологии и методов политико-демографического исследования, выявление и изучение закономерностей политических последствий демографических процессов. Немаловажным представляется и расширение международных контактов отечественных специалистов в области политической демографии с секцией «Политическая демография и география» International Studies Association, а также перевод наиболее актуальных зарубежных работ по политической демографии на русский язык. С целью развития политико-демографических исследований необходимо предусмотреть включение спецкурсов по политической демографии в учебные планы подготовки университетских политологов и государственных служащих. Подобная практика уже имеет место в Московском государственном университете, Высшей школе экономики, Казанском (Приволжском) федеральном университете и некоторых других вузах.

Было бы полезно объединить отечественных политических демографов в рамках общей исследовательской сети. Подобная попытка была предпринята в Российской академии народного хозяйства и государственной службы, где усилиями ректора В.А. Мау в 2013 г. была создана Международная лаборатория политической

демографии и макросоциологической динамики под руководством выдающегося политического демографа Джека Голдстоуна (с января 2016 г. лабораторией руководит известный российский ученый С.Я. Щербов)³⁷. Лаборатория выступила организатором I и II Международных конференций по политической демографии и макросоциологической динамики (2013, 2014 гг.), в работе которых принимали участие такие выдающиеся зарубежные исследователи, как Майкл Тейтельбаум, Ричард Чинкотта, Эрик П. Кауфман, Моника Даффи Тофт, Дэвид Колеман и др.

С этой же целью в 2015 г. при участии автора в структуре Российской ассоциации политической науки была создана соответствующая исследовательская группа, а в программу VII Всероссийского конгресса политологов (состоялся в Москве 19–21 ноября 2015 г.) впервые был включен отдельный круглый стол по проблемам политической демографии.

³⁷ Международная лаборатория политической демографии и макросоциологической динамики РАНХиГС. URL: <http://br.ranepa.ru/about-the-academy/consulting-services/int-lab-goldstoun.html> (дата обращения: 10.03.2016).

Глава 2

ДЕМОГРАФИЯ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Демографические аспекты геополитических процессов

Демографические процессы с давних пор учитывают при разработке политических теорий и военно-стратегических доктрин. В Средние века и Новое время, задолго до оформления геополитики как самостоятельной дисциплины, философы и генералы размышляли над вопросом, как численность, размещение и состав населения влияют на внешнеполитические возможности государства.

Например, Николло Макиавелли утверждал, что, измеряя силу государств, «следует принять в воображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны... поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке *людей* и денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем»³⁸. В XVIII веке Жан-Жак Руссо писал, что величина государства как политического организма измеряется протяженностью его территории и численностью населения. Население, в свою очередь, тесно связано с землей, поэтому ее количество и качество определяют численность населения в государстве и даже характер будущих войн. Рост численности населения, превысив определенную величину, которую сельское хозяйство страны способно обеспечить продовольствием, неизбежно вызывает зависимость от соседей. Преодолеть эту зависимость возможно только путем завоевательных войн³⁹.

³⁸ *Макиавелли Н.* Государь / пер. с ит. М.: Планета, 1990. С. 32.

³⁹ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 235–239.

Интересно, что главной причиной краха своей попытки сделать Францию владычицей мира Наполеон называл недостаточную для подобной цели численность ее населения⁴⁰.

С момента оформления геополитики как самостоятельной области научного знания демографические процессы сразу стали ключевым элементом геополитического анализа. Фридрих Ратцель, например, указывал, что малая численность населения страны является поводом к ее упадку (маленький народ проще завоевать). Малые народы, как правило, находятся на низких ступенях развития, а их жизненные силы истощаются в неравной борьбе с силами природы. И наоборот, крупные по численности народы имеют значительно больше возможностей для расширения своего жизненного пространства. По мнению Ратцеля, демографический фактор определяет направление и характер геополитики: удел сильных народов – расширение и экспансия, удел слабых – быть поглощенными более мощными соседями. При этом Ратцель связывал процессы увеличения численности населения страны и ее культурного роста. Культурное развитие, в свою очередь, сокращает зависимость человека от сил природы и является неотъемлемым условием создания великих государств: «В густом населении заключается не только прочность и порука энергичного развития, но и непосредственный стимул культуры. Чем ближе люди соприкасаются между собой, тем менее погибает культурных приобретений, тем выше поднимается соревнование в проявлении сил. Умножение и укрепление численности народа находится в самой тесной связи с развитием культуры; редкое население в обширной области связано с низкой культурой; в старых и новых культурных центрах мы видим плотно скученные массы»⁴¹. В плотности и скученности населения он видел источник силы государства: «Только народы, живущие одной сплошной массой, обладают силой Антея (Святогора-богатыря)»⁴². К демографическим процессам можно отнести и миграции населения, которым Фридрих Ратцель отводил

⁴⁰ *Тарле Е.* Наполеон. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 421.

⁴¹ Классика геополитики, XIX век / сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003. С. 55–72.

⁴² Геополитика: хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. С. 44.

большое место в процессе пространственного роста государства: «Народ растёт, умножаясь в числе, страна – увеличивая свою территорию. Для увеличившегося населения необходимы новые пространства: оно перерастает страну. Сначала оно начинает утилизировать внутри государства те участки земли, которые оставались незанятыми; это – внутренняя колонизация. Если этого оказывается недостаточно, народ обращается к внешней колонизации, очень часто связанной с военным движением вперед, с завоеванием»⁴³. Далее он делает вывод: «Вместе с увеличением населения открывается все больше новых земельных пространств»⁴⁴.

Следующий этап связан с работами Рудольфа Челлена, который среди пяти важнейших политических форм (элементов политики) наряду с геополитикой выделил и «демополитику», которую понимал как проявление в форме государства народа с его национальными и этническими характеристиками. Иными словами, в оценке государства географическая и демографическая составляющие, по его мнению, равнозначны. Как и Фридрих Ратцель, Рудольф Челлен считал, что численность населения определяет характер политики. Сильные государства с большой численностью населения вынуждены вести завоевания, чтобы давать «излишним» народным массам работу и хлеб. Рудольф Челлен писал: «Очевидно, что даже с чисто статистической точки зрения вопрос народонаселения приобретает решающее значение для направления всей внутренней и внешней политики... Как только весь народ при нормальных условиях сначала заполняет, а потом уже и переполняет свое пространство, тогда, наконец, наступает момент, когда в стране населения больше, чем она может прокормить. Именно тогда государство обязано направить свою политику на выполнение простейшей задачи: поиск “хлеба в пустыне” для излишков своего населения... Именно таким образом обозначается общее направление политики государства – его большая или меньшая умеренность во внешней политике следует уже из этого математического соотношения между страной и ее народом (соответствен-

⁴³ Геополитика: хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. С. 21–22.

⁴⁴ Там же. С. 27.

но экономикой). Мы фиксируем крайнюю перенаселенность и нехватку населения смотря по тому, является ли страна большой или меньшей, чем население, согласно нормальному показателю для государственной системы»⁴⁵.

Другой представитель немецкой школы – Карл Хаусхофер – в основу своей геополитической теории положил демографические расчеты, которые позволяли ему ставить вопрос об узости имеющегося у Германии жизненного пространства для естественного развития. Демографические расчеты давали Карлу Хаусхоферу также основание говорить о несокрушимости континентального блока Берлин – Москва – Токио⁴⁶.

Не меньше внимания уделяли демографическим характеристикам государства и представители англо-американской школы геополитики. Так, например, на основе анализа плотности населения «Хартленда» Хэлфорд Макиндер сделал вывод об особом статусе «Леналэнда» (территорий восточнее р. Енисей) и, соответственно, о возможности военного отторжения «Леналэнда» от территории «Хартленда». В частности, он писал: «Россия Леналэнда имеет 9 миллионов жителей, 5 из которых проживают вдоль трансконтинентальной железной дороги от Иркутска до Владивостока. На остальных территориях проживает менее одного человека на 8 квадратных километров. Природные богатства этой земли – древесина, минералы и т. д. – практически нетронуты»⁴⁷. На значимость демографического фактора в оценке морской мощи государства указывал и Альфред Мэхэн, который в числе составляющих элементов морской мощи выделил «численность народонаселения». Он подразумевал под ней численность той части населения страны, которая знакома с морем и может быть с успехом привлечена для службы на военном или торговом флотах⁴⁸. Для анализа

⁴⁵ Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 207–210.

⁴⁶ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 380.

⁴⁷ Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея, 1999. С. 49.

⁴⁸ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 58–64.

геополитического могущества государства другой американский геополитик Николас Спайкмен среди 10 критериев выделил такие демографические характеристики страны, как «объем населения» и «этническая однородность»⁴⁹.

Важное место демографический фактор занимал и в геополитических воззрениях представителей русской школы геополитики. В частности, фельдмаршал Дмитрий Алексеевич Милютин в свою концепцию геостратегического анализа включал такой элемент, как «народонаселение». Именно народонаселение, его материальное и моральное состояние, наряду с территорией страны и государственным устройством, формируют средства государства для успешного ведения войны, наступательной или оборонительной с той или иной державой. Об этом Д.А. Милютин писал следующее: «Народонаселение, его численность, распределение, степень материального благосостояния, моральное положение не только определяют численность вооруженных сил, но и существенные их свойства, а также указывают, в какой степени, в случае войны, правительство может полагаться на содействие народа и на благонадежность самих войск»⁵⁰.

Другой российский исследователь Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский в своем труде «О могущественном территориальном владении применительно к России (очерк политической географии)» серьезное внимание уделил миграциям населения, а также применительно к России разработал гипотезу о колонизационных базах в Сибири как гарантиях ее территориально-политического могущества. В увеличении плотности населения периферийных районов России, особенно Восточной Сибири, он видел возможность сохранения ее континентальной системы могущества «от моря до моря»: «Единственным серьезным средством для успешной борьбы в условиях растянутой государственной территории является неотложное доведение географического центра

⁴⁹ Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея, 1999. С. 63.

⁵⁰ Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // Русский геополитический сборник. 1996. № 2. С. 43–48.

такой территории по возможности до одинаковой или близкой по степени густоты населения и экономического развития с западным коренным концом государства, до возможного выравнивания их»⁵¹.

Видный российский стратег Алексей Ефимович Вандам (Едрийин) считал численность населения важнейшим фактором геополитики. В своей работе «Величайшее из искусств» он указывал: «В настоящее время на земном шаре существуют лишь два истинно великих народа – 160 000 000 англосаксов и 160 000 000 русских», которые создали настоящие Империи. Относительно Германии А. Вандам писал: «Трагизм последней состоит в том, что при огромном приросте населения, не имея возможности кормить на одной и той же, ни на пядь не увеличившейся площади сначала 40 000 000 душ, потом 50 000 000 и, наконец, как в данное время 65 000 000, она волей-неволей должна двинуться против одной из двух Империй»⁵².

Роль демографических характеристик государств отмечалась и в работах постклассических американских геополитиков. Самуэль Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» в качестве фактора грядущего усиления исламской и латиноамериканской цивилизаций называл именно демографию. Благодаря высокой рождаемости в исламских странах, доля жителей этой цивилизации в общей численности населения Земли к 2030 г. вырастет до 30 %. Одновременно высокая рождаемость обеспечит рост доли молодежи в населении исламских стран, которая в силу социальных проблем окажется благодатной почвой для различных религиозно-политических движений. Все это приведет к началу так называемого исламского возрождения. По демографическим же причинам (сокращение численности населения) Самуэль Хантингтон предсказывал в XXI веке уменьшение геополитического значения и влияния православно-славянской цивилизации⁵³. Не меньшее внимание демографическим процессам уделяет и другой извест-

⁵¹ Геополитика: хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. С. 205.

⁵² Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия / сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; закл. ст. И. Даниленко. М.: Кучково поле, 2002. С. 175–176.

⁵³ Исаев Б.А. Геополитика. СПб.: Питер, 2006. С. 257–261.

ный американский геополитик Збигнев Бжезинский. Именно численность и структура населения, наряду с географическим положением, экономическим, ресурсным и военным потенциалом, позволили ему оценить геополитическую мощь новых государств Евразии и их союзов⁵⁴. Близкие оценки влияния демографических процессов на геополитическое положение государств давал и Генри Киссинджер⁵⁵.

Подводя итог, следует отметить, что уже с момента возникновения геополитики демографические процессы были в центре ее внимания. Демографические характеристики государства, наряду с географическим положением, финансово-экономическим, ресурсным и военным потенциалом рассматривались как важнейший элемент мощи государства. При этом под демографическими характеристиками понимались численность, размещение, состав и другие свойства населения страны и их влияние на характер и интенсивность внешней политики государства, его способность защищаться и нападать. В характере народонаселения геополитики прошлого и современные авторы видят источник активности или упадка государства, но если в первой половине XX века в динамике численности населения видели первопричину экспансионистской политики, то в конце XX века в ней видят основу политического лидерства и значимости того или иного государства. Следует отметить, что с течением времени демографический фактор в геополитике ни сколько не утратил своего значения. Напротив, обострение сырьевой проблемы вновь выдвигает на первый план демографический фактор. Для Российской Федерации это особенно актуально, так как в XXI веке ей предстоит решать проблему защиты своих сырьевых ресурсов от геополитических притязаний других государств. Для России решение этой задачи осложняется глубокой депопуляцией и ожидаемым, по прогнозам экспертов ООН сокращением на 30 % численности ее населения в течение XXI века.

⁵⁴ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. С. 74, 89, 115.

⁵⁵ *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. С. 99, 102.

Таким образом, в текущем столетии демографические процессы, в том числе для России, станут решающим фактором при оценке геополитического положения и геостратегических возможностей государств. Здесь уместно привести мысль немецкого историка Г. Вайтца, высказанную им еще в 1862 г., но не потерявшую актуальности до сих пор: «Растущее народонаселение не является безусловным преимуществом и признаком силы, но уменьшающаяся численность народа всегда означает болезнь»⁵⁶.

В то же время для геополитики все-таки первостепенным является фактор географического положения. По мнению же автора, такой подход является уже устаревшим. География определяла мировую политику в XX веке, а демография будет определять ее в XXI веке. Подобный подход применяет другая междисциплинарная область знания – политическая демография. Политическая демография близка к геополитике своим реалистическим подходом к исследованию международных отношений и мировой политики в целом, но в то же время в основу своего анализа мировой политики она, в первую очередь, ставит не географическое положение государства, а его демографический потенциал.

2.2. Демографический фактор глобальной политики

Одним из направлений, исследуемых политической демографией, являются политические последствия глобальных демографических процессов. Изучение данного аспекта в последнее время вызывает все больший интерес за рубежом и в России. Попытаемся дать обзор новейших подходов в изучении роли демографии как фактора глобальной политики в первой половине XXI века.

Еще в середине 2000-х гг. американский политический демограф Пол Демени выдвинул гипотезу о том, что в первой половине XXI века серьезно изменится геополитическая карта распределения человеческих ресурсов, так как 99 % прироста мирового населения в течение этого периода дадут развивающиеся страны.

⁵⁶ Цит. по: Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 208.

Население Европы, включая РФ, которое составляло в 1950 г. 22 % мирового населения, в 2005 г. – 11 %, а к 2050 г. будет насчитывать только 7 % (в абсолютных цифрах численность населения континента сократится с 728 до 653 млн чел., т. е. на более чем 75 млн чел.)⁵⁷. А вот население Африки будет стремительно расти: в 1950 г. там проживало всего 9 % мирового населения, в 2005 г. – 14 %, а в 2050 г. – уже 21 % (в абсолютных цифрах оно вырастет на более чем 1 млрд чел.)⁵⁸.

Таблица 3

Прогноз численности населения ведущих стран и регионов во второй половине XX – первой XXI века (за основу взят средний вариант прогноза ООН)*

Регион, страна	Население (мл.)			Прирост в % («+» или «-»)		Доля в мировом населении (%)		
	1950	2000	2050	1950–2000	2000–2050	1950	2000	2050
Север. Америка	172	315	438	+83	+39	6.8	5.2	4.8
Латин. Америка и Карибы	167	523	783	+213	+50	6.7	8.6	8.6
Европа, включая РФ	547	728	653	+33	-10	21.7	12.0	7.2
<i>ЕС</i>	<i>350</i>	<i>450</i>	<i>450</i>	<i>+29</i>	<i>0</i>	<i>13.9</i>	<i>7.4</i>	<i>4.9</i>
<i>РФ</i>	<i>101</i>	<i>147</i>	<i>111</i>	<i>+45</i>	<i>-24</i>	<i>4.0</i>	<i>2.4</i>	<i>1.2</i>
«Исламский пояс»**	148	545	1 109	+268	+103	5.9	9.0	12.2
Африка южнее Сахары	180	670	1 692	+272	+152	7.2	11.0	18.6
Япония	84	127	112	+51	-12	3.4	2.1	1.2
Китай	549	1 259	1 382	+129	+10	21.8	20.7	15.3
Индия	358	1 021	1 593	+185	+56	14.2	16.7	17.6
Юго-Вост. Азия	178	519	752	+192	+45	7.1	8.5	8.3

⁵⁷ Demeny P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050 // Population and Development Review. 2006. № 32. P. 256.

⁵⁸ Там же.

Окончание табл. 3

Регион, страна	Население (мл.)			Прирост в % («+» или «-»)		Доля в мировом населении (%)		
	1950	2000	2050	1950–2000	2000–2050	1950	2000	2050
Пр. районы в Азии и Океании	128	379	562	+196	+48	5.2	6.2	6.2
Весь мир	2 519	6 086	9 076	+142	+49	100	100	100

* Составлена автором по материалам: *Demeny P, McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050 // Population and Development Review. 2006. № 32. P. 254–287; Department of Economic and Social Affairs of UN. URL: <http://esa.un.org> (дата обращения: 10.03.2016); Численность населения на 1 января, 1950–2015 / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php (дата обращения: 10.03.2016).*

** Пояс 20 мусульманских стран от Пакистана до Мавритании (без бывших советских республик и 5 мусульманских государств Африки южнее Сахары).

О чем свидетельствуют данные табл. 3? Во-первых, видно, что стремительный рост численности населения был общим трендом всех развивающихся стран мира во второй половине XX века (прирост за 50 лет больше 100 %), а вот в первой половине XXI века подобные темпы будут наблюдаться только в регионе Африки южнее Сахары и в «исламском поясе». Прирост в остальных развивающихся странах в этот период гораздо скромнее, а развитые страны, за исключением США и Канады, вообще продемонстрируют депопуляцию. Во-вторых, если в середине XX века центрами сосредоточения населения мира были Европа (21.7 % мирового населения) и Китай (21.8 %), то в середине XXI века это – Африка южнее Сахары (18.6 % населения мира), Индия (17.6 %), Китай (15.3 %), «исламский пояс» (12 %). В-третьих, катастрофически будет сокращаться доля в мировом населении стран ЕС, России и Японии. Центры глобального развития, а следовательно, и глобальной политики, станут все больше смещаться из Северной Ат-

лантики на юг и восток «мирового острова». Этот процесс найдет свое отражение и в изменении списка стран с населением свыше 100 млн чел. К 2050 г., по прогнозам ООН, к списку крупнейших в демографическом отношении стран (дополнительно к нынешним 11 государствам) добавятся еще 3 африканские страны, 3 страны «исламского пояса» и 2 государства Юго-Восточной Азии⁵⁹. Всего к 2050 г. численность населения Земли увеличится на 1 млрд чел. только за счет африканцев, на 0.5 млрд – за счет мусульман и еще на 0.5 млрд – за счет индийцев⁶⁰. Произойдет усиление экономической и военной мощи, научно-технического потенциала и культурного влияния Азиатско-Тихоокеанского региона и Южной Азии по сравнению с регионом Северной Атлантики.

Не менее важен и вопрос о структуре населения. Таблица 4 позволяет увидеть, что население Японии, ЕС и РФ будет иметь наибольшую долю лиц старше 65 лет. Меньший объем престарелого населения будет в КНР и США, в Индии и африканских странах сохранится относительно молодое население. Глобальное старение населения в ведущих геополитических центрах станет фактором ослабления в XXI веке их экономического и военного влияния. Больше всего это коснется ЕС, особенно ее экономического ядра – Германии, а также Японии и России. США и КНР столкнутся с этой проблемой по большей части лишь к середине XXI века. Страны со стареющим населением, по-видимому, станут испытывать серьезные проблемы с обеспечением пенсионной системы и системы здравоохранения.

Также Пол Демени считает актуальным для глобальной политики вопрос о численности населения крупнейших региональных союзов. Рассмотрим подробнее этот аспект. Таблица 5 показывает, что за первую половину XXI века численность населения вырастет во всех зонах свободной торговли, за исключением ЕС и Евразий-

⁵⁹ Department of Economic and Social Affairs of UN. URL: <http://esa.un.org> (дата обращения: 10.03.2016).

⁶⁰ *Demeny P., McNicoll G.* The Political Demography of the World System, 2000–2050 // *Population and Development Review*. 2006. № 32. P. 254–287.

ского экономического союза Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Киргизской республики.

Таблица 4

Прогноз доли населения младше 15 лет и старше 65 лет в ряде регионов и стран в 2005, 2025 и 2050 гг. (в %) *

Страна	0–14 лет			65 лет и старше		
	2005 г.	2025 г.	2050 г.	2005 г.	2025 г.	2050 г.
Япония	14.0	12.5	13.4	19.7	29.1	35.9
ЕС	16.4	14.4	13.4	16.4	22.6	29.9
США	20.7	18.7	17.3	12.3	17.7	20.6
Китай	21.4	17.9	15.7	7.6	13.7	23.6
Индия	32.1	24.4	18.3	5.3	8.1	14.8
Африка	41.5	36.9	28.7	3.4	4.2	6.7
Россия	15.2	18.1	10.3	13.7	27.7	38.0

* Составлена автором по материалам: *Demeny P., McNicoll G.* The Political Demography of the World System, 2000–2050 // *Population and Development Review*. 2006. № 32. P. 254–287; *Demographic Yearbook 2008* // Официальный сайт ООН. URL: <http://unstats.un.org/unsd/default.htm> (дата обращения: 10.03.2016); Демографическое развитие России в XXI веке / под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М., 2009. URL: <http://rybakovsky.ru/demografia1.html> (дата обращения: 10.03.2016).

Таблица 5

Прогноз численности населения важнейших региональных торгово-экономических союзов (в млн чел.) *

Наименование организации	2005 г.	2050 г.
Европейский союз	460	450
НАФТА	438	577
Союз южноамериканских наций	375	527
АСЕАН плюс три (Китай, Япония и Южная Корея)	2.031	2.285
В том числе АСЕАН	555	749
Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества	1.453	2.220

Окончание табл. 5

Наименование организации	2005 г.	2050 г.
Африканский союз	906	1.937
Евразийский экономический союз Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Киргизской республики	183**	170.2

* Составлена автором по материалам: *Demeny P., McNicoll G.* The Political Demography of the World System, 2000–2050 // *Population and Development Review*. 2006. № 32. P. 2540–287; Прогноз численности населения на 2025, 2050, 2075 и 2100 гг. // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_2050.php (дата обращения: 10.03.2016).

** Данные на 2015 г.

К сожалению, демографические прогнозы показывают, что зона ЕАЭС будет охватывать в 2050 г. всего 1.7 % мирового населения (сейчас – 2.8 %). Еще меньше будет его доля в мировом ВВП. Возникает вопрос: каковы перспективы такого объединения в XXI веке? Приведенные данные позволяют понять причины упорной борьбы российского руководства за включение Украины (45 млн чел. населения) в Евразийский экономический союз.

Пол Демени резонно указывает, что демографический фактор в геополитическом анализе в XIX и XX веках имел все-таки второстепенную важность. Значение численности населения легко преодолевалось различиями в уровне развития. Так, во второй половине XX века меньшие по численности нации могли обладать большей экономической и военной мощью, политическим и культурным влиянием. Малая численность населения не помешала Голландии, Португалии, Бельгии играть важную роль в европейской политике, а небольшая Англия сумела создать огромную колониальную империю. Значение фактора народонаселения возрастало только во время конфликтов между странами с примерно равным уровнем развития, и тогда демографический фактор ста-

новился решающим⁶¹. В XXI веке будет иметь место быстрый рост численности населения в развивающихся странах, при сокращении и старении населения в развитых странах. Однако бедность развивающихся стран не является постоянным условием. Сейчас можно наблюдать, как значительная часть развивающихся стран демонстрирует темпы экономического роста, сопоставимые с показателями развитых стран. Глобализация, свободное движение капиталов и расширяющаяся международная торговля облегчают трансфер технологий, который в комбинации с высокой численностью населения и растущими доходами приведет к изменению экономического веса стран с далеко идущими геополитическими последствиями⁶².

Другой американский политический демограф Джеффри Саймон в своей статье «Неужели демография – это судьба?» сформулировал закономерности влияния демографии применительно к будущему блока НАТО. По мнению Джеффри Саймона, тенденции демографического развития могут создать серьезные трудности в будущем для сохранения евроатлантического партнерства. Во-первых, ускоренное старение населения ЕС (средний возраст за полвека возрастет с 37.7 до 47 лет) сократит людские и финансовые возможности для поддержания численности европейских армий на нынешнем уровне, в то время как США не будут испытывать подобных проблем. Это приведет к сокращению военно-политического значения Объединенной Европы как стратегического партнера для США. Для европейского сообщества к тому же более важными станут вопросы обеспечения внутривосточной стабильности и безопасности, а не актуальные для североамериканцев проблемы сохранения глобального лидерства. Во-вторых, различия в иммиграционных потоках (в ЕС это в основном мигранты из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, в то время как в США – это латиноамериканцы, китайцы, индийцы, филиппинцы, пакистанцы, индонезийцы и т. д.) приведут к усилению значения связей с этими странами в противовес

⁶¹ *Demeny P. Geopolitical Aspects of Population in the Twenty-First Century // Population and Development Review. 2012. № 38(4). P. 685.*

⁶² Там же. P. 686.

евроатлантическим отношениям. В результате, по мнению указанного автора, стареющая Европа будет все больше утрачивать свой экономический и политический вес, позиции в структуре мирового населения, а мир, как следствие, перестанет быть европоцентристским⁶³. Будущее НАТО, утверждает Джеффри Саймон, вызывает все больше опасений из-за проблем, которые уходят корнями в демографию, и они, скорее всего, будут углублять пропасть, разделяющую союзников по обе стороны Атлантики⁶⁴. С подобными утверждениями трудно не согласиться, зная о масштабных демографических сдвигах и специфике миграционных потоков по обе стороны Северной Атлантики. Как мы видим, в целом проблемы, обозначенные Джеффри Саймоном, созвучны с утверждениями Пола Демени и развивают их с упором на аспекты военно-политической безопасности.

Российский исследователь Вячеслав Никонов также выделил несколько политических следствий глобальных демографических процессов. Он считает, что демографическое старение и рост продолжительности жизни в странах ЕС обострят проблему пенсионного обеспечения и поставят на повестку вопрос о повышении пенсионного возраста, который и сейчас в большинстве стран составляет 65 лет для мужчин. Еще одним глобальным последствием демографических процессов Вячеслав Никонов называет вытеснение языков многих малых народов и в конечном счете их исчезновение. Главной же проблемой глобального демографического развития, по его мнению, останется проблема слишком быстрых темпов роста численности мирового населения и, соответственно, отставание темпов роста производства продовольствия и товаров широкого потребления. В связи с этим, как утверждает В.А. Никонов, снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства есть «не зло, а благо»⁶⁵.

⁶³ Саймон Д. Неужели демография – это судьба? // Россия в глобальной политике. 2010. № 2. С. 40–54.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Никонов В.А. Политическая демография // Стратегия России. 2006. № 9. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1158657907&archive=1158663274&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 10.03.2016).

Несколько иначе акценты расставлены в работе «Новая бомба населения» крупнейшего американского исследователя политической демографии Джека Голдстоуна⁶⁶. В ней он дал развернутый анализ воздействия демографических трендов на глобальное развитие, а также подчеркнул, что международная безопасность в XXI веке станет все в большей степени зависеть от распределения мирового населения, уровня прироста и изменений в половозрастной структуре населения отдельных стран и от влияния демографических показателей на миграцию населения между регионами. Прогнозы ООН позволили ему выделить 4 демографических мегатренда глобального развития:

1. Сокращение доли развитых стран в мировом населении до 25 %, что приведет к сокращению их экономического значения (при условии сохранения нынешних темпов развития, совместный ВВП ЕС, США и Канады к 2050 г. лишь удвоится, тогда как совместный ВВП остальных стран мира увеличится в 5 раз).

2. Старение трудовых ресурсов затормозит экономическое развитие прежних экономических центров (к 2050 г. 30 % жителей ЕС, США, Канады, КНР и 40 % жителей Японии и Южной Кореи будут старше 60 лет, что потребует значительного увеличения расходов на пенсионную систему и систему здравоохранения).

3. Стремительный рост численности населения будет продолжаться в основном за счет наиболее бедных, молодых (в демографическом отношении) и, как правило, мусульманских стран. Так, 70 % прироста мирового населения в первой половине XXI века дадут 24 государства, являющиеся, по классификации Всемирного банка, странами с низким уровнем дохода. Только в Бангладеше, Египте, Индонезии, Нигерии, Пакистане и Турции население за это время вырастет почти на 475 млн чел. Все это будет стимулировать интенсивную трудовую миграцию в развитые страны, поэтому следует улучшить отношения между мусульманскими и западными обществами.

⁶⁶ Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs. 2010. № 1. URL: <http://www.foreignaffairs.com> (дата обращения: 10.03.2016).

4. Две трети мирового населения будущего станут городскими жителями, и большая часть из них будет сконцентрирована в мегаполисах беднейших стран Африки, Азии и Латинской Америки. При этом у этих стран доход на душу населения будет гораздо ниже, чем был у промышленно развитых стран в аналогичный период их развития, а структура населения будет оставаться чрезвычайно молодой, следовательно, можно ожидать в этих странах усиление политической нестабильности, роста преступности и возникновения «очагов» международного терроризма⁶⁷.

Таким образом, делает вывод Джек Голдстоун, угроза «новой демографической бомбы»⁶⁸ заключается не в росте численности населения как таковом, а в изменении его среднего возраста и географического распределения. Одновременно он прогнозирует формирование новой политико-демографической структуры мира, которая будет включать в себя три элемента («три мира»):

1. «Старые» промышленно развитые страны Европы, Северной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона.

2. Страны с быстрорастущей экономикой, но с естественным соотношением молодых и пожилых возрастных когорт в структуре населения.

3. Нестабильные в политическом отношении развивающиеся страны с все возрастающей степенью урбанизации и высокой долей молодежи⁶⁹.

Центры глобального лидерства в области экономики, международного сотрудничества и безопасности будут объективно, по мнению Джека Голдстоуна, перемещаться от стран первого мира к странам второго мира, которые с целью обеспечения планетар-

⁶⁷ Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs. 2010. № 1. URL: <http://www.foreignaffairs.com> (дата обращения: 10.03.2016).

⁶⁸ Термин «демографическая бомба» ввел в XX веке Пол Эрлих в одноименной книге, в которой предупреждал, что в 1970-х и 1980-х гг. грянет массовый голод из-за того, что рост населения в мире «обгонит» производство пищевых продуктов и других ресурсов.

⁶⁹ Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs. 2010. № 1. URL: <http://www.foreignaffairs.com> (дата обращения: 10.03.2016).

ной стабильности вместе должны будут помочь в развитии стран третьего мира.

Джек Голдстоун считает, что глобальные демографические тренды приведут к изменению структуры современных международных институтов: свое место и роль в мировой политике «G-8» все больше будет уступать «G-20», объединяющей новые экономические и демографические центры мира; Евросоюз с целью «омоложения» своих трудовых ресурсов и стимулирования экономического роста вынужден будет пойти на включение в свои ряды Турции; странам НАТО придется искать за пределами Северной Атлантики новых членов Альянса, обладающих молодым населением (военно-мобилизационными и трудовыми ресурсами), например, в лице таких стран, как Марокко или Бразилия⁷⁰.

Суммируя подходы всех вышеперечисленных авторов, можно определить следующие основные демографические вызовы глобальной политике в XXI веке:

– во-первых, это изменение геополитической расстановки сил вследствие изменения демографического и экономического веса отдельных стран и их союзов и, как следствие, деградация политического влияния одних стран и союзов, усиление и расширение влияния других;

– во-вторых, потенциальный рост политической нестабильности и насилия в растущих в демографическом отношении, но остающихся бедными странами;

– в-третьих, угроза замедления экономического роста во многих развитых и некоторых развивающихся странах вследствие интенсивного старения трудовых ресурсов;

– в-четвертых, возрастание роли трансграничных миграций, а также их влияния на политические процессы;

– в-пятых, глобальная урбанизация человечества со всеми вытекающими отсюда политическими, социальными и экономическими последствиями.

⁷⁰ Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs. 2010. № 1. URL: <http://www.foreignaffairs.com> (дата обращения: 10.03.2016).

Таким образом, в XXI веке демографические процессы станут важнейшим фактором глобального развития и, соответственно, глобальной политики. Учет и ориентация политики национальных правительств на указанные глобальные демографические тренды является настоятельной необходимостью, а попытка их игнорирования может обернуться серьезными проблемами в будущем. Особенностью является и то, что эти тренды носят глобальный характер и воздействовать на них возможно только на уровне глобальной политики путем глубокого и всеобъемлющего взаимодействия различных стран и международных организаций.

Глава 3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

3.1. Демографические процессы и основные векторы политического развития России в XXI веке

Политические процессы, протекающие в РФ, обусловлены различными группами факторов: экономическими, социальными, духовными и иными. Все они носят перманентный характер, но значимость определенной группы факторов различна на каждом историческом этапе. В настоящее время и в перспективе значительное влияние на политические процессы в России будет оказывать демографический фактор. Основное содержание демографического фактора состоит в депопуляции и в изменении структуры населения.

Наиболее важным проявлением демографического фактора в XXI веке станет сокращение численности населения России. В 1960 г. РСФСР занимала четвертое место в мире по численности постоянного населения, в 2002 г. РФ – уже седьмое место, а в 2010 г. – лишь восьмое. Сейчас РФ уступает таким странам, как Китай, Индия, США, Индонезия, Бразилия, Пакистан и Бангладеш. В 2002–2010 гг. население РФ сократилось на 2.3 млн чел. до уровня 142.9 млн. чел. Несмотря на незначительный естественный прирост населения России в 2013–2015 гг. (24.0 тыс. чел. в 2013 г.; 33.7 тыс. – в 2014 г., 32.7 тыс. – в 2015 г.⁷¹), проблема депопуляции не решена. Тенденция сокращения численности населения останется доминирующей для РФ в XXI веке. По про-

⁷¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 10.03.2016).

гнозам ООН численность населения России в 2050 г. может составить 126.2 млн чел., а в 2100 г. – 111.1 млн чел.⁷² (см. табл. 6).

Таблица 6

Прогноз численности населения Российской Федерации
в 2010–2100 гг. (тыс. чел.) *

Вариант прогноза численности населения (тыс. чел.)	2010	2025	2050	2075	2100
Средний	142 958	139 034	126 188	114 585	111 057
Высокий	142 958	144 454	145 257	156 263	183 928
Низкий	142 958	133 615	108 941	81 613	61 653

* Составлена по материалам Департамента экономических и социальных отношений ООН. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/> (дата обращения: 10.03.2016). Прогноз не учитывает население Крымского федерального округа, поскольку был выполнен до 2014 г.

Какое влияние данная демографическая тенденция может оказать на политические процессы в стране и на ее положение в мире? В результате стремительного демографического спада Россия к середине XXI века перестанет входить в десятку самых населенных стран мира, ее опередят Нигерия, Эфиопия, Филиппины, Египет, Мексика, Демократическая Республика Конго, а к концу века – также Кения, Нигер. Причем здесь за основу был взят средний вариант⁷³. Согласно низкому варианту прогноза к 2100 г. плотность населения РФ сократится с 8 до 4 человек на квадратный километр,

⁷² Demographic Yearbook 2008 // Официальный сайт ООН. URL: <http://unstats.un.org/unsd/default.htm> (дата обращения: 10.03.2016); Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016); Прогноз численности населения на 2025, 2050, 2075 и 2100 гг. // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_2050.php (дата обращения: 10.03.2016).

⁷³ Материалы Департамента экономических и социальных отношений ООН. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/> (дата обращения: 10.03.2016).

а огромная часть страны превратится в безлюдное пространство. Это опасная тенденция для России с ее огромной территорией, значительная часть которой слабо освоена. Тем самым объективно усиливаются геополитические претензии других государств на территории и ресурсы нашей страны.

На фоне миллиардного населения соседних Китая и Индии, стремительно растущего населения Черной Африки, увеличивающегося населения США, депопуляция в России приведет к утрате имперских амбиций. Российскому обществу придется осознать, что Россия уже не является ведущим мировым игроком. Между тем имперская идея могла бы стать серьезной опорой формирования идентичности в современной России.

Важным следствием демографических процессов станет уменьшение численности русского населения. В 1989 г. на территории РСФСР проживало 119.9 млн русских и в остальных советских республиках – еще 25.1 млн чел. В 1989–2004 гг. в Россию вернулось 5.43 млн русских, но свыше 2 млн из них убыли обратно, не сумев адаптироваться. В 1989–2002 гг. численность русских сократилась почти на 4 млн чел., а их доля уменьшилась с 81.5 % до 79.8 %. В действительности же сокращение численности русских гораздо масштабнее. Согласно ряду оценок, не менее 1.5 млн украинцев, белорусов и лиц, рожденных от смешанных браков, указали себя русскими при переписи 2002 г. На это указывает сокращение в 1989–2002 гг. числа украинцев в России на 1.4 млн и белорусов на 400 тыс. чел. Без этих «вливаний» численность русских сократилась бы на 8.5–9.0 млн, а их доля могла упасть до 75 %⁷⁴. Перепись 2010 г. зафиксировала сокращение доли русских до уровня 77.7 %, число русских уменьшилось за 8 лет еще на 4 млн чел.⁷⁵ Очевидно, что эта тенденция продолжится ввиду показателей

⁷⁴ Государственная политика вывода России из демографического кризиса / под общ. ред. С.С. Сулакшина. 2-е изд. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», Научный эксперт, 2007. С. 76–78.

⁷⁵ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

смертности и рождаемости русских относительно других народов России, а также миграционных потоков. Россия из страны с преобладающим русским населением может превратиться в страну, где русские будут лишь относительным большинством. Учитывая, что русский этнос является системообразующим для российской государственности, эти демографические процессы будут иметь политические последствия. Это опасно еще и потому, что российская национальная идентичность основывается на русской культуре и русском языке, носителями которых в первую очередь выступают этнические русские.

Существенное влияние на политические процессы будет оказывать уменьшение численности населения на Дальнем Востоке и в Сибири. В 1989 г. в этой части территории России проживали 21.8 % населения страны⁷⁶. В 2010 г. в Сибирском федеральном округе проживали 19.3 млн чел. (13.5 %), в Дальневосточном федеральном округе – 6.3 млн чел. (4.4 %)⁷⁷. По сравнению с данными 1989 г. численность населения регионов Сибирского федерального округа сократилась более чем на 7.5 %, а Дальневосточного – более чем на 19 %, в том числе в 2002–2010 гг. на 4.0 % и 6.0 % соответственно. В целом по РФ в 2002–2010 гг. численность населения уменьшилась всего на 1.6 %, следовательно, темпы депопуляции выше российских в Сибирском округе в 2 раза, в Дальневосточном – в 3.5 раза.

Дальнейшая депопуляция в азиатской части России будет формировать в обществе мнение о неизбежной утрате этих территорий. В сфере идентичности это может привести к утрате фундамента для «евразийской идеи», которая также могла бы стать одной из основ российской идентичности. Для российского народа явля-

⁷⁶ Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 20.

⁷⁷ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

ется традиционным восприятие себя как общества, сочетающего в себе европейские и азиатские начала. Этот политико-исторический подход играет большую роль в государственной идеологии России с давних времен и, несомненно, сохраняет свое значение до сих пор. Взять хотя бы двухглавого орла на государственном гербе современной Российской Федерации, который, как известно, означает единство Запада и Востока. Демографические тренды могут разрушить существующий фундамент для подобной самоидентификации россиян.

Россияне все больше начнут отождествлять себя с Европой, испытывающей схожие демографические проблемы (сокращение численности населения, низкая рождаемость, старение населения, иммиграция). Во внешней политике это может выразиться в ослаблении интереса к азиатскому вектору российской геостратегии, а во внутренней политике – в социально-экономическом перекосе в развитии западной и восточной частей страны.

Еще одним демографическим трендом является рост урбанизированности населения. Известно, что региональная политическая идентичность в большей степени развита у сельских жителей. Так, согласно исследованию А.В. Баранова, 40 % опрошенных сельчан соотносят себя с регионом и лишь 22 % опрошенных – со страной, в то время как жители обеих столиц (44 % опрошенных) и городов с населением свыше 1 млн чел. (35 % опрошенных) в первую очередь идентифицируют себя с Российской Федерацией⁷⁸. В связи с этим сокращение численности сельского населения РФ в 2002–2010 гг. с 26.7 % до 26.3 % в принципе должно оказать позитивное влияние на укрепление общероссийской идентичности. Особенно если учитывать, что реально численность сельчан сократилась в большей степени, и компенсировало ее лишь преобразование в 2002–2010 гг. 413 городских поселков в сельские населенные пункты. Численность же городского населения, проживающего в столицах и городах с населением свыше 1 млн чел., сохранилась

⁷⁸ Баранов А.В. Актеры региональных политических процессов в постсоветской России. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 260.

в 2010 г. на уровне 2002 г. – 40 %⁷⁹. Однако в разрезе федеральных округов ситуации иная: в 2002–2010 гг. Южный, Уральский и Дальневосточный федеральные округа наоборот продемонстрировали увеличение доли сельского населения (табл. 7).

Таблица 7

Доля городского и сельского населения
по федеральным округам в 2010 г.*

Федеральный округ	2010 г.		2002 г.	
	городское	сельское	городское	сельское
Российская Федерация	73.7	26.3	73.3	26.7
Центральный	81.3	18.7	79.9	20.1
Северо-Западный	83.5	16.5	82.3	17.7
Южный	62.4	37.6	62.9	37.1
Северо-Кавказский	49.1	50.9	49.0	51.0
Приволжский	70.8	29.2	70.8	29.2
Уральский	79.9	20.1	80.7	19.3
Сибирский	72.0	28.0	71.1	28.9
Дальневосточный	74.8	25.2	75.9	24.1

* Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

Если же рассмотреть этот аспект по регионам страны, то можно отметить, что наибольшая доля сельского населения наблюдается в национально-территориальных образованиях Южного федерального округа: Республика Адыгея (49 %), Республика Калмыкия (55.9 %); Северо-Кавказского федерального округа: Республика Дагестан (54.5 %), Республика Ингушетия (61.7 %), Кабардино-Балкарская республика (45.5 %), Карачаево-Черкесская республи-

⁷⁹ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

ка (57.7 %), Чеченская республика (65 %); Сибирского федерального округа: Республика Алтай (72.4 %), Республика Тыва (46.9 %). При этом Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия продемонстрировали также увеличение доли сельского населения по сравнению с переписью 2002 г. С учетом того обстоятельства, что в национально-территориальных образованиях региональная идентичность усиливается собственной этнической идентичностью, этот факт должен стать предметом пристального внимания федеральных властей.

К тому же мы наблюдаем усиление региональной идентичности в регионах, где в XXI веке власть федерального центра будет объективно слабеть вследствие вышеперечисленных социально-демографических факторов. Все это способно стать серьезным препятствием для укрепления национальной идентичности в стране.

Влияние демографии в XXI веке отразится и на этноконфессиональной структуре населения России. По данным В.Я. Белокреницкого, численность мусульманского населения России в 1989–2002 гг. возросла с 11.8 млн до 14.5 млн, а доля мусульман – с 8 % до 10 % соответственно, то есть каждый десятый россиянин – мусульманин⁸⁰. По его мнению, среди 1.5 млн россиян, которые во время переписи 2002 г. не указали свою национальность, могло быть до 0.5 млн мусульман и, кроме того, в стране легально и нелегально находились 4–5 млн мусульман, не являвшихся гражданами России⁸¹. В итоге численность мусульман могла достигать 20 млн чел. Причем эти расчеты выглядят еще достаточно оптимистично. Так, по мнению сотрудника Университета национальной обороны США Джеффри Саймона, к 2050 г. численность населения России может снизиться до 104.3 млн чел., а мусульмане вплотную приблизятся к тому, чтобы стать большинством в стране⁸². Пере-

⁸⁰ Белокреницкий В.Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. 2008. № 2. С. 19.

⁸¹ Там же. С. 20.

⁸² Саймон Дж. Неужели демография – это судьба? // Россия в глобальной политике. 2010. № 2. С. 40–54.

пись населения 2010 г. подтвердила динамику увеличения мусульманского населения: доля мусульман среди постоянного населения уже превысила 10.5 %, и это без учета 5.6 млн россиян, которые во время переписи не указали свою национальность, а также нескольких миллионов мигрантов⁸³. В XXI веке удельный вес мусульман будет увеличиваться за счет более высоких показателей рождаемости в регионах с преимущественно мусульманским населением и вследствие миграционного прироста, который в значительной степени идет из Средней Азии и Азербайджана (табл. 8).

Таблица 8

Мусульманское население России
(оценки на перспективу, млн чел.)*

Годы	Население, средний вариант А	Население, высокий вариант Б	Мусульмане, постоянные жители	Процент мусульман, вариант А	Процент мусульман, вариант Б
2005	144.0	144.0	15.2	10.6	10.6
2015	136.5	140.0	17.8	13.0	12.7
2025	128.2	135.6	20.9	16.3	15.4
2050	107.8	130.0	31.1	28.9	23.9

* *Белокреницкий В.Я.* Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. 2008. № 2. С. 22.

Серьезное изменение национально-конфессионального состава РФ в XXI веке приведет к усилению в идентичности россиян значения характеристики «многонациональный и многоконфессиональный народ», иными словами, будет ослабевать «русская основа нации». Изменится и идентификация российских мусульман, которые увидят в своем лице вторую по численности группу и одну из основ российской государственности. Увеличение доли

⁸³ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

мусульман выразится в постепенном изменении состава российских элит и в усилении ориентации на страны растущей мусульманской цивилизации и на Европу, в населении которой также ожидается увеличение доли последователей ислама. Все это может привести к формированию новой идентификации России как «евроисламского государства» – моста между христианским и мусульманским миром. В то же время для укрепления российской гражданской идентичности важно победить в борьбе за умы российских мусульман, ведь если возобладают идеи «исламского халифата», то это будет означать фактический крах российской национальной идентичности.

Следует упомянуть и об изменении половозрастной структуры населения России. Выразится это в старении населения, в частности в сокращении трудовых и военно-мобилизационных ресурсов. По данным Росстата к 2030 г. численность трудоспособного населения уменьшится на 11.02 млн чел. Вызвано это тем, что после 2010 г. 60-летний рубеж начнут пересекать многочисленные послевоенные поколения. Быстрое увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста повлечет за собой серьезные социально-политические трансформации, что найдет определенное отражение на электоральном поле России, ведь старшее поколение традиционно сильно прокоммунистическими симпатиями. Надежды некоторых либеральных политиков, что электорат КПРФ исчезнет «естественным путем», в этом смысле беспочвенны. Или, к примеру, по данным опросов, в России среди тех, кто выступает за расширение полномочий местных властей, наибольшую долю составляют респонденты в возрасте 18–24 лет (44.0 %). Сокращение доли молодежи объективно будет способствовать усилению централистских тенденций в российском обществе. К середине 2010-х гг. страна также начнет испытывать дефицит призывников. Итогом станет либо сокращение численности армии, что отразится на обороноспособности страны, либо увеличение числа контрактников, причем по большей части – не граждан РФ, а в этом случае армия станет дорогостоящей и фактически наемной. На протяжении XXI века в России будет происходить усиление так называ-

емой демографической нагрузки на трудоспособное население⁸⁴. Суммарная демографическая нагрузка с уровня в 38.6 возрастет до 70.9 к 2060 г., причем демографическая нагрузка детьми вырастет на 37.0 %, а демографическая нагрузка пожилыми людьми – на 139 % (см. табл. 9).

Таблица 9

Демографическая нагрузка России в 2010–2100 гг.
(для среднего варианта демографического прогноза ООН)*

Демографическая нагрузка	Годы					
	2010	2020	2040	2060	2080	2100
Детьми	20.8	25.6	23.9	28.5	30.0	29.5
Пожилыми	17.7	22.5	31.2	42.4	38.4	38.5
Суммарная	38.6	48.1	55.1	70.9	68.4	68.0

* Составлена автором по материалам: Демографическая нагрузка, 1950–2100 // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40der.php> (дата обращения: 10.03.2016).

В целом к 2060 г. суммарная демографическая нагрузка увеличится практически в 2 раза, в большей степени за счет увеличения нагрузки пожилыми. Это приведет либо к масштабному сокращению военных расходов, что отразится на обороноспособности, либо к отказу от социального характера государства и к значительному свертыванию пенсионной системы, что способно спровоцировать социально-политический протест.

Компенсировать недостаток трудовых ресурсов можно за счет внешней миграции. Перепись 2010 г. выявила, что в 2002–2010 гг. в страну прибыло 2 939.2 тыс. мигрантов, то есть в среднем более

⁸⁴ Группа показателей, характеризующих соотношение 3 возрастных групп – в трудоспособном возрасте (от 15 до 64 лет), младше него и старше. Демографическая нагрузка детьми – соотношение численности населения в возрасте 0–14 лет и в возрасте 15–64 лет. Демографическая нагрузка пожилыми – соотношение численности населения в возрасте 65 лет и старше и в возрасте 15–64 лет. Суммарная демографическая нагрузка – сумма демографической нагрузки детьми и пожилыми; дается в расчете на 100 лиц трудоспособного возраста.

360 тыс. чел. ежегодно⁸⁵. Однако, по оценке Всемирного банка, для компенсации трудовых ресурсов России потребуется в ближайшие 20 лет еще 12 млн иммигрантов (600 тыс. чел. ежегодно), притом, что, по данным Фонда ООН, в области народонаселения доля мигрантов среди экономически активного населения на данный момент уже составляет около 10 %⁸⁶. Таким образом, через 20 лет мигранты будут составлять до 20 % населения страны, при этом они будут сконцентрированы преимущественно в ее главных экономических центрах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и т. д.). И это еще не самые большие цифры в оценках перспектив миграции в Россию⁸⁷.

Итогом станет нарушение этнического баланса в ряде регионов страны, что без сомнения отразится на состоянии национальной безопасности и социально-политической стабильности. Миграционные процессы станут фактором формирования национальной идентичности россиян, так как в миграционных потоках будут преобладать представители неславянских культур. На первое место выйдут задачи миграционной политики, пресекающие нежелательные миграционные потоки, и меры национальной и социальной политики, направленные на успешную интеграцию приезжих. Инокультурные миграционные потоки могут спровоцировать в российском обществе рост ксенофобии, что может дестабилизировать социально-политическую ситуацию и угрожать российской государственности. Демографические характеристики, численность и состав мигрантов, а также половозрастная структура принимающего населения будут оказывать непосредственное влияние

⁸⁵ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

⁸⁶ Россия в цифрах // Коммерсант – Власть. 2010. 29 марта. С. 10; Россия в цифрах // Коммерсант – Власть. 2010. 5 апреля. С. 12.

⁸⁷ Так, например, в 2011 г. глава Комитета Государственной Думы РФ Константин Косачев в интервью каналу «Россия-24» заявил, что через 40 лет в стране будут находиться 40 млн мигрантов. См.: Косачев: к 2050 году мигрантом в РФ будет каждый третий // Актуальные комментарии. URL: http://actualcomment.ru/kosachev_k_2050_godu_migrantom_v_rf_budet_kazhdyu_tretyi_.html (дата обращения: 10.03.2016).

на уровень межэтнической напряженности. Особенно опасна тенденция формирования этносоциальной стратификации общества, то есть выстраивания социальной иерархии на основе этнической принадлежности.

Таким образом, демографические процессы в XXI веке ослабят геополитические позиции России: она потеряет место в списке самых населенных стран мира, произойдет изменение стереотипов восприятия как внутри страны, так и за ее пределами, возможно, произойдет территориальное сжатие, усилится ориентация на европейскую и исламскую цивилизации. Демографические процессы приведут к изменению этнической структуры с тенденцией к уменьшению доли русских и увеличению числа мусульман, что отразится во внешне- и внутривнутриполитических процессах. Старение населения приведет к серьезному усилению демографической нагрузки пожилыми и потребует пересмотра границ социальной ответственности государства, а в сфере обороны – сокращения расходов на военную сферу. Будет также ощущаться и дефицит военно-мобилизационных ресурсов. Значительную роль станут играть массовые инокультурные миграционные потоки. Они, с одной стороны, будут главным источником улучшения демографических характеристик страны и, соответственно, ослабления негативного влияния демографии на политические процессы, а с другой стороны – станут фактором внутривнутриполитической нестабильности. Формирование национальной идентичности россиян также будет зависеть от состояния демографической сферы и специфики миграционных процессов.

3.2. Демографические процессы как фактор этнополитики России

Этнополитические конфликты стали одним из важнейших явлений современных политических процессов во всех регионах мира. Среди множества факторов, влияющих на возникновение и протекание этнополитических конфликтов, немаловажное место занимает демографический фактор, причем в ряде случаев он

оказывает решающее воздействие на возникновение этноконфликта. Под демографическим фактором мы понимаем совокупность процессов естественного и механического движения населения, формирующих конфликтотензиальный потенциал в сфере межэтнических отношений или провоцирующих открытое межэтническое противостояние в определенной стране, регионе, местности. Демографические процессы формируют условия для возникновения межэтнического напряжения, которое при наличии других факторов (экономических, социальных и политических) и соответствующего повода может перерасти в этнический или этнополитический конфликт.

Необходимо отметить, что по вопросу о форме проявления демографического фактора в российской политической науке существует ряд подходов. По мнению В.Н. Коновалова и Х.М. Маджида, следует выделять социально-экономические, политико-правовые, исторические, культурные, психологические, экологические причины этнических конфликтов. Социально-экономические причины сводятся к стремлению различных этногрупп получить статус субъекта экономических отношений, доступ к ресурсам и контроль над ними, к их числу они относят и демографические факторы, такие как уменьшение продолжительности жизни, высокий уровень детской смертности и т. д.⁸⁸

А.П. Садохин среди причин этнических конфликтов в бывшем СССР и нынешнем постсоветском пространстве называет так называемые этнодемографические причины: быстрое изменение соотношения численности контактирующих народов вследствие миграции и различий в уровне естественного прироста населения⁸⁹. Кроме того, он перечисляет ряд причин возникновения этноконфликтов, которые также можно считать имеющими «демографическую подоплеку»:

⁸⁸ Коновалов В.Н. Теоретико-методологические аспекты анализа этнонационального конфликта // Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 22–23 марта 2012 г. Казань: КНИТУ, 2012. С. 29–30.

⁸⁹ Садохин А.П. Этнология: учебник. М.: Гардарики, 2001. С. 230.

– в результате многочисленных миграций изменялись границы расселения этносов и государств;

– модернизация и интеллектуализация народов приводят к тому, что в престижных видах деятельности возникает конкуренция между титульными и основными этносами, представители титульных этносов начинают претендовать на престижные и привилегированные места, в том числе во власти;

– разделение труда между этническими группами, в результате чего складывается конкуренция между сферами труда, которая может переноситься и на сами этнические группы⁹⁰.

Этнический конфликт, по мнению А.П. Садохина, может проявляться и в виде так называемой начавшейся этноизбирательной миграции из региона, которую общественное мнение данной группы определяет как «исход», «массовое переселение» и т. п. и которая существенно изменяет местный этнодемографический баланс в пользу остающихся этнических групп. Когда появляются политические силы, декларирующие необходимость изменения сложившегося положения в интересах указанной этнической группы, и начинаются спонтанные акции протеста, то можно говорить о начале этнического конфликта⁹¹.

Таким образом, под влиянием демографического фактора на этнополитические конфликты следует понимать особенности естественного и механического движения определенных этнических групп в конкретном микро- или макрорегионе, которые провоцируют межэтническое напряжение, находящее свое выражение в этнополитическом противостоянии. К формам проявления демографического фактора можно отнести изменение (или угрозу изменения) этнодемографического баланса в результате миграций и (или) различий в структуре естественного воспроизводства в конкретной стране, регионе, местности. Причем миграции, провоцирующие конфликт, могут быть направлены как в регион, так и из него. Важное значение имеют интенсивность миграционных потоков и число накопленных в стране мигрантов, а также их эт-

⁹⁰ Садохин А.П. Этнология: учебник. М.: Гардарики, 2001. С. 228–230.

⁹¹ Там же. С. 232–233.

ническая, языковая, религиозная и культурная характеристики. Однако миграции и перемещения выступают важнейшим фактором этнополитических конфликтов только в условиях недостатка ресурсов и неудовлетворенности основных экономических, социокультурных и политических интересов населения. Это провоцирует в обществе поиск «виноватых» и ими оказываются этнически «чужие».

Процессы естественного движения, влияющие на возникновение этнического конфликта, могут выражаться как в росте, так и в сокращении рождаемости, смертности, продолжительности жизни, изменении возрастно-половой структуры населения. Однако такое изменение должно существенно влиять на этнодемографический баланс в регионе, угрожать властному или ресурсному потенциалу определенной этнической группы. Если все представленные в регионе этнические группы демонстрируют схожие или сопоставимые тенденции в естественном движении, то эти процессы не провоцируют этноконфликт. Налагаясь же на ситуацию социальной напряженности (усиление конкуренции в сфере труда, падение качества жизни и т. д.) в результате кризиса, воздействие демографических факторов на возникновение конфликта резко возрастает.

Возможными проявлениями демографического фактора межэтнической напряженности, на взгляд автора, также являются:

1. Процессы территориальной концентрации нации, сопровождающиеся процессами ассимиляции и интеграции других этнических групп, которые особенно активно идут в ряде постсоветских республик. Например, в Казахстане в 1990–2000-е гг. активно реализовывалась политика возвращения соотечественников-оралманов. Она привела, с одной стороны, к росту численности казахов в Казахстане с 6.5 млн в 1989 г. до 9.3 млн в 2007 г. и доли казахов в населении страны – с 44 % до 59.8 %, а с другой стороны, к массовому оттоку неказахского населения из республики⁹². Переезд

⁹² Шустов А. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. №3. С. 96–97.

300–400 тыс. оралманов вызвал межэтническое напряжение в Казахстане, причем даже в среде этнических казахов⁹³.

2. Конкуренция за власть национальных элит в полиэтничных обществах. Такие претензии, как правило, обосновываются изменением численности этнической группы. Например, в Дагестане существует система негласного этнического и территориального квотирования при распределении руководящих должностей во властных структурах и учреждениях республики между 14 этносами, конституирующими республику⁹⁴. Подобная система отводит важную роль демографическим процессам, поскольку различия в воспроизводстве разных этносов или даже банальные махинации во время переписи населения могут нарушить этнодемографический баланс и спровоцировать этнополитический конфликт. Хорошо известен печальный пример Ливана, в котором этнорелигиозный конфликт в 1974 г. во многом был спровоцирован демографическим фактором (различные темпы прироста христианского и мусульманского населения) и социально-экономическим неравенством христиан и мусульман.

3. Массовые миграционные потоки, носящие взрывной характер, часто провоцируют межэтническое напряжение, способное под влиянием ряда других факторов социально-экономического и культурного характера, перерасти в этнополитический конфликт. Подобные миграционные процессы сегодня имеют место во многих регионах Российской Федерации. В ряде регионов этнические миграции уже привели к существенному изменению этнического баланса: в Москве, Краснодарском и Ставропольском краях, Астраханской области, Саратовской области, на Дальнем Востоке. В Саратовской области, по данным В. Динеса и А. Николаева, удельный вес русских составляет около 80 %, но в двух пограничных с Казахстаном районах русские уже в меньшинстве,

⁹³ Алексеев А. Казахстан: проблемы иммиграционной политики // Россия и мусульманский мир. 2012. № 3. С. 105–124.

⁹⁴ Адиев А.З. Особенности национального квотирования в органы власти Республики Дагестан // Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития: сб. материалов междунаучно-пр. конф. 11–12 марта 2009 г. Вып. 2. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. С. 216–220.

а в 17 населенных пунктах области большинством являются чеченцы; в Ровенский район Саратовской области в 2004 г. переселились из Киргизии 30 дунган, а через пять лет в районе их уже проживало более 2000 человек⁹⁵. Из-за стремительного роста, в основном вследствие миграций, численности некоторых этнических групп (армян, турок-месхетинцев, представителей других закавказских и северокавказских народов) создается прямая угроза «балканизации» Ростовской области. Причем активно происходит расселение мигрантов в традиционно моноэтнических сельских районах. Так, по данным Г.С. Денисовой, численность армян в Ростовской области увеличилась в 1989–2002 гг. с 62.5 тыс. чел. до 145.5 тыс. чел., места их расселения – с 2 районов до 16 районов, а численность представителей других народов Кавказа увеличилась за этот же период от 1.5 до 7 раз⁹⁶. Схожая картина наблюдается в Ставропольском крае. Сюда за последние 20 лет прибыло около 1 млн мигрантов из Чечни, Ингушетии, Армении, Азербайджана, Грузии, среднеазиатских республик и Казахстана при общей численности населения края всего в 2.72 млн чел. В Краснодарский край за это же время прибыло более 1 млн армян, азербайджанцев, грузин, крымских татар, греков, турок-месхетинцев. Причем армяне, численность которых составляет уже около 300 тыс. чел., стали второй после русских этнической группой. Подобные массовые миграции порождают рост цен на недвижимость, обострение конкуренции на рынке труда, ведут к определенному снижению уровня жизни в регионе, вызывают перегрузку системы образования и здравоохранения. Миграционные потоки нарушают устоявшееся этническое разделение труда, вызывают страх перед ассимиляцией и утратой национальной идентичности, провоцируют обострение этнической конкуренции в борьбе за власть и ресурсы.

⁹⁵ Динес В., Николаев А. Социально-экономические последствия этнических миграций в контексте модернизации // Власть. 2010. № 12. С. 5–6.

⁹⁶ Денисова Г.С. Формирование региональной идентичности как стратегия стабилизации межэтнических отношений в Ростовской области // Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: матер. III Межд. конгресса конфликтологов. Т. 2. Казань: КГТУ, 2010. С. 71–72.

Следует отметить, что свое выражение в форме этнополитического конфликта демографические процессы могут найти через десятилетия. Например, современный этнополитический конфликт в прибалтийских республиках обусловлен массовыми миграционными процессами в советское время. Так, за 1959–1989 гг. численность увеличилась: в Литве русских – с 231 тыс. до 344 тыс. чел. (на 49 %), литовцев – с 2 151 тыс. до 2 924 тыс. (на 36 %); в Латвии русских – с 556 тыс. до 905 тыс. чел. (на 63 %), латышей – с 1 298 тыс. до 1 388 тыс. (на 7 %); в Эстонии русских – с 240 тыс. до 475 тыс. (на 98 %), эстонцев – с 893 до 963 тыс. (на 8 %)⁹⁷. Взрывной рост численности русского населения в течение всего двух демографических поколений спровоцировал среди местного населения боязнь утраты собственной идентичности. В сочетании с непродуманной культурной политикой это стало одной из главных причин резкого обострения межнациональных отношений в конце 1980-х – 2000-е гг.

4. Неравенство в этнической сфере в полиэтничных государствах, которое прежде всего обусловлено численностью этносов и этнических групп. Например, Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию многонациональным государством, но при этом даже такие крупные этносы и этнические группы, как татары, украинцы и другие, не обладают равными возможностями по сравнению с русским этносом, не говоря уже о политическом потенциале так называемых малых народов. Подобная ситуация наблюдалась в Украине в отношении русского, крымскотатарского населения, а также в некоторых других государствах бывшего СССР.

5. Распространение этносоциальной стратификации общества, в том числе в России, тоже порождает межэтническое напряжение. Например, выходцы с Кавказа доминируют в сфере розничной торговли и общепита, выходцы из республик Средней Азии – в сфере строительства, жилищно-коммунального хозяйства и т. д.

⁹⁷ Зверева Н.В., Кваша А.Я., Козлов В.И. и др. Демография: современное состояние и перспективы развития: учеб. пособие // под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 88.

Говоря о характерных особенностях влияния демографического фактора, необходимо назвать его относительное постоянство. Миграционные потоки, как правило, обладают определенной стабильностью, а тренды естественного движения достаточно инертны и чаще всего меняются в течение не менее чем 1–2 демографических поколений. С той точки зрения, что фон для этнической напряженности формируют демографические процессы, которые отличаются относительным постоянством, можно утверждать, что полностью и сразу исключить демографические предпосылки для рецидива этноконфликта крайне сложно, даже после его принудительного погашения.

Еще одной особенностью влияния демографического фактора является прямая зависимость между уровнем рождаемости, возрастной структурой населения и конфликтогенным потенциалом данной демографической структуры. Вероятность социальной напряженности резко возрастает при сохранении высокой рождаемости, обуславливающей формирование молодой возрастной структуры населения. Эта ситуация характерна для развивающихся стран, где доля населения в возрасте до 15 лет составляет 30 % и более. Демографический фактор, увеличивая масштабы аграрного перенаселения, усиливает отток сельской молодежи в города. Значительная масса мигрантов – это молодежь в возрасте 15–29 лет, которые не имеют профессиональной подготовки и не обладают специальностями, в которых бы нуждалось городское хозяйство. Миграция сельского населения в города способствует процессу пауперизации⁹⁸. Если же миграционные потоки при этом обладают этническими отличиями от принимающего населения и нарушают этнодемографический баланс в регионе, то межэтническая напряженность практически неизбежна. Таким образом, этнополитический конфликт провоцируется не столько ростом численности населения, сколько увеличением доли лиц молодого возраста. Для возникновения этнополитического конфликта население должно быть «молодым», потому что именно молодежь наиболее агрес-

⁹⁸ Современная демография / под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 41.

сивна, склонна к поддержке радикальных идей и готова к активным действиям. Так, по данным социологического исследования Л. Дробижевой, сторонников силовых действий в сфере межэтнических отношений в российском обществе больше среди молодежи: среди тех, кому 18–25 лет, таковых 46 %, а среди тех, кому 50 лет и старше, – только 36–37 %⁹⁹.

Еще одной особенностью влияния демографического фактора является то, что эпицентром этнополитического конфликта, как правило, становятся городские местности как очаги скопления разнотнического населения, территории его активного пересечения и тесного взаимодействия. Для подобной концентрации населения необходимо наличие постоянного и достаточно мощного притока населения из сельской местности, т. е. уровень рождаемости в сельской местности должен поддерживаться на относительно высоком уровне.

Изменение этнодемографической структуры населения отдельных регионов нередко провоцирует этнополитические конфликты не только в данном регионе, но и в стране в целом. Например, отток русского населения с территории ряда субъектов РФ (Чечня, Дагестан, Ингушетия и др.) в значительной степени провоцирует в стране лозунг «Хватит кормить Кавказ!». Депопуляция русского этноса при одновременном росте численности титульного населения в большинстве республик Северного Кавказа провоцирует межэтническое напряжение (табл. 10).

Если бы население в республиках Северного Кавказа было преимущественно или в значительной степени русским, наверно, этот лозунг в политическом дискурсе российского общества вообще бы не присутствовал.

С другой стороны, сокращение численности титульной национальности в отдельных субъектах РФ (Карелия, Удмуртия, Коми, Еврейская автономная область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО) ставит на повестку вопрос о целесообразности сохранения этих национально-территориальных образований. Об-

⁹⁹ Дробижева Л. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Россия и мусульманский мир. 2012. № 4. С. 47–48.

условлена эта идея также этнодемографическими процессами. Реализация же указанного проекта может, в свою очередь, запустить механизм межнационального конфликта в масштабах всей федерации, так как ликвидация отдельных национально-территориальных субъектов может стать опасным прецедентом.

Таблица 10

Доля русского населения в национально-территориальных образованиях в Северо-Кавказском федеральном округе (1989–2010 гг.)*

Субъект	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Кабардино-Балкария	31.9	25.1	22.5
Республика Ингушетия	23.1	1.2	0.8
Республика Дагестан	9.2	4.7	3.6
Республика Карачаево-Черкесия	42.4	33.6	31.3
Чеченская Республика	23.1	3.7	1.9

* Составлена автором по данным: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

По мнению Л.Б. Внукова, демографические факторы непосредственно влияют на возможности реализации и обеспечения достойного уровня жизни населения, что может являться одной из причин социально-политической напряженности или «латентного конфликта»¹⁰⁰. Старение населения, на наш взгляд, тоже способно породить этнополитическую напряженность, поскольку рост численности лиц старше трудоспособного возраста будет сопровождаться (в силу демографических тенденций) увеличением в нем доли русского населения, в то время как доля населения старше трудоспособного возраста в национальных республиках Северного Кавказа (вследствие относительно высокой рождаемости) будет существенно ниже. Может ли этот фактор спро-

¹⁰⁰ Внуков Л.Б. Методологические аспекты анализа взаимодействия факторов социально-политической напряженности (на примере Северного Кавказа) / Конфликты в социальной сфере : материалы V Всероссийской научно-практ. конференции (с международным участием), 22–23 марта 2012 г. Казань: КНИТУ, 2012. С. 59–60.

воцировать дополнительную этнополитическую напряженность в российском обществе? Полностью исключать подобный вариант развития событий нельзя.

С другой стороны, рост численности трудоспособного населения также может провоцировать этнополитический конфликт. К примеру, основной предпосылкой этнополитического конфликта в Ферганской долине в 1989 г. послужил рост численности трудовых ресурсов. В 1980-х гг. в среднем ежегодно трудовые ресурсы в Ферганской долине увеличивались на 22,4 тыс. чел.¹⁰¹, что в условиях экономического спада провоцировало социальную напряженность, которая находила свое выражение в росте межнациональной вражды. Условно говоря, в РСФСР в 1959–1989 гг. численность населения в возрасте 20–24 года уменьшилась, а в Узбекистане выросла почти в 3 раза¹⁰². Таким образом, фактором этнополитического конфликта могут служить не только различия в воспроизводстве разных этнических групп, но и просто высокий уровень воспроизводства населения, отягощенный социально-экономическими трудностями. В этом случае уже не играет роль наличие языковых, культурных и конфессиональных различий, которые между узбеками и турками-месхетинцами были минимальными.

Различия в уровне рождаемости и смертности разных этнических групп внутри страны также могут порождать этнополитические конфликты, если они носят негативный характер и касаются этнического меньшинства. Причина в том, что эти особенности процессов естественного воспроизводства могут быть истолкованы как систематическая политика государства или этнического большинства в отношении других этнических групп.

¹⁰¹ Назаров Р.Р., Ганиев С.К. Ферганский межэтнический конфликт 1989 г.: предпосылки, ход, последствия. Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 22–23 марта 2012 г. Казань: КНИТУ, 2012. С. 313–314.

¹⁰² Зверева Н.В., Кваша А.Я., Козлов В.И. и др. Демография: современное состояние и перспективы развития: учеб. пособие / под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 87.

Подводя итог, следует отметить, что роль и значение демографического фактора в генезисе и протекании этнических и этнополитических конфликтов признается многими исследователями. Демографический фактор имеет, как показывает опыт, множество вариантов и форм выражения. Серьезную проблему в его исследовании представляет отсутствие методологических подходов и приемов к анализу роли демографических и миграционных процессов в генезисе и протекании этнополитических конфликтов. Учет же влияния демографического фактора дает возможность если не прекратить этнический конфликт, то хотя бы не допустить его эскалации и перерастания в этнополитический конфликт.

Глава 4

ИММИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

4.1. Политические аспекты иммиграционных процессов в современной России

Социально-политическое развитие России в XXI веке в значительной мере будет обусловлено миграционными процессами. Депопуляция и сокращение трудовых ресурсов (следующие 10–12 лет ежегодно страна будет терять до 1 млн трудоспособного населения) станут способствовать повышению роли миграционных процессов. К 2060 г. суммарная демографическая нагрузка на трудоспособное население увеличится в России практически в 2 раза с 38.6 на 100 человек трудоспособного возраста до 70.9¹⁰³.

Об этой угрозе и ее геополитических последствиях заявил Президент РФ В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию в 2012 г.: «Сегодня доля молодого, активного, трудоспособного населения России от 20 до 40 лет – одна из самых высоких в развитых странах мира. Но уже через 20 лет численность такой возрастной категории может сократиться в полтора раза, если ничего не делать, такая тенденция продолжится. Либо именно сейчас мы сможем открыть для этих поколений жизненную перспективу... либо уже через несколько десятилетий Россия превратится в бедную, безнадежно постаревшую по возрасту (в прямом смысле этого слова) и неспособную сохранить свою самостоятельность и даже свою территорию страну»¹⁰⁴.

¹⁰³ Демографическая нагрузка, 1950–2100 / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40der.php> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁰⁴ Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 10.03.2016).

Иммиграционные процессы способны смягчить негативные последствия демографических процессов. Можно говорить о том, что массовые миграции неизбежны для нашей страны, массовые иммиграционные процессы – это шанс на будущее для нашей страны. Быть страной массовой иммиграции – это будущее России, хотим мы того или нет.

Однако в российском обществе существуют разные подходы к оценке необходимости иммиграции. Ряд политиков и ученых считают, что, несмотря на депопуляцию и грядущий дефицит трудовых ресурсов, Россия может и должна постараться обойтись без мигрантов. Решение демографических проблем видят и в росте рождаемости (политика стимулирования рождаемости вторых и последующих детей), и в создании условий для более активного вовлечения в трудовую деятельность женщин, стариков, инвалидов и прочих категорий населения, обладающих определенным трудовым потенциалом, но не востребованных пока в полной мере на рынке труда. Выходом называют также рост производительности труда, сокращение численности сотрудников силовых и правоохранительных органов и высвобождение соответствующего числа работников для народного хозяйства и т. д. Все эти меры, конечно же, должны быть использованы для улучшения демографии, однако они не смогут кардинально изменить ситуацию, поэтому правильнее было бы отводить им вспомогательную функцию как некоторого ограничителя излишней иммиграции, но не более того. Например, нынешние меры по стимулированию рождаемости окажут свое позитивное воздействие на рынок труда лишь через двадцать лет, когда это поколение достигнет трудоспособного возраста, а дефицит рабочих рук экономика ощущает уже сейчас.

Противники активной иммиграционной политики указывают на рост межэтнических противоречий и конфликтов в обществе. Правда, в большинстве случаев поводом для конфликтов становятся преступления или же вызывающие действия уроженцев Северного Кавказа, то есть внутренних мигрантов, а не иммигрантов. Смещение понятий – это характерное явление российского сознания, являющееся в определенной степени «эхом» чеченских войн и

террора 1990-х – начала 2000-х гг. Выступая против иммигрантов, многие граждане России подразумевают, прежде всего, выходцев из северокавказских республик.

Характерно, что большую популярность антимиграционная тематика получила на последних выборах мэра Москвы, когда практически все кандидаты, в большей или меньшей степени, высказывались с критикой иммиграционной политики государства и обещали «жесткие» меры в отношении мигрантов. Причем это в Москве, где подавляющая часть населения сами являются внутренними мигрантами в первом или втором поколении. Таков, к сожалению, тренд общественного сознания современного российского общества. Сожаление это вызывает по двум причинам: во-первых, массовая иммиграция неизбежна, поэтому игнорирование этих процессов грозит опасными последствиями, а во-вторых, вызывают недоумение попытки властей заигрывать с националистическими настроениями в обществе посредством темы миграции. Политические элиты вместо того, чтобы формировать в обществе толерантное отношение к иммиграционным процессам, продвигать в общественном сознании понимание их неизбежности и полезности для успешного развития, чаще всего пытаются эксплуатировать антимигрантские настроения исключительно в целях увеличения своей электоральной поддержки, провоцируя тем самым рост ксенофобии в обществе. Политические элиты в очередной раз уклоняются от своей главной задачи – определение и обоснование взвешенных и рациональных целей общественного развития. Правда, следует признать, что такие тенденции характерны не только для российской политической элиты, но и для элит многих развитых стран мира.

Что касается второго подхода, то его отражают в большей степени либерально настроенные круги российской политической и научной элиты. В определенной степени он нашел свое отражение в «Концепции демографической политики РФ до 2025 г.» и «Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г.», которые ставят задачу наращивания иммиграционного потока. Правда, при этом в официальных документах зачастую игнориру-

ются возможные издержки этого процесса либо они сопровождаются формальными фразами.

Относительно требуемой численности мигрантов подходы различаются. По подсчетам Л.Л. Рыбаковского, для поддержания нынешней численности населения России необходимо до 2025 г. ежегодно принимать около 490 тыс. мигрантов¹⁰⁵. А.Г. Вишневский считает, что для сохранения численности населения на нынешнем уровне необходимо наращивать привлечение иммигрантов, причем после 2025 г. их число должно превышать 1 млн чел. ежегодно¹⁰⁶. По оценке Всемирного банка, для компенсации трудовых ресурсов России необходимо в ближайшие 20 лет не менее 600 тыс. чел. в год¹⁰⁷. Действующая же «Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.» предполагает обеспечить на период до 2015 г. миграционный прирост в год на уровне не менее 200 тыс. чел., а в 2016–2025 гг. – более 300 тыс. чел.¹⁰⁸

Сколько же сейчас мигрантов в России? Перепись 2010 г. выявила, что в 2002–2010 гг. в страну въехало 2 939.2 тыс. мигрантов (в среднем прибывало более 360 тыс. чел. ежегодно)¹⁰⁹. По данным Фонда ООН в области народонаселения, доля мигрантов среди экономически активного населения России уже составляет около 10 %¹¹⁰. Учитывая запланированные темпы миграционного прироста, через 20 лет мигранты будут составлять до 20 % населения страны. При этом они будут сконцентрированы преимущественно

¹⁰⁵ Рыбаковский Л.Л. Стратегия демографического развития России на ближайшие 20 лет. URL: http://www.perspektivy.info/rus/demo/strateg_demogr_razvitiya.htm (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁰⁶ Вишневский А. Альтернативы миграционной стратегии // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_4215 (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁰⁷ Россия в цифрах // Коммерсант – Власть. 2010. 29 марта. С. 10.

¹⁰⁸ Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. URL: <http://base.garant.ru/191961/> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁰⁹ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

¹¹⁰ Россия в цифрах // Коммерсант – Власть. 2010. 5 апреля. С. 12.

в ее главных экономических районах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и т. д.). Только проект «Большой Москвы» по оценкам демографов приведет к дополнительному притоку в мегаполис 2–3 млн чел., среди которых значительную долю будут составлять внешние мигранты. «Пылесос-Москва», как обозначает этот процесс известный российский исследователь Никита Мкртчян, будет успешно функционировать и дальше. Однако при таком уровне иммиграции очень быстро изменится этнический и социальный состав населения страны. К середине XXI века мигранты и их потомки будут составлять свыше трети населения страны, а к концу века – больше половины. Нужно добавить, что перепись 2010 г. зафиксировала тот факт, что 11.2 млн жителей России родились за границей и среди них не менее 7 млн чел. прибыли в РФ после 1991 г. Остальные – это внутренние мигранты времен СССР.

Конечно, следует отметить, что статистические данные о миграции в России вообще очень лукавые. До 2007 г. в статистику миграции попадали лишь лица, приехавшие из-за границы и впервые получившие регистрацию по месту постоянного жительства, что позволяло считать их влившимися в постоянное население РФ. С 2007 г. в категорию «мигрантов» стали включать и лиц, впервые получивших разрешение на временное проживание. Это привело к росту показателя чистой миграции со 155.0 тыс. в 2006 г. до 258.0 тыс. в 2007 г. Данная мера, кстати, существенно улучшила демографический баланс в стране, уменьшив общую убыль населения почти на 100 тыс. чел. в год. Однако фактически эти данные учитывали и временных мигрантов, прибывших на заработки, учебу или к родственникам, уверенно сказать, что все они стали постоянным населением России, нельзя. В 2007–2009 гг. чистая миграция демонстрировала показатель примерно в 260.0 тыс. чел. в год. В 2010 г. миграционный прирост резко упал почти до уровня 2006 г. (158.1 тыс. чел.), а в 2011 г. сократился до 105.0 тыс. чел. В результате в 2011 г. появились новые изменения в правилах учета миграции. В статистический учет долгосрочной миграции населения стали включать и лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. Как итог общий прирост миграции

в 2011 г. составил по скорректированным данным уже 319.8 тыс. чел.¹¹¹ В 2012–2014 гг. миграционный прирост колебался в пределах 270–290 тыс. чел. в год¹¹². Это касается легальной миграции, а по нелегальной мы имеем только экспертные оценки. Например, по оценке зам. руководителя ФМС Е. Егоровой на 15.10.2012 в России находилось 3.5 млн мигрантов, а в среднем в течение года эта цифра составляла 3–5 млн нелегальных мигрантов¹¹³. В январе 2016 г. руководитель ФМС К. Ромодановский оценил численность нелегальных мигрантов уже примерно в 2 млн чел.¹¹⁴ Эти цифры свидетельствуют об определенной миграционной привлекательности России, с одной стороны, и наличии заинтересованности российских работодателей в иностранной рабочей силе, с другой стороны. По этой причине массовой иммиграции России не избежать.

Иммиграционные процессы в нашей стране имеют и некоторые позитивные последствия. Например, если бы не было массовой миграции в 1990–2000-е гг., численность населения России была бы на 7–8 % ниже (примерно 135–136 млн чел.), на 3–4 % была бы выше доля российских пенсионеров. Дальнейшее позитивное демографическое и экономическое развитие России однозначно обусловлено массовым притоком населения, причем следует отдавать себе отчет в том, что это будет инокультурная и иноязычная миграция, поэтому необходимо адекватно представлять возможные риски, которые несет такая миграция. В связи с этим важно рассмотреть концептуальные основы миграционной политики в РФ, касающиеся указанных аспектов.

«Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г.», перечисляет следующие возможные социально-политические риски миграционных процессов:

¹¹¹ См.: Великая миграционная держава глазами эксперта. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/lisa01.php> (дата обращения: 10.03.2016).

¹¹² Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 212.

¹¹³ ФМС посчитала нелегалов // Российская газета. 2012. 15 октября.

¹¹⁴ Глава ФМС: наплыва беженцев из Сирии нет. URL: <http://pda.fms.gov.ru/press/speeches/item/55779/> (дата обращения: 10.03.2016).

1. Мигранты новых поколений, прибывающие в РФ из государств-участников СНГ, по сравнению с их предшественниками обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки.

2. Происходит изоляция мигрантов от принимающего социума, ведущая к социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов.

3. Нарастание негативного отношения к мигрантам, в том числе рост ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости¹¹⁵.

На наш взгляд, указанный перечень угроз иммиграции ограничен и не отражает всей полноты возможных рисков. Среди них следует отметить следующие существенные риски:

1. *Иммиграционные потоки идут из стран со сложной санитарной обстановкой.* Так, в странах исхода мигрантов (как ближнего, так и дальнего зарубежья) в последнее время наблюдались вспышки эпидемий, как новых заболеваний, вроде «птичьего гриппа», так и, казалось бы, уже забытых. Например, вспышки заболеваний холерой были в Гиссарском районе Таджикистана в 2005 г.; в августе 2013 г. Таджикистан перекрывал границу с Афганистаном, где в провинции Бадахшан холерой заболело более 1.5 тыс. чел. В 2008 г. в Кулябе имела место вспышка эпидемии брюшного тифа, когда заболело свыше 10 тыс. чел. Основная причина – употребление некачественной воды практически 40 % населения республики. В 2007 г. в Таджикистане имел место резкий рост заболеваемости туберкулезом – было выявлено 170 новых случаев на 100 тыс. населения, в 2012 г. – 382 случая на 100 тыс. населения. В 2010 г. в Таджикистане была зафиксирована вспышка полиомиелита. В 2005 г. вспышка эпидемии брюшного тифа имела место в Узбекистане. Сложная ситуация в Узбекистане и с туберкулезом. К сожалению, сведения о санитарном состоянии Узбекистана далеко не полные, так как в стране это закрытая информация.

Мы пока не имеем случаев массовых заболеваний россиян, заразившихся острыми инфекционными заболеваниями от тру-

¹¹⁵ Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 10.03.2016).

довых мигрантов. Однако нет гарантии, что этого не случится в будущем.

2. В приграничных районах России интенсивно формируются общины иммигрантов, особенно это касается регионов Сибири и Дальнего Востока, а также Северного Кавказа. В 2010 г. в Сибирском ФО проживали 19.3 млн чел., в Дальневосточном ФО – 6.3 млн чел.¹¹⁶ По сравнению с данными 1989 г. численность населения Сибирского ФО сократилась более чем на 7.5 %, а Дальневосточного – более чем на 19 %, в том числе в 2002–2010 гг. на 4.0 % и 6.0 % соответственно¹¹⁷. Эти показатели превышают данные в целом по РФ в Сибирском ФО в 2 раза, в Дальневосточном – в 3.5 раза. Сокращение численности объясняется, прежде всего, внутренней миграцией населения – так называемым западным дрейфом. Однако важнее, что убывающее население замещают мигранты, создавая тем самым угрозу сепарации этих территорий в будущем. Недавняя история подсказывает нам печальный пример края Косово, заселенного албанскими мигрантами в течение второй половины XX века и в итоге утраченного Сербией. По расчетам В. Гельбраса в 2001 г. на территории России находились от 200.0 до 450.0 тыс. китайцев¹¹⁸. Цифра вроде бы незначительная, но если сравнить ее с численностью китайцев во всем СССР в 1989 г. (20.0 тыс. чел.), то она впечатляет – рост за 10 лет в 10–20 раз. По некоторым оценкам к середине XXI века численность китайских мигрантов может составить в России от 7 до 10 млн вместо нынешних 0.5 млн, а тогда они станут второй по численности национальностью на территории РФ, опередив татар. Учитывая, что значительная часть китайских мигрантов концентрируется сейчас в Дальневосточном ФО, подобный процесс может иметь самые плачевные последствия для сохранения российского контроля над

¹¹⁶ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Гельбрас В. Китайцы в России: сколько их? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php> (дата обращения: 10.03.2016).

этим регионом. Кстати, нынешняя «Концепция государственного регулирования миграционных процессов в РФ до 2025 г.» отмечает эту угрозу и предполагает к 2016 г. приостановить отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока, а к 2026 г. – обеспечить миграционный приток в эти регионы¹¹⁹.

3. *Изоляция мигрантов от принимающего социума ведет к их социальной исключенности, пространственной сегрегации и к формированию этнических анклавов, живущих по своим правилам и законам.* В условиях массовой миграции отторжение этнически и культурно чуждых мигрантов может привести к серьезным социально-политическим конфликтам. Если мигранты не будут включены в российское общество, они начнут воспроизводить собственную политическую идентификацию, скорее всего, связывая и идентифицируя себя со своей исторической родиной. Трудно себе представить перспективы российского государства, если треть или большая часть населения страны в будущем не будет себя идентифицировать как «россияне».

Иммигрантские анклавные системы самоорганизации общества снизу, способствуют формированию этнических преступных организаций как одной из наиболее эффективных адаптационных моделей. Здесь уместно привести мнение И.М. Кузнецова: «Имеющийся у временных трудовых мигрантов потенциал анклавизации провоцирует создание “буферной среды”, воспроизводящей социальные системы самоорганизации традиционной для них культурной среды. Это наиболее характерно для тех этнических мигрантов, традиции, культура, сложившиеся нормы поведения которых существенно отличаются от бытующих у местного населения... Проблематичность появления таких “буферных” сред в том, что они имеют тенденцию превратиться в устойчивую, преемственную и саморазвивающуюся, теневую, достаточно сильно коррумпированную социальную систему с соответствующей обслуживающей инфраструктурой... то есть в некоторый конфликтогенный много-

¹¹⁹ Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 10.03.2016).

национальный, но традиционалистский по своей ценностной семантике анклав модернизированной (или модернизирующейся) городской среды»¹²⁰.

4. *В результате иммиграции изменяется этническая структура населения страны в целом и ряда субъектов РФ в частности.* Данные переписи населения 2010 г. являются основным источником информации о численности и составе мигрантов, хотя они не всегда являются полными и точными. Например, по данным переписи 2010 г. доля русских в Москве выросла (для указавших национальность) с 88.4 % в 2002 г. до 91.7 % в 2010 г.¹²¹, что вызывает большой вопрос. Однако даже эти, далеко не полные данные переписи 2010 г., дают возможность указать на существенный прирост численности некоторых среднеазиатских народов. В частности, в Российской Федерации в период с 2002 по 2010 г. численность киргизов выросла с 31.8 тыс. до 103.4 тыс. (или на 225.1 %), узбеков – с 122.9 тыс. до 289.9 тыс. (или на 135.8 %), таджиков – с 120.1 тыс. до 200.3 тыс. (или на 66.7 %). Причем, по данным переписи, прирост этих народов составил более 300 тыс. чел., а по данным текущего учета межстрановой миграции из этих стран в 2002–2010 гг. прибыло полмиллиона человек. Изменение этнодемографической структуры России вследствие миграции происходило и в 1990-е гг. Например, сейчас в РФ проживают крупные диаспоры армян (1 182.4 тыс.), азербайджанцев (603.1 тыс.), корейцев (153.2 тыс.), турок (109.8 тыс.). Причем численность армян в России в 1989 г. составляла 532.0 тыс., азербайджанцев – 335.9 тыс., корейцев – 107.0 тыс., а турок – всего 9.9 тыс.¹²²

Перепись 2010 г. показала, что в целом для всех мигрантов центрами концентрации являются города Москва и Санкт-Петербург,

¹²⁰ Кузнецов И.М. Адаптационные модели мигрантов в условиях мегаполиса (на примере Москвы): автореф. дис. ... канд. соц. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии; ИС РАН. М., 2006. С. 9.

¹²¹ Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (дата обращения: 10.03.2016).

¹²² Там же.

Московская и Тюменская, Самарская и Волгоградская области. Народы Закавказья и корейцы плотнее расселены в Ростовской и Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, среднеазиатские мигранты – в промышленных центрах Урала и Сибири, а также в Татарстане и Башкортостане¹²³. По нашему мнению, значительное нарушение этнического баланса в ряде регионов страны может повлиять на степень их социально-политической стабильности.

5. *В результате иммиграции меняется конфессиональная структура общества.* По данным В.Я. Белокреницкого, численность мусульманского населения России в 1989–2002 гг. возросла с 11.8 млн до 14.5 млн, а доля мусульман – с 8 % до 10 % соответственно. По его мнению, среди 1.5 млн россиян, которые во время переписи 2002 г. не указали свою национальность, могло быть до 0.5 млн мусульман, кроме того, в стране легально и нелегально находились 4–5 млн мусульман, не являвшихся гражданами России¹²⁴. Перепись населения 2010 г. подтвердила динамику роста мусульманского населения: их доля среди постоянного населения уже превысила 10.5 %, и это без учета 5.6 млн россиян, которые не указали свою национальность, и нескольких миллионов мигрантов¹²⁵. По прогнозам Pew Research Center, к 2030 г. мусульманское население России увеличится с нынешних 16.4 млн до 18.6 млн чел. Причем темпы роста мусульманского населения прогнозируются на уровне 0.6 % в год в течение следующих двадцати лет; немусульманское население в течение этого же перио-

¹²³ *Богоявленский Д.* Перепись 2010: этнический срез // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (дата обращения: 10.03.2016).

¹²⁴ *Белокреницкий В.Я.* Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. 2008. № 2. С. 19–20.

¹²⁵ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

да, напротив, будет сокращаться в среднем на 0.6 % ежегодно¹²⁶. По мнению Дж. Саймона, к 2050 г., когда численность населения России снизится до 104.3 млн чел., мусульмане могут вплотную приблизиться к тому, чтобы стать большинством в стране¹²⁷.

6. *Массовая миграция иностранных граждан из государств Закавказья и Средней Азии создает базу для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма.* Религиозный экстремизм в 1990–2000-е гг. уже проявил себя в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане и Киргизии. Вместе с мигрантами на территорию РФ проникают и представители экстремистских и террористических организаций. Сами же мигранты, в силу социальной отчужденности и сегрегации, могут превратиться в удобную среду для распространения подобных идей в России.

7. *Легальные и нелегальные трудовые мигранты создают дополнительное давление на рынок труда и социальную инфраструктуру, что провоцирует социальную напряженность.* У мигрантов, как правило, имеют место невысокие требования к уровню оплаты труда, экологии, безопасности и режиму работы. Тем самым активное присутствие мигрантов с низкими запросами на рынке труда ведет к деградации социально-трудовых отношений и норм, принятых в российском обществе. В то же время нацеленные на постоянное жительство в России мигранты перевозят сюда свои семьи, что усиливает нагрузку на социальную инфраструктуру конкретного муниципалитета и региона. Таким образом, характеристики – численность и состав мигрантов, их образовательный и профессиональный уровень, а также половозрастная структура, оказывают непосредственное влияние на уровень социальной напряженности в каждом регионе.

¹²⁶ The Future of the Global Muslim Population. URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/> (дата обращения: 10.03.2016).

¹²⁷ Саймон Дж. Неужели демография – это судьба? // Россия в глобальной политике. 2010. №2. С. 40–54.

Существенную угрозу для сохранения социально-политической стабильности миграция несет в виде так называемой ловушки бедности. Бедность – это, в первую очередь, дефицит возможностей. Большинство нелегальных мигрантов – это лица с низкими доходами, что, в свою очередь, ведет к недостаточному питанию, тяжелым жилищным условиям, низкому уровню образования, а как следствие – к плохому здоровью. Нелегальные мигранты, которые находятся в России, не имея необходимых документов, сталкиваются с серьезными ограничениями, причем особенно от этого страдают женщины и дети. Численность нелегальных мигрантов в России относительно высока и оценивается цифрой от 2 до 3–5 млн чел. в год.

8. *Массовые иммиграции провоцируют рост негативного отношения к мигрантам, ксенофобию, национальную и расовую нетерпимость.* Миграционный дискурс оказывает влияние на политические процессы, нередко определяет стереотипы массового сознания. На фоне мигрантофобии начинают активно действовать радикальные националистические организации, пропагандирующие деструктивную идеологию. Известно, что чаще других против мигрантов выступают люди с низким уровнем образования и дохода, а также молодежь. В определенной степени ксенофобия представляется удобной для властей как инструмент этнополитической мобилизации, но ксенофобия также порождает процесс «этнизации» русских, что ведет к расколу российской нации и к отторжению нерусских ее элементов.

9. *Массовые инокультурные и иноязычные миграции задают специфический вектор формирования общероссийской идентичности.* Перепись 2010 г. зафиксировала сокращение доли русских с 81.5 % в 2002 г. до уровня 77.7 %, а число русских уменьшилось за 8 лет еще на 4 млн чел.¹²⁸ Учитывая, что русский этнос является

¹²⁸ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

системообразующим, новые массовые миграционные потоки усугубляют эту ситуацию и ведут к изменению сущности российской государственности. Россия из страны с доминирующим русским населением может в течение ближайших нескольких десятилетий превратиться в страну, где русские будут лишь относительным большинством. Подобная тенденция может затруднить формирование общероссийской идентичности.

10. *Миграции как фактор электоральных процессов.* Электоральные предпочтения мигрантов станут важным фактором российской политики уже в ближайшем будущем. Фактически можно говорить, что после 2050 г. электоральные рейтинги политических лидеров и политических партий будут в значительной степени зависеть от предпочтений мигрантов и их потомков. С учетом преобладания среди иммигрантов представителей азиатских народов, можно предполагать и определенную трансформацию политического сознания и политических стереотипов в российском обществе. Как следствие, изменится и дискурс публичной политики. Показательны в этом отношении примеры президентских выборов во Франции и США, где победы Ф. Оланда и Б. Обамы имели место во многом благодаря поддержке мигрантов из Северной Африки в первом случае и Латинской Америки во втором. Так, в США, по данным Бюро цензов, в 1900 г. проживало всего 0.5 млн испаноязычного населения, в 2000 г. – более 35.3 млн, а в 2010 г. – около 50.5 млн чел.¹²⁹ По прогнозам к 2050 г. испаноязычные диаспоры будут составлять до 30 % населения США¹³⁰. Фактически уже сейчас массовые миграции трансформировали избирательную систему США, так как электорат двух основных политических партий стал демографически детерминированным. Подобной ситуации, видимо, следует ожидать в скором времени и в России.

¹²⁹ *Humes K., Jones N., Ramires R.* Overview of Race and Hispanic Origin: 2010. 2010 Census Briefs. C2010BR-02. March 2011. Table 1. P.4.

¹³⁰ *Травкина Н.* Новая демография Америки. URL: <http://ecpol.ru/index.php/syuzhety/243-novaya-demografiya-ameriki> (дата обращения: 10.03.2016).

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Миграция – это процесс, слабо зависящий от воли правительств и государств. Хотим мы того или нет, остановить миграционные потоки практически невозможно.

2. Россия имеет привлекательный характер для мигрантов. В настоящий момент это уроженцы ряда азиатских стран, как ближнего, так и дальнего зарубежья. В дальнейшем к традиционным странам, из которых мы получаем миграционные потоки, могут добавиться Афганистан, Бангладеш, Индонезия, Филиппины, а также ряд государств Африки, например Нигерия.

3. Россия традиционно была классической страной эмиграции (колонизация востока, бегство политических и религиозных диссидентов в эпоху императорской России, включая еврейские алии в конце XIX – начале XX века, массовый исход после Гражданской войны и т. д.). Однако в XXI веке России предстоит стать страной массовой иммиграции. Как бы мы ни относились к массовым иммиграциям, это неизбежно.

4. Массовая иммиграция несет как преимущества, так и риски, которые нужно прогнозировать и пытаться минимизировать. Эксцессы в условиях массовой иммиграции, к сожалению, неизбежны. Задача правительства состоит в том, чтобы своевременно выявить угрозы, предотвратить и минимизировать негативные последствия. Подход к регулированию миграции со стороны правительства и элит должен носить не алармистский или «шапкозакидательский», а конструктивный и взвешенный характер.

5. Остановить миграционные потоки невозможно, но их можно корректировать. В свою очередь, выбор путей для корректировки ограничен экономическими и политическими интересами. Скажем, введение визового режима со среднеазиатскими республиками, идея которого сейчас широко обсуждается в российском обществе, могло бы существенно затруднить миграционный поток из этого региона. Однако возникает экономическое ограничение – кто заменит мигрантов на их рабочих местах в сфере строительства, ЖКХ, торговли и транспорта? Возникнет временный коллапс, а затем на место прежних работников придут мигранты, скажем, из

Китая, Бангладеша, Вьетнама – еще более чуждые в культурном отношении, чем уроженцы Средней Азии. Также возникает и ограничение геополитическое – это приведет к сокращению российского влияния в регионе Средней Азии и, возможно, даже к падению нынешних политических режимов (50 % ВВП Таджикистана составляют денежные переводы почти 1 млн таджикских «гастарбайтеров», находящихся в России). Может Россия себе это позволить или нет? Какие же меры возможны?

В 2012 г. в обращении к Федеральному собранию Президент В.В. Путин сформулировал следующие задачи совершенствования миграционной политики:

1. Пресечь попытки провоцирования межэтнической напряженности, религиозной нетерпимости в российском обществе.

2. Не допустить появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила.

3. Более активно привлекать в Россию постоянных мигрантов, прежде всего соотечественников, для чего необходимо изменить процесс получения гражданства для тех, кто культурно и духовно близок России.

4. Ужесточить миграционный контроль, введя с 2015 г. требование заграничного паспорта для граждан стран СНГ, въезжающих в РФ, за исключением граждан стран, входящих в Таможенный союз.

5. Усилить роль общественных институтов в практиках интеграции мигрантов, прежде всего через деятельность национально-культурных автономий, предоставляя им бюджетные гранты для реализации программ по правовой, социальной, культурной адаптации мигрантов.

6. Разработать программу по реализации дистанционного образования на русском языке, которое должно быть доступно для молодежи стран СНГ и соотечественников в странах дальнего зарубежья.

7. Оказать поддержку школам в странах СНГ и в других государствах, которые ведут преподавание на русском языке, включая поддержку учителей, помощь с учебниками, материальной базой.

8. Организовать систему международных школьных олимпиад по русскому языку, победители и призеры которых должны получить право зачисления в ведущие вузы России¹³¹.

В послании к Федеральному собранию в декабре 2013 г. Президент В.В. Путин сформулировал уже новые задачи в этой области:

1. Упорядочить прием на работу иностранных граждан, прибывающих в Россию в безвизовом порядке и усилить ответственность работодателей за использование труда иностранных работников, в том числе за уплату налогов и сборов.

2. Расширить действие патентной системы привлечения иностранной рабочей силы на юридические лица и индивидуальных предпринимателей, причем дифференцировать стоимость патента по регионам в зависимости от социально-экономической ситуации.

3. Ограничить срок пребывания в России иностранцев, которые въезжают по безвизовому режиму, и усилить борьбу с нарушителями правил пребывания, введя запрет на въезд в РФ на срок от 3 до 10 лет.

4. Создавать пункты проведения ЕГЭ в странах СНГ для выпускников школ, желающих обучаться в российских учебных заведениях¹³².

Поставленные задачи представляются автору вполне адекватными. Однако исходя из цели минимизации межэтнических конфликтов нам кажется возможным дополнить этот перечень мер. Например, можно вести переговоры о заказе на подготовку по определенным рабочим специальностям в учебных заведениях Таджикистана, Киргизии и Узбекистана с тем, чтобы прибывающие трудовые мигранты уже имели необходимую квалификацию. Возможно, необходимо заключить договоры о привлечении временной рабочей силы с государствами из числа бывших постсоветских республик с требованием введения обучения русскому языку и интеграционных курсов в школах, что является вполне обоснованным, учитывая зависимость экономик этих стран от до-

¹³¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 10.03.2016).

¹³² Там же.

ходов их граждан, работающих в РФ. Вполне допустимо настаивать на введении в ряде республик Средней Азии обязательного изучения в школах русского языка как иностранного, а возможно, и специального адаптационного курса в качестве факультатива для учеников, планирующих в будущем работать на территории России.

Было бы неплохо использовать и позитивный опыт некоторых европейских государств, уже столкнувшихся с проблемами массовой иммиграции. Например, из опыта современной иммиграционной политики Германии для российской действительности могут быть заимствованы такие меры:

– привлечение на учебу в российские университеты студентов из третьих стран и предоставление им льгот при последующем желании остаться в РФ, так как иностранец, проживший несколько лет в России и получивший образование на русском языке, имеет гораздо больше шансов успешно адаптироваться;

– заключение интеграционных контрактов с теми, кто желает в перспективе стать российским гражданином, обуславливая предоставление прав и оказание помощи с демонстрацией определенных результатов в адаптации и интеграции;

– ограничение расселения мигрантов по территориям, в частности, в ФРГ действует ограничение доли мигрантов на определенной территории 20 % от общей численности населения;

– ввести защитные меры на рынке труда от деквалификации и демпинга со стороны временных мигрантов, в частности в Германии действует специальная служба, проверяющая трудовые контракты мигрантов на предмет их дискриминации по уровню оплаты труда.

Говоря об опыте ФРГ, нужно также обратить внимание и на ошибки ее иммиграционной политики. В частности, нужно четко сформулировать цели российской иммиграционной политики в отношении временных и постоянных мигрантов, а также скорее начать политику интеграции постоянных мигрантов. В настоящее время мы наблюдаем смешение в иммиграционной политике требований к этим двум категориям мигрантов. Например, законода-

тельная инициатива Государственной думы, которая предполагала обязательную сдачу временными трудовыми мигрантами экзамена по знанию истории России и ее законодательства, представляется ярким примером такого смешения понятий.

Другим примером может послужить Италия, которая в целях минимизации межэтнических и межрелигиозных конфликтов активно внедряет процедуры межкультурной медиации и способствует созданию специальных ассоциаций, которые призваны помочь мигрантам, занятым в секторе домашнего хозяйства, так называемом баданте, адаптироваться, легализоваться и защищают их от дискриминации. Учитывая, что это традиционно «серый сектор» экономики, успехи в данном направлении достаточно впечатляющие, так, несколькими подобными ассоциациями охвачены десятки тысяч «баданте» по всей Италии.

Наконец, необходимо создавать комфортные условия для мигрантов, поддерживать их стремление устроиться и адаптироваться в российском обществе, создать некий аналог «американской мечты» – возможности легально работать, купить жилье, получить доступ к медицинскому обслуживанию и образованию, а не отторгать их как чужеродный элемент, загоняя в анклав и превращая в дискриминируемое меньшинство.

Подводя итог, следует отметить, что миграции, конечно же, несут социально-политические риски. Отчасти правы те, кто говорит о высоких затратах на эффективную миграционную политику и долгосрочных негативных последствиях в случае ее неудачи. Однако без миграции России не обойтись, она необходима для выживания страны. При этом нужно понимать и возможные последствия миграционных процессов. Требуется определить допустимые пределы иммиграции, которые, обеспечивая демографическое и экономическое развитие страны, не приводили бы к быстрому коренному изменению российского общества и государства. Иммиграция – это новое явление в российской истории. Россия никогда прежде не была страной иммиграции. Но иммиграция – это будущее России, хотим мы того или нет. Мы не можем остановить этот процесс, следовательно, мы должны

приспособиться к нему, с одной стороны, и попытаться скорректировать его в желательном для успешного развития страны направлении, с другой стороны.

4.2. Иммиграция как фактор политики в Федеративной Республике Германия

Иммиграционные процессы в современной Российской Федерации в значительной степени повторяют путь, который начала ФРГ более 50 лет назад. В связи с этим рассмотреть позитивный и негативный опыт иммиграционной политики ФРГ, выявить социально-политические последствия иммиграции для различных сфер немецкого общества представляется весьма актуальным. Федеративная Республика Германия в XX веке столкнулась с серьезными политико-демографическими вызовами. Во-первых, имел место серьезный дефицит рабочей силы, необходимой для восстановления экономики после окончания Второй мировой войны, который пытались компенсировать привлечением временных иностранных работников. Во-вторых, немецкое правительство активно осуществляло репатриацию этнических немцев из других стран.

Массовые миграции в ФРГ начинались после Второй мировой войны и первоначально были связаны с перемещением немецкого населения с восточных территорий и из некоторых стран Европы. Демографические потери в войне предопределили миграционную политику послевоенной Германии. Остро нуждаясь в рабочей силе для экономики, она заключает договора с рядом стран о привлечении временной рабочей силы (нем. *Gastarbeiter*). Первоначально такие соглашения были подписаны с Италией (1955 г.), Испанией (1960 г.), Грецией (1960 г.), а в 1961 г. с Турцией. Соглашения предусматривали постоянную ротацию кадров работников. Прибытие семей работников не приветствовалось, жилищным вопросам и языковому уровню мигрантов внимания не уделялось. Однако значительная часть мигрантов (до $\frac{2}{3}$) приняла решение не возвращаться на родину, что было выгодно и немецким предпринимателям – они сохраняли адаптированную к работе в местных условиях

рабочую силу. С 1960 по 1973 г. численность иностранного населения в стране возросла с 686 тыс. чел. до 2,6 млн чел. В 1973 г. политика привлечения иностранных работников сменилась политикой ограничения въезда, но начался процесс воссоединения семей (так называемая «цепная реакция»).

Таким образом, программы привлечения временной трудовой силы сработали не так, как первоначально ожидалось, но вплоть до конца 1980-х гг. в немецком обществе было принято считать, что иностранная трудовая сила насчитывалось в стране временно. К концу 1980-х гг. в ФРГ уже находилось более 4,5 млн иностранных граждан, причем в их числе были и те, кто родился уже в Германии, но формально оставался иностранцем. Правительство вынуждено было заняться проблемой интеграции мигрантов. В 1991 г. вступил в силу Закон об иностранцах, который предоставил иностранным рабочим право получения вида на жительство при условии проживания в стране не менее 5 лет, знания немецкого языка, наличия нормальных жилищных условий и отсутствия криминального прошлого.

В конце 1980-х – 1990-е гг. ФРГ приняла волны политических беженцев. Так, в 1988–1993 гг. в ФРГ было подано свыше 1,4 млн прошений о предоставлении политического убежища от граждан разных стран и, кроме того, еще 350 тыс. беженцев из Боснии и Герцеговины были размещены без прохождения данной процедуры. В связи с ростом числа иностранцев, претендующих на получение политического убежища, в 1993 г. в ст. 16 Конституции ФРГ были внесены поправки, ограничивающие круг лиц, имеющих право ходатайствовать о защите, что привело к сокращению числа таких лиц с 400 тыс. в 1992 г. до 95 тыс. в 1995 г.¹³³

Существовал еще один постоянный иммиграционный поток: репатриация этнических немцев из стран Восточной Европы и СССР. Начался этот процесс в 1953 г., после принятия Закона

¹³³ См.: *Пархалина Т.Г.* Европейская безопасность: какой она видится сегодня? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы: аналитический бюллетень Центра по изучению проблем европейской безопасности. М.: ИНИОН. 2001. URL: <http://inion.ru/product/eurosec/st5 %20v2.htm> (дата обращения: 10.03.2016).

о депортированных, но как массовое явление он проявил себя лишь в 1980–1990-е гг. Всего в ФРГ вернулось около 4 млн этнических немцев, в том числе в 1988–2000 гг. более 2.7 млн чел. (1.9 млн с территории бывшего СССР, 575 тыс. с территории Польши, 220 тыс. – из Румынии). С целью управления процессом репатриации правительство ФРГ ввело юридический статус «поздний переселенец» и установило квоты, которые в 1993–1999 гг. составляли 225 тыс. чел. в год, а после 2000 г. – около 100 тыс. чел. в год. В 1997 г. для репатриантов были введены обязательные языковые тесты, а для выходцев из стран Восточной Европы еще и требовалось представить доказательства дискриминации по этническому признаку в своей стране.

Все эти перемещения были настолько велики, что в 1988–1992 гг. коэффициент ежегодного миграционного прироста в ФРГ превышал соответствующий показатель США (например, в 1990 г. в ФРГ он составил 0.83, а в США – только 0.32). Введенная с 1993 г. ограничительная практика снизила возможность получения политического убежища, а также уменьшила иммиграцию переселенцев немецкого происхождения. Уже к 1997 г. в стране был зафиксирован самый низкий миграционный прирост с середины 1980-х гг. Эта динамика сохранялась и в первой половине 2000-х гг., в результате число новых иммигрантов снизилось почти вдвое к 2007 г. до показателя менее 800 тыс. чел. в год. В целом во второй половине XX века ФРГ из страны эмиграции превратилась в страну иммиграции и стала лидером в ЕС по численности иммигрантов. Расчеты показывают, что за 1950–2005 гг. страна за счет миграции на постоянное место жительства приобрела чистого прироста населения около 10 млн чел., что в условиях небольшой естественной убыли позволяло демонстрировать прирост населения.

В этническом отношении ФРГ, благодаря международным миграциям второй половины XX века, превратилась из моноэтничного в полиэтническое государство. В настоящее время в ФРГ проживает более 2.5–2.6 млн турок, 1 млн выходцев из бывшей Югославии, более 500 тыс. итальянцев, 350 тыс. греков и 250 тыс.

поляков. В религиозном отношении самой крупной иммигрантской общиной является мусульманская община, которая насчитывает около 4 млн человек (около 5 % населения страны) и включает в себя турок, курдов, боснийцев, выходцев из других стран Азии и Африки.

В 2010-е гг. в ФРГ вновь начинают усиливаться миграционные потоки. За 2012 г., согласно данным Федерального статистического ведомства ФРГ, число жителей увеличилось на 196.0 тыс. чел. по сравнению с предыдущим годом и достигло уровня в 80.5 млн чел. Подобный прирост в последний раз наблюдался в 1996 г. В настоящее время доля иностранцев составляет 8.2 % от численности населения, а доля лиц, прибывших из других стран, – 19.3 %.¹³⁴

В 2014–2015 гг. Объединенная Европа столкнулась с новым миграционным кризисом. Он был спровоцирован революциями и гражданскими войнами в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока. Эпицентром этого миграционного кризиса стала в том числе ФРГ, чья социальная система и высокий уровень жизни, словно «магнит», манят потоки беженцев. Рост миграционных потоков идет с космической скоростью. В 2014 г. всего в ЕС прибыло более 626 тыс. нелегальных мигрантов, претендующих на статус беженцев, а в 2015 г. только в ФРГ прибыло уже более 1.1 млн беженцев¹³⁵. В течение 2016 г. ожидается прибытие в ФРГ еще как минимум 0.5 млн беженцев. Они в основном происходят из мусульманских стран, таких как Сирия, Ирак, Ливия, Афганистан, Эритрея и стран Тропической Африки, хотя далеко не все из них исповедуют ислам.

Что касается воздействия миграционных процессов на демографическую сферу ФРГ, то здесь необходимо отметить их позитивную роль. По прогнозам Eurostat, население ФРГ к 2060 г. может сократиться с нынешних 80.5 млн до 66 млн чел., в результате она потеряет статус самой населенной страны ЕС. Без учета

¹³⁴ Федеральная статистическая служба (Federal Statistical Office). URL: <https://www.destatis.de> (дата обращения: 10.03.2016).

¹³⁵ Asylum statistics // Eurostat. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu> (дата обращения: 10.03.2016).

миграции сокращение населения ФРГ будет еще внушительнее – до 59–60 млн чел.¹³⁶ В настоящее время прирост населения в ФРГ обеспечивается только за счет положительного сальдо миграции. Рождаемость в ФРГ, по данным Eurostat, в 2010 г. составила всего 8.3 новорожденных на 1 000 жителей (показатель по ЕС в целом – 10.4), а в 2009 г. она была рекордно низкой для Германии – 7.9¹³⁷. Доля населения в возрасте до 18 лет в Германии в 2010 г. являлась самой низкой в ЕС – всего 16.5 %. Начиная с 1997 г. в стране уменьшается число женщин репродуктивного возраста (15–49 лет): в 2006 г. их насчитывалось 19.3 млн чел., а к 2050 г. число женщин репродуктивного возраста уменьшится до 14 млн. К тому же среднестатистические немки стали позже выходить замуж и рожать первых детей, мигранты пока несколько смягчают эту ситуацию. В среднем в ФРГ на 1 женщину репродуктивного возраста приходится 1.4 ребенка, а у мигранток этот показатель составляет 1.6¹³⁸. Однако опыт показывает, что мигранты перенимают модель воспроизводства принимающего социума, как правило, в течение 1–2 поколений, но пока мигранты еще позволяют снизить остроту ситуации с рождаемостью в стране.

Второй важной проблемой является увеличение доли пожилых людей. Эта проблема характерна почти для всех развитых стран мира, но особенно сильно старение населения проявилось в Германии, где число пожилых людей (старше 65 лет) уже составляет более 20 %. Высокая продолжительность жизни (76 лет для мужчин, 82 года для женщин), снижение общих показателей смертности ведут к старению населения. К 2050 г. средний возраст жителей Германии возрастет с нынешних 42 лет до 50 лет, а число людей старше 80 лет с нынешних 4 млн чел. до 10 млн чел., то есть фактически каждый 7-й житель ФРГ будет престарелым. Суммарная демографическая нагрузка на трудоспособное население ФРГ

¹³⁶ Демьянов А. ФРГ оказалась на последнем месте по уровню рождаемости в ЕС. URL: <http://lenta.ru/news/2011/07/28/geburtenrate/> (дата обращения: 10.03.2016).

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

в результате возрастет с показателя 51.2 в 2010 г. до 83.1 в 2050 г., а нагрузка пожилыми – 30.8 до 56.5¹³⁹.

Депопуляция и старение населения ставят вопрос об экономическом лидерстве Германии в ЕС, поэтому ФРГ жизненно необходим постоянный миграционный прирост. Иммиграционные потоки позволят снизить негативные последствия депопуляции и теоретически должны обеспечить экономику необходимым числом рабочих. Позитивный опыт в этом отношении уже есть – «немецкое экономическое чудо» в значительной степени опиралось на труд низкооплачиваемых иностранных рабочих. Немало в современной Германии и иностранных предпринимателей.

В то же время иммиграционные процессы в ФРГ имеют и целый ряд негативных аспектов, например:

1. *Географическая концентрация и этническая сегрегация мигрантов.* В ФРГ действует практика распределения иммигрантов. Конкретные цифры приема в каждую землю зависят от финансовой силы, численности населения, развития инфраструктуры, интересов рынка. Концепция «предела приема» (стремление не допустить конфликтов с местным населением и не превысить финансовые и интеграционные возможности муниципалитетов) не допускает концентрацию более чем 20 % иностранцев в населении определенной территории. Закон о распределении «переселенцев» и «поздних переселенцев» по землям (1989 г.) закрепил эту логику в отношении репатриантов. Механизм действия этого положения состоял в том, что мигрант может рассчитывать на социальную поддержку только по месту, куда он был направлен на поселение. Однако эта политика не дала желаемого результата, так как $\frac{2}{3}$ всех мигрантов сейчас сконцентрированы в трех западных землях – Северный Рейн-Вестфалия, Бавария и Баден-Вюртемберг, каждая из которых приняла не меньше 1 млн иностранцев. Высока доля мигрантов в структуре населения таких регионов, как Гамбург (14 %), Берлин (13 %), Бремен (12 %), Гессен (11 %), Северная Рейн-Вестфалия (11 %), Бавария (9.5 %), при среднем уровне ино-

¹³⁹ Department of Economic and Social Affairs of UN. URL: <http://esa.un.org> (дата обращения: 10.03.2016).

странцев в стране 8.2 %. В ряде городов удельный вес иностранцев еще выше: Франкфурт-на-Майне – 28 %, Штутгарт – 24 %, Мюнхен – 23 %, Кёльн – 19 %, а в отдельных городских районах их доля достигает 60 % и более, то есть эти территории фактически превращаются в этнические анклавы¹⁴⁰. Например, в одном только Берлине проживает русскоязычная диаспора в 300 тыс. чел., еврейская диаспора в 100 тыс. чел., а количество турок трудно оценить.

Сосредоточение мигрантов в некоторых немецких городах ведет к усилению структурной безработицы, социальным конфликтам и социальной пространственной деградации, когда на отдельной территории воспроизводится клубок социально-экономических проблем, возникает «круг бедности», в который попадают дети иностранцев, выросших в замкнутой социальной среде с плохими школами, высоким уровнем социальной напряженности и преступности.

Большинство восточногерманских земель (Передняя Померания, Тюрингия, Саксония-Анхальт и др.) не пользуются популярностью у иностранцев. В результате, в ФРГ постепенно формируется преимущественно немецкий, относительно бедный «Восток» и полиэтничный, с высокой долей мигрантов в структуре населения, относительно богатый «Запад». Существование этнических кварталов стимулирует также развитие этнических секторов немецкой экономики, так, 80 % из 327 тыс. чел., работавших в 2000 г. у турецких предпринимателей, были турками¹⁴¹. Пространственная концентрация мигрантов приводит и к возникновению так называемых параллельных обществ со своими системами норм и ценностей.

2. *Усиление культурной разобщенности населения Германии.*
На сегодняшний день в ФРГ число иностранцев составляет 8.2 %

¹⁴⁰ Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России? // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit08.php> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁴¹ Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда. URL: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda> (дата обращения: 10.03.2016).

от численности населения, а доля лиц с иностранными корнями достигает 19.3 %. В то же время политика интеграции иммигрантов дает сбои. Да, в результате политики интеграции мигранты, как правило, начинают говорить на немецком языке, особенно во втором и третьем поколениях, в том числе турки, курды и албанцы, но они не перестают быть турками, курдами или албанцами, не ассимилируются, не «растворяются» в немецком обществе. Хотя средняя продолжительность проживания мигранта в ФРГ сейчас составляет более 15–20 лет.

В октябре 2010 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель публично провозгласила провал политики мультикультурализма. Мультикультурализм утверждал, что признание культурных различий есть условие справедливости, а общество сильнее тогда, когда все люди в нем принимаются такими, какие они есть. Парадокс же мультикультурализма состоит в том, что на практике права меньшинства начинали ставить выше прав большинства. В результате требование открытости и толерантности приводит этническое большинство к ограничениям в проявлении своей собственной идентичности и к отказу от критики образа жизни мигрантов. Особенно это касается мигрантов из мусульманских стран.

Численность мусульман в Германии оценивается экспертами в 3.5–4.3 млн чел. В возрастном отношении $\frac{1}{3}$ всех мусульман Германии не старше 25 лет¹⁴². По доли мусульман в структуре населения Германия занимает третье место в ЕС, уступая только Франции и Нидерландам¹⁴³. В 2009 г. среди проживающих в ФРГ мусульман 45 % имели немецкое гражданство, 55 % – иностранное. Большая часть мусульман (2.5 млн, или 63.2 %) являлись выходцами из Турции, 98 % немецких мусульман живут в старых федеральных землях, в том числе каждый третий – в Северном Рейне-Вестфалии. В Баден-Вюртемберге, Баварии и Гессене, доля

¹⁴² Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда. URL: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁴³ Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3. С. 61–79.

мусульман чуть выше 10 %. При этом 31 % учеников турецкого происхождения не завершает обучения в школе, тогда как среди немецкого населения таковых всего 1.8 %¹⁴⁴.

Турецкая община Германии считается одной из наиболее замкнутых в Европе, что объясняется историческими причинами (Турция не была германской колонией). Большинство турецких иммигрантов не могут похвастаться хорошим знанием языка принимающей стороны, что снижает вероятность их успешной интеграции, кроме того, вплоть до 2000-х гг. Германия и не ставила задачи интегрировать мигрантов. Такое отношение государства привело к тому, что в решении проблем изучения языка, поиска стабильного заработка, приспособления к чужой культуре и т. д. выходцы из Турции начали действовать сообща, образуя иммигрантские ассоциации, преимущественно на религиозной основе (например, «Милли Гюрюш»). Деятельность этих ассоциаций нельзя оценить однозначно: с одной стороны, они содействуют интеграции через вовлечение мусульман в общественную жизнь, повышению их образовательного и экономического уровней, а с другой – навязывают некую промежуточную идентичность немецкого турка, представителя организации, построенной по этническому принципу¹⁴⁵.

Тило Саррацин в книге «Германия: самоликвидация», сравнивая разные группы некоренного населения ФРГ, пришел к выводу, что приезжие из мусульманских стран особенно плохо интегрируются. Турки и арабы в Германии образуют свое собственное, «параллельное общество», которое живет по своим законам. Турецкие и арабские общины отличаются тем, что их дети плохо успевают или вообще не посещают школу, а многие семьи живут на социальные пособия. При этом среди мигрантов этого типа высокими являются показатели преступности. По его мнению, так происходит потому, что мусульмане в Германии подвержены чуждому культур-

¹⁴⁴ Германия решила отказаться от мультикультурности // Агентство гражданской журналистики. URL: <http://titus.kz/?previd=20193&type=polit> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁴⁵ *Понамарева А.* Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3. С. 61–79.

ному и религиозному влиянию, которое было не понято и не может управляться немецким обществом. Оно агрессивно и враждебно светской европейской цивилизации, но при этом исламская община в стране быстро растет за счет рождаемости и прибытия в ФРГ членов семей мигрантов¹⁴⁶.

Канцлер Ангела Меркель призывает к терпимости к мусульманам и к признанию того факта, что они – часть немецкого общества, но социологические опросы показывают растущее беспокойство граждан по поводу того, что иностранцев стало слишком много, они не умеют говорить по-немецки и пытаются жить по своим обычаям.

Много вопросов вызывает и интеграция репатриированных немцев, в большей степени из республик бывшего СССР. Германское правительство старается создать условия для их возвращения, стремясь с их помощью решить проблемы с нехваткой рабочих рук и затруднения в демографической сфере, а также руководствуясь чувством единства с этническими немцами. Однако «русские немцы» не стали настоящими немцами, также как и турки не перестали быть мусульманами и турками. Немецкий язык, став языком повседневного общения, не привел к культурной ассимиляции приезжих. Переселенцы в Германии не забывают о своей прежней родине, стремятся сохранить русский язык, открывают «русские супермаркеты», досуговые заведения, предприятия сферы обслуживания, бюро путешествий. Существует множество общественных организаций, созданных с целью сохранения русской культуры, издаются русскоязычные издания.

Выборы в Бундестаг в 2013 г. зафиксировали новое явление в немецкой политике: впервые членами парламента стали два депутата с африканскими корнями и одна женщина-мусульманка, а всего в новом Бундестаге 34 депутата из семей мигрантов, что составляет более 5 % общего состава парламента ФРГ. И это лишь начало активного проявления мигрантов в политике.

¹⁴⁶ См.: *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012. 400 с.

3. *Усиление секуляризации немецкой культуры и угроза утраты немецкой идентичности.* Вплоть до последнего десятилетия политика европейских стран в отношении мусульманских общин ограничивалась признанием присутствия ислама в обществе и обеспечением условий для его развития. Однако подобное решение проблемы социокультурной адаптации обернулось сознательной сегрегацией мусульман Европы. Более того, в процессе своего количественного роста мусульманские общины перешли от стратегии пассивной автаркии к автаркии активной. На современном этапе исследователи говорят о трех поколениях мусульман Европы, что характерно и для ФРГ. Первое поколение мигрантов, прибывшее в 1960-е гг., на сегодняшний день находится в возрасте старше 60 лет. Они в целом благодарны принявшей их стране, миграцию считают улучшением своего статуса и, по большому счету, не претендуют на социальные блага европейского общества. Второе поколение мусульман Европы составляют их дети, прибывшие в малолетнем возрасте или даже родившиеся и выросшие в европейских странах. Им сегодня более 30–40 лет. Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное общество потребления, то их дети видели всю ограниченность своих возможностей в рамках данного социума в сравнении с западными сверстниками. К третьему поколению принадлежат внуки первых иммигрантов, рожденные, выросшие и получившие образование в Европе и являющиеся гражданами европейских государств. Пройдя европейские образовательные учреждения, ежедневно подвергаясь воздействию европейских СМИ, они должны были проникнуться духом секулярной иудео-христианской цивилизации Запада, но исследования констатируют обратное: склонность к радикальному экстремизму, обостренное восприятие принадлежности к умме¹⁴⁷.

Для предупреждения межкультурных конфликтов и снижения влияния представителей ислама, немецкие власти на разных уровнях (федеральном, региональном, локальном) усиливают секу-

¹⁴⁷ Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3. С. 61–79.

лярные основы культуры. В 2004 г. власти Берлина запретили все религиозные символы в земельных учреждениях. Германия ввела для новых иммигрантов интеграционные тесты, которые требуют подтвердить, что они осведомлены о нормах отделения религии от политики. Правительство усиливает приверженность к секуляризму, стараясь не допустить проявления религиозности мусульман в стране, но этот процесс ведет к обмирщению и обедняет историю и культуру немецкого общества, основанную на христианских символах и ритуалах. Законы, требующие отделения религии от политики, способствуют уничтожению прежней идентичности. Исторически европейский секуляризм возник как способ гасить конфликты, порождаемые религиозным разнообразием разных ветвей христианства. Сейчас спектр религиозных и нерелигиозных идентичностей в Европе настолько широк, что дальнейшая секуляризация общественной сферы выглядит ситуацией, где секуляризм становится «удобным кнутом» в руках правительства против религиозности мигрантов¹⁴⁸. Однако этот «кнут» обратной стороной бьет по немецкой идентичности, выбивая из-под нее основу.

4. *«Деквалификация» немецкого рынка труда, усиление конкуренции и рост безработицы.* Миграционный потенциал, накопленный Германией, существенно влияет и на состояние рынка труда. Если в 1960 г. приток сотен тысяч «гастарбайтеров» не повлиял на рост безработицы (в 1962–1969 гг. безработица в среднем составляла всего 0.7 %), то в 1990-е гг. средний уровень безработицы уже составил 7.7 % и был спровоцирован ростом миграционных потоков¹⁴⁹. В настоящее время в Германии около 4 млн безработных. В связи с этим миграционные процессы серьезно усиливают экономическую конкуренцию на рынке труда, сдерживают рост или даже ведут к снижению заработной платы и ухудшению условий труда.

¹⁴⁸ Маккри Р. Как обуздать религию / Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». URL: <http://inosmi.ru/world/20130624/210333438.html> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁴⁹ Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда / Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. URL: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda> (дата обращения: 10.03.2016).

Мигранты уже начинают доминировать в отдельных отраслях экономики. Например, большая часть турецких мигрантов занята в профессиях продавцов, торговых служащих в розничной и оптовой сфере, специалистов по закупкам, обслуживающего персонала для технических и электронных устройств, водо- и газопроводчиков, специалистов по ремонту и строительству, парикмахеров¹⁵⁰.

В последнее время в Германии усилился также поток граждан из Болгарии и Румынии, которых в прессе называют «мигрантами от нищеты». В самой стране разгорается общественная дискуссия вокруг возможной «эрозии немецкой социальной системы», поскольку социальные пособия в Германии в 2–3 раза превышают среднюю зарплату в Румынии и Болгарии. В 2007 г. в Германии насчитывалось 64 тыс. мигрантов из Болгарии и Румынии, в 2011 г. – уже 147 тыс., а в 2012 г. – около 200 тыс. чел. По условиям, оговоренным в 2007 г. при вступлении Болгарии и Румынии в ЕС, срок их «внутренней изоляции» был определен до конца 2014 г. После окончания этого срока болгары и румыны, при условии получения работы или поступления в университеты, могут селиться в любой из стран ЕС, в том числе и в ФРГ. Среди мигрантов из Болгарии и Румынии значительную долю составляют цыгане (синти и рома). У подавляющего большинства из них нет никакой профессии, часть вообще неграмотные, многие не говорят по-немецки. Как правило, они селятся в аварийных или подлежащих сносу домах и пополняют ряды работников местного криминального сектора экономики (нищенство, проституция, воровство). Получил известность пример массового поселения цыган (около 300 человек) в одном из жилых домов Дуйсбурга. В результате стали возникать постоянные конфликты с местными жителями из соседних домов, а власти Дуйсбурга объявили, что приток беженцев-цыган нанес

¹⁵⁰ Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. URL: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda> (дата обращения: 10.03.2016).

долгосрчный ущерб социальному миру¹⁵¹. Такие же общины цыган поселились в Берлине, Франкфурте-на-Майне и других крупных городах.

Рост ксенофобии и экстремизма в германском обществе. Наплыв мигрантов из стран мусульманского мира нарушает этнодемографический баланс, усиливает религиозную и этническую пестроту немецкого общества. В то время как численность местного христианского населения постоянно снижается, мусульманское население стремительно растет. В результате часть немецкого общества испытывает чувство опасности и беспокойства. Осознавая, что собственная идентичность становится «размытой», для ее укрепления они начинают занимать непримиримую позицию по отношению к мусульманам, что порождает рост экстремистских и ультраправых настроений. Аналогичная тенденция к росту ксенофобских настроений наблюдается и в среде молодых мигрантов, которые на свою социальную исключенность, отчуждение общества отвечают насилием.

Многие немцы, даже толерантно настроенные, не хотят жить рядом с мигрантами. Институт криминологии Нижней Саксонии представил результаты социологического исследования, посвященного отношению молодых немцев к их ровесникам из иммигрантской среды (туркам). Выяснилось, что менее 10 % немецких юношей и девушек хотели бы иметь своими соседями турок, 38 % заявили, что не хотят этого ни в коем случае. Со своей стороны, 23,7 % респондентов турецкого происхождения заявили, что по крайней мере один раз в своей жизни оскорбляли немцев за то, что они немцы, а 4,7 % признали, что сознательно били немецких сверстников по этой причине¹⁵². Опрос, проведенный Билефель-

¹⁵¹ Кох М. Мигранты от нищеты: все больше цыган из Восточной Европы переезжают в ФРГ // Русская редакция сайта «Deutsche Welle». URL: <http://www.dw.com/ru/a-16614659> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁵² Германия решила отказаться от мультикультурности // Агентство гражданской журналистики. URL: <http://titus.kz/?previd=20193&type=polit> (дата обращения: 10.03.2016).

дским университетом, также показал, что 47 % немцев критически относятся к мигрантам¹⁵³.

Социальная поддержка мигрантов, осуществляемая за счет немецких налогоплательщиков, провоцирует недовольство, несмотря на то, что немецкие власти во избежание негативного отношения граждан к мигрантам, выдвигают дополнительные условия ее получения, а размеры социальной помощи существенно меньше, чем у граждан ФРГ.

Расистские волнения уже имели место в новейшей истории ФРГ: в 1991 и 1993 гг. в Хойерсверде и в Ростоке, где целью стали центр приема беженцев и общежитие вьетнамских рабочих, а также в Мельне и Золингене, где в результате поджогов погибли восемь турок. Всего в ФРГ в 1990–2011 гг. в результате действий ультраправых групп погибли 182 иммигранта¹⁵⁴.

Отражением роста праворадикальных настроений в обществе являются в том числе и выступления Тило Саррацина. После публикации его книги «Германия: самоликвидация» в 2010 г. все опросы показывали, что немцы утратили оптимизм по отношению к мультикультурному обществу. При этом многие немцы заявляли, что разделяют критические высказывания Саррацина относительно мигрантов. Известность получила и книга берлинской судьи Кирстен Хайзиг «Конец терпению», посвященная росту подростковой преступности в иммигрантской среде. На последних выборах в Бундестаг кандидатам в депутаты из числа мигрантов праворадикальная Национально-демократическая партия Германии прислала письма с «билетами на родину» и подписью «приехал – уезжай», стараясь заставить их отказаться от участия в выборах. НДПГ уже представлена в ландтагах Мекленбурга-Передней Померании и Саксонии, а попытки запретить партию не увенчались успехом. В 2015 г. в условиях миграционного кризиса важное место в по-

¹⁵³ *Шерле А., Варкентин А.* Изменились мигранты, изменилось и отношение немцев к ним // Русская редакция сайта «Deutsche Welle». URL: <http://www.dw.com/ru/a-16307631> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁵⁴ *Боллманн И.* Трудности европейской интеграции на примере Германии // Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». URL: <http://inosmi.ru/world/20130602/209575433.html> (дата обращения: 10.03.2016).

литической жизни ФРГ заняла партия PEGIDA («Патриотические европейцы против исламизации Запада»), которая выступает с резкими заявлениями против мигрантов и беженцев в Германии.

Когда в 2010 г. федеральный президент Кристиан Вульф в своем выступлении заявил, что ислам является частью немецкого общества, так же как и иудео-христианская традиция, то на него обрушились с критикой множество видных немецких политиков, заявляя о ведущей роли немецкой культуры и конце мультикультурализма. Однако самым знаковым примером стало заявление известного немецкого публициста еврейского происхождения, человека, пережившего Холокост, Ральфа Джордано, который в открытом письме президенту ФРГ К. Вульфу заявил о столкновении двух культурных общностей, которые находятся на совершенно разных стадиях развития. Первая, иудео-христианская, будучи основой для появления Ренессанса, Просвещения, буржуазных революций и либеральных ценностей, обеспечила огромный скачок в развитии общества. Другая общность, исламская, после короткого периода расцвета в Средние века надолго впала в состояние стагнации и архаики. Для нее характерны тотальное подчинение, неравенство полов, патриархальность и безоговорочное следование религиозным авторитетам.

6. Мигранты могут дестабилизировать систему социального обеспечения Германии. Статистические данные показывают, что уровень безработицы среди иммигрантов в Германии в два раза выше, чем среди коренного населения. Лишь около 71.4 % немецких турок из более чем двухмиллионной турецкой диаспоры имеют постоянный или временный источник дохода. В то же время 40 % немецких турок полностью или частично зависят от социальных выплат, и в среднем ФРГ тратит на них 18.2 млрд евро в год¹⁵⁵. При этом среди мигрантов значительно больше тех, кто полностью зависит от различных выплат – таких 40 % против 25 % для корен-

¹⁵⁵ Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. URL: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda> (дата обращения: 10.03.2016).

ных немцев¹⁵⁶. В период с 1980 по 2003 г. число заявок иностранцев на социальную помощь выросло с 70.5 тыс. до 624.5 тыс., то есть почти в 9 раз, а число не-немцев среди получателей социальной помощи увеличилось с 9 % до 29.1 %¹⁵⁷.

Данные исследования 2005 г. показали, что уровень безработицы высок и среди репатриированных немцев, в частности безработными оказались 32.4 % немецких переселенцев из республик бывшего СССР¹⁵⁸. При всех адаптационных усилиях властей, интегрироваться репатриантам, особенно в старших возрастах, в германское общество тяжело, и поэтому среди них сильны иждивенческие настроения и высок уровень безработицы.

Прибытие в 2014–2015 гг. в ФРГ более миллиона новых беженцев, претедующих на различные формы социальной поддержки со стороны властей ФРГ, обостряет проблему обеспечения стабильности системы социального государства.

Для Германии резкий рост числа и доли некоренных получателей помощи означает рост когорты тех, кто не вносит своего вклада в рост всеобщего благосостояния, но при этом пользуется его плодами. В ближайшие годы следует ожидать увеличения социальных расходов, связанных с естественным старением натурализовавшихся мигрантов, которые начнут получать пенсию, хотя не у всех из них трудовой вклад в развитие немецкой экономики сопоставим с вкладом коренных немцев. Увеличение числа мигрантов провоцирует и рост бедности. Так, по своему социально-экономическому положению 15 % немецких детей из 13 млн, или практически каждый шестой ребенок, считаются бедными, и основным

¹⁵⁶ *Козловский В.* Турецкая доля немецкого чуда // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. URL: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁵⁷ *Менц Г.* «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния // Прогнозис. 2007. № 1(9). С. 117–141.

¹⁵⁸ *Полян П.* Русскоговорящие иммигранты в Германии: первые результаты социологического обследования, проведенного совместно с журналом «Партнер» // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php> (дата обращения: 10.03.2016).

фактором роста детской бедности является то, что у мигрантов больше детей. Отчасти это объясняется тем, что для многих семей мигрантов выплачиваемое государством пособие на ребенка является единственным источником стабильного дохода.

Подводя итог, следует отметить, что немецкая иммиграционная политика длительное время проводилась без учета возможных негативных последствий миграции. Политика интеграции мигрантов, которая началась лишь в 1990-е гг., оказалась запоздалой и пока не дает ощутимых результатов. Более того, в ближайшее время проблемы с иммиграцией будут только обостряться. Немецкое общество не желает новых мигрантов, но немецкая экономика не может обойтись без мигрантов.

Одна из причин негативных последствий немецкого иммиграционного опыта состоит также в том, что Германия проводит «дифференцированно-эсклюзивную» стратегию интеграции мигрантов, ее политика до сих пор не нацелена на интеграцию как на политическое решение. Германия значительно ограничивает права мигрантов, не рассматривая их в качестве потенциальных резидентов¹⁵⁹. Немецкий иммиграционный опыт важен, ведь он позволяет понять важную мысль: сбой в интеграционной политике случаются даже там, где этой проблематикой пытаются заниматься на достаточно серьезном уровне. Немецкий опыт также наглядно показал, что ставка на репатриацию этнически и культурно близких соотечественников не всегда обеспечивает их успешную интеграцию. Новые иммиграционные вызовы, связанные с потоками беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока, несомненно, приведут к обострению существующих проблем.

¹⁵⁹ Прохорова А. Сравнению не подлежит // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. URL: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/sravneniyu-ne-podlezhit> (дата обращения: 10.03.2016).

4.3. Иммиграционные процессы в контексте политики Итальянской республики

Иммиграционные вызовы, с которыми Италия столкнулась в последние тридцать лет, представляют собой серьезную угрозу для ее внутривнутриполитической стабильности и устойчивого развития. Иммиграция принесла экономические выгоды, но одновременно вызвала значительную социокультурную трансформацию общества. Комплексное исследование феномена массовой иммиграции в Италии необходимо, поскольку с подобными вызовами в ближайшей перспективе может столкнуться и наша страна.

Демографические тренды и значение иммиграции. Италии присущи типичные демографические проблемы ведущих стран ЕС: депопуляция и старение коренного населения. Медианный возраст населения Италии в 2013 г. составил 44.4 года, что стало самым высоким показателем в ЕС (в среднем в ЕС – 41.9 года), доля несовершеннолетних (0–14 лет) – 14 % (в ЕС – 15 %), доля населения старше 65 лет – 21.2 % (в ЕС – 17.7 %) ¹⁶⁰. При этом средняя продолжительность жизни в Италии (85 лет для женщин и 80 лет для мужчин) является одной из самых высоких в Евросоюзе. Имидж «стареющей нации» Италия приобрела не только благодаря увеличению продолжительности жизни, но и вследствие снижения рождаемости. Последний раз суммарный коэффициент рождаемости находился на уровне простого воспроизводства в 1975–1976 гг. и затем только снижался ¹⁶¹. Это устойчивая тенденция, поскольку самой многочисленной группой теперь являются итальянцы, родившиеся в годы послевоенного бэби-бума. Информация об основных демографических трендах Италии представлена в табл. 11.

¹⁶⁰ Eurostat. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/database> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁶¹ Italy health system review // Health systems in transitions. 2014. Vol. 16. № 4. Pp. 3–4.

Таблица 11

Тренды демографического развития Италии
в 1980–2014 гг.*

	1980	1990	1995	2000	2005	2012	2014
Численность населения (млн)	56.4	56.7	56.8	56.9	58.6	60.9	61.3
Население в возрасте 0–14 лет	22.2	16.5	14.9	14.3	14.1	14.0	14.0
Население в возрасте 65 лет и старше	13.4	14.9	16.7	18.3	19.6	20.8	22.0
Прирост населения (%)	0.2	0.1	0.0	0.0	0.7	0.3	1.8
Суммарный коэффициент рождаемости	1.6	1.3	1.2	1.3	1.3	1.4	1.4а.
Демографическая нагрузка (в % от населения в трудоспособных возрастах)	55.3	45.8	46.2	48.3	50.9	53.5	55.0
Ожидаемая продолжительность жизни (в годах)	73.9	76.9	78.0	79.4	80.6	82.1	82.1

* Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 10.03.2016).
Примечание: а – данные за 2013 г.

Большая семья, характерная для католической Италии, стала достоянием прошлого: уже в 1981 г. среднестатистическая итальянская семья состояла всего из 3 человек¹⁶². Многие современные итальянки либо отказываются иметь детей, либо заводят одного ребенка. На это влияет и укрепившаяся тенденция позднего вступления в брак (в 35–40 лет).

Ускоренное старение населения вызвано тем, что многочисленное послевоенное бэби-бума сейчас достигло пенсионного возраста. Прогнозы указывают, что до 2020 г. численность населения в стране в возрасте 18–44 лет сократится как минимум

¹⁶² *Ginsborg P. A History of Contemporary Italy: Society and Politics in 1943–1988.* London: Penguin books, 1990. P. 430.

еще на 4.5 млн чел.¹⁶³ При сохранении основных демографических показателей коэффициент «демографической нагрузки» пожилыми (65 лет и старше) возрастет с 31.3 в 2010 г. до 45.2 в 2030 г. и 66.0 – в 2050 г.¹⁶⁴ Это вызовет «перегрузку» пенсионной системы, ведь уже сейчас Италия тратит на пенсии больше, чем другие страны ЕС. При этом доля пожилых людей неодинакова по стране: на юге этот показатель равен 19.5 %, в центральной части и на севере – 22.4 %¹⁶⁵, то есть экономически развитые регионы испытывают максимальную нагрузку.

С одной стороны, старение населения замедляет экономический рост, а с другой стороны, замедление темпов развития снижает спрос на рынке труда. Получается «замкнутый круг»: для улучшения демографии необходим приток молодых мигрантов, а с точки зрения экономики – приток молодых с низкой квалификацией и без опыта работы, мигрантов отягощает ситуацию с безработицей. Ускоренное старение населения, кроме прочего, усиливает зависимость от труда иммигрантов в секторе услуг семьям (присмотр за престарелыми). Так, рынок «баданте» (помощник престарелого человека) занят практически только иммигрантами. Доля итальянских работников здесь составляет всего 6 % и не может быть увеличена (причина заключается в низком уровне оплаты труда и в том, что $\frac{3}{4}$ трудовых договоров с «баданте» предполагают их обязательное проживание в доме хозяина, на что итальянцы не готовы). К тому же потомки мигрантов первого поколения, как правило, уже не желают выполнять тяжелую работу за небольшую плату. Это видно на примере филиппинцев, которые фактически являются старейшей мигрантской диаспорой в Италии (первые филиппинцы стали прибывать еще в 1960-х гг.). Если первое поколение филиппинцев было занято как домашняя прислуга и их дети, как правило, выбирали этот же вид занятости, но уже получали более высокую оплату, то третье поколение уже предпочитает

¹⁶³ Migration in Italy: Current situation and perspectives. Rome: International Organization for Migration, 2011. P. 39.

¹⁶⁴ Social situation in the European Union. Luxembourg: Eurostat, 2006. P. 125–126.

¹⁶⁵ Italy health system review // Health systems in transitions. 2014. Vol. 16. № 4.

ет работать в сфере обслуживания в учреждениях и организациях (клинтинговые компании, отели, рестораны).

Италия уже длительное время демонстрирует отрицательный естественный прирост, но численность ее населения продолжает расти. Прирост населения обеспечивает положительный миграционный баланс и демографические характеристики иммигрантов. В 2013 г. естественная убыль населения имела показатель – 1.4 %, а миграционный прирост составил 181.7 тыс. чел.¹⁶⁶ Таблица 10 демонстрирует увеличение в 1.5 раза доли иностранных граждан в населении в 2006–2012 гг., причем доля иностранных граждан в Италии выше показателя в целом по ЕС, хотя уступает таким странам, как Великобритания, Франция и Германия (табл. 12).

Таблица 12

Численность иностранцев в постоянном населении Италии,
2006–2013 гг. (млн чел.)*

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Численность населения	59.1	59.6	60.0	60.3	60.6	59.6	60.0	60.8
Из них иностранные граждане	2.9	3.4	3.9	4.2	4.6	3.9	4.2	4.9
Доля иностранцев (%)	5.0	5.8	6.5	7.0	7.5	6.5	7.0	8.1

* Составлено автором по данным: Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma. 2014. P. 13; Caritas-Migrantes. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2012. P. 12; Caritas-Migrantes. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2011. P. 12; Caritas-Migrantes. XIX Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2009. P. 13.

Иностранное население в Италии «молодое» и является источником демографического роста. В 2010 г. в Италии более по-

¹⁶⁶ Щербакова Е. ЕС-28: первые демографические итоги 2013 г. // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/barom05.php> (дата обращения: 10.03.2016).

ловины иммигрантов находились в трудоспособном возрасте от 18 до 44 лет, 22 % составляли несовершеннолетние и только 2.4 % – в возрасте старше 65 лет¹⁶⁷. Согласно переписи 2011 г., средний возраст иностранного населения всего 31.1 года¹⁶⁸. Суммарный коэффициент рождаемости у иммигранток выше, чем у коренных итальянок (2.61 вместо 1.3), а средний возраст вступления в брак ниже (31 год вместо 43 лет)¹⁶⁹. Рождаемость среди иммигрантов серьезно влияет на уровень фертильности: в 2010 г. 14 % всех новорожденных имели иностранных родителей, а доля иностранцев тогда составляла всего 7.5 %¹⁷⁰.

Таким образом, демографическая сфера Италии претерпевает серьезную трансформацию (в воспроизводстве, в возрастной структуре), имеющую социально-экономические последствия. «Оздоровить» демографическую ситуацию способен массовый приток иммигрантов.

Тренды иммиграции и развитие иммиграционной политики. Италия традиционно была страной эмиграции: за более чем сто лет (с 1876 по 1988 г.) ее покинули почти 27 млн итальянцев¹⁷¹. В 1970-х гг. ситуация начала меняться и страна стала привлекать потоки иммигрантов из развивающихся государств, что было обусловлено экономическим ростом в Италии и сокращением приема в Германии, Великобритании и Франции. До конца 1980-х гг. Италия фактически проводила политику «открытых дверей», что привело к росту числа иммигрантов, в частности нелегальных.

Присутствие нелегалов потребовало усовершенствования законодательства в виде так называемого Закона Мартелли (1990 г.).

¹⁶⁷ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2011. P. 111.

¹⁶⁸ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma, 2014. P. 216.

¹⁶⁹ *Хижный Э.К.* Политика поддержки семей с детьми и пожилыми домохозяйками в Италии // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0435/analit03.php> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁷⁰ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2011. P. 111.

¹⁷¹ *Попова Э.Г.* Иммиграционная политика Италии и возможности ее применения в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством / ИСПИ РАН. М., 2010. С. 11.

Он расширил применение права на убежище, провозгласил начало программы амнистии, распространяемой на любого иммигранта независимо от наличия у него работы, но одновременно вводил ряд ограничительных мер (установление ежегодного крайнего предела численности новых иммигрантов, введение виз для многих стран, создание системы высылки из страны). «Закон Мартелли» был вполне адекватным до того момента, когда страна столкнулась с массовым притоком мигрантов из Албании в 1990-е гг.

Следующий этап связан с появлением так называемого Закона Турко-Наполитано (1998 г.), который базировался на идеях обеспечения достойной жизни находящимся в стране иммигрантам и создания барьеров на пути новых иммигрантов, прежде всего нелегальных. Он включал целый ряд мер в рамках так называемой модели рациональной интеграции: меры, препятствующие незаконному въезду и обеспечивающие депортацию нелегалов; соблюдение основополагающих прав человека в отношении нелегалов; предоставление легальным иммигрантам возможности для полной интеграции; организацию взаимодействия между обществом и иммигрантами на основе уважения культурного и религиозного своеобразия. Закон предусматривал создание институтов для обеспечения интеграции (межкультурные медиаторы, территориальные советы по вопросам иммиграции, фонд финансирования миграционной политики, систему курсов для взрослых мигрантов по изучению языка, культуры и социально-политической системы), вводил годовые квоты для иностранной рабочей силы, учреждал механизм выдворения из страны и формулировал меры против пособников нелегальной иммиграции.

Приход к власти правых вызвал очередную трансформацию иммиграционной политики в виде так называемого закона Босси-Фини (2002 г.). Он был ориентирован на «немецкую модель» и предполагал получение вида на жительство только при наличии трудового контракта и контракта на найм жилья (вид на жительство выдавался на срок трудового контракта). Получить вид на жительство можно было исключительно в консульских учреждениях

Италии. При потере рабочего места иммигрант получал несколько месяцев на поиск новой работы, а если не находил ее, то подлежал выдворению из страны.

В связи с экономическим кризисом правительство С. Берлускони в 2009 г. приняло так называемый Пакет мер по обеспечению безопасности, который ужесточил финансовую ответственность и предусматривал уголовное наказание за нелегальное пребывание в стране. Иммигрант, получающий вид на жительство, теперь обязан был подписать «Договор об интеграции» и в течение двух лет набрать определенное количество баллов для оценки его знания итальянского языка, истории, права, навыков для жизни в стране.

В целом динамика иммиграционных процессов в 2000-х гг. характеризовалась ростом в первой половине десятилетия, за которым последовал некоторый спад. Затем в 2011–2015 гг. наблюдался почти трехкратный рост показателей иммиграции по сравнению с уровнем 2006–2007 гг. Он был вызван событиями «арабской весны» 2011 г., гражданскими войнами и дестабилизацией политической ситуации в целом ряде стран Африки и Ближнего Востока. В 1990–2000-е гг. главной проблемой был наплыв легальных и нелегальных трудовых мигрантов, а основным путем их прибытия были туристические визы. Экономический кризис 2008 г. и революции 2011 г. изменили эти тренды и сейчас основной поток составляют беженцы из африканских и азиатских стран, прибывающие нелегально морским путем.

Как отмечает Т.П. Нестерова, модель «рациональной интеграции» обеспечила эффективное регулирование лишь миграционных потоков из балканских и восточно-европейских стран, но в отношении миграции из Африки она оказалась бессильна¹⁷².

Отметим, что опыт иммиграционной политики в Италии подчеркивает ее непоследовательный характер и даже «авральный

¹⁷² Нестерова Т.П. Нормативно-правовое регулирование миграционных процессов в Италии в начале XXI века // Научный диалог. 2013. №7 (19). С. 173.

подход» к управлению иммиграцией»¹⁷³. Корректировки иммиграционного законодательства нередко нивелировали предыдущие нормы, а направленность принимаемых решений зачастую была детерминирована не национальными интересами, а политической конъюнктурой. Иммиграционный режим в Италии до сих пор не сформирован, а итальянское общество все еще не свыклось со статусом страны-реципиента миграции.

Специфика иммиграционных процессов в 2000-е гг. Одной из специфических черт иммиграционных процессов в 2000-х гг. стал существенный рост румынской, марокканской, албанской, китайской и украинской диаспор (табл. 13).

Таблица 13

Крупнейшие этнические диаспоры в Италии
в 2006–2011 гг. (тыс. чел.)*

	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Румыны	342.2	624.7	796.5	887.8	968.6	997.0
Албанцы	375.9	401.9	441.4	466.9	482.6	491.5
Марокканцы	343.2	365.9	403.6	431.5	452.4	506.4
Китайцы	144.9	156.6	170.3	188.3	209.9	277.6
Украинцы	120.1	132.6	154.0	174.1	200.7	223.8

* Caritas-Migrantes. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2012. P. 12; Caritas-Migrantes. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2011. P. 12; Caritas-Migrantes. XIX Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2009. P. 13.

Быстрыми темпами увеличивалась численность второго поколения иностранных граждан, проживающих в стране: в 2008 г. – 518.7 тыс., в 2009 г. – 572.7 тыс., в 2010 г. – 650.8 тыс. чел.¹⁷⁴

Происходили процессы территориальной концентрации иммигрантов. Наибольшая доля иммигрантов была отмечена на северо-

¹⁷³ Canego Г.П. Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития; ИФ РАН. М., 2010. С. 3–4.

¹⁷⁴ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2011. P. 12.

западе (35.8 %), северо-востоке (27.6 %) и в центре (23.8 %), на юге Италии этот показатель был равен 9 %, а на островах – 3.8 %¹⁷⁵. В Милане и Риме доля иммигрантов в населении составляла соответственно 13 % и 15 %. Правда, эти данные не учитывают вновь прибывших контингентов беженцев.

Основная масса иностранной рабочей силы задействована в сфере услуг. В последние годы шло систематическое увеличение занятых в сфере услуг и сельском хозяйстве, и сокращение – в промышленном секторе, прежде всего на металлургических предприятиях. При этом в секторе услуг менялась структура занятости: сокращение в ресторанном бизнесе и сфере бизнес-услуг сопровождалось ростом занятости в системе услуг семьям («баданте», «бэбиситер», «ассистенто фамилиаре» и т. д.). В Италии сложилась этническая дифференциация труда иммигрантов (практика, характерная для многих стран-реципиентов). В строительстве доминируют иммигранты из стран Магриба и Восточной Европы, в сельском хозяйстве – выходцы из Северной Африки, Латинской Америки и Индии, в мелкой вещевой торговле – Марокко, Сенегала и Китая, в розничной торговле продуктами и фруктами – Пакистана, в сфере бытовых услуг – из Филиппин, Польши и Украины.

Экономический кризис привел к стагнации и снизил потребности экономики в рабочей силе, что отразилось в снижении объемов трудовой иммиграции. В ноябре 2014 г., по данным Istat, количество безработных составило 13.4 %, а безработица в группе 15–24 лет достигла показателя в 43.9 % (729 тыс. чел.)¹⁷⁶.

Трудовая иммиграция в Италии приобрела этнодемографическую, экономическую и территориальную специфику. Сейчас в связи с проблемой беженцев вопросы регулирования трудовой иммиграции временно отошли на второй план. Однако они не утратили своей актуальности, поскольку связаны с проблемой

¹⁷⁵ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2011. P. 12.

¹⁷⁶ Уровень безработицы в Италии обновил исторический рекорд // РИА «Новости», 7 января 2015 г. URL: <http://ria.ru/world/20150107/1041717293.html> (дата обращения: 10.03.2016).

интеграции второго поколения иммигрантов. Опыт других стран показывает, что практика воссоединения семей также становится драйвером притока новых экономических мигрантов. Италия пытается ограничить круг лиц, имеющих право на иммиграцию в рамках воссоединения (супруг(а), несовершеннолетние дети и престарелые родители, нуждающиеся в уходе), но как демократическое государство оно не способно запретить ее полностью.

Нелегальная иммиграция и проблема беженцев. Как указывалось выше, до 2011 г. иммигранты в основном прибывали из стран Восточной Европы, и здесь присутствовали два потока: легальный – из стран, недавно вступивших в ЕС (Румыния, Болгария, Польша и др.), и нелегальный – из бывших республик СССР (Украина, Молдова), бывшей Югославии и Албании. Они носили экономический характер, за исключением иммигрантов из бывшей Югославии, где присутствовали беженцы. Эти потоки, хотя и вели к росту «теневой» экономики и преступности, но не представляли серьезной угрозы для национальной безопасности. Экономические мигранты были близки к итальянцам в языковом (румыны), религиозном (поляки, часть украинцев) отношении или имели с ними общее историческое прошлое (албанцы). Культурный уровень их был близок к уровню итальянского общества и базировался на христианских ценностях (за исключением боснийских и албанских мусульман), а разница в уровне социально-экономического развития была не столь велика. Иммигранты представляли собой людей с достаточным уровнем образования и квалификации, кроме, возможно, румынских цыган.

Сейчас главным миграционным потоком стали беженцы из Африки и Ближнего Востока, которые хотят иметь доступ к благам социальной системы Италии либо использовать ее для транзита в другие страны ЕС.

Проблема беженцев тесно связана с нелегальным трафиком людей. Его характер и интенсивность обусловили ряд причин, в том числе геополитические (войны и гражданские конфликты на Ближнем Востоке и в странах Магриба) и экономические (огромный разрыв в уровне жизни стран ЕС и стран исхода мигрантов).

Важным фактором стало ужесточение итальянского законодательства, которое ограничило для беженцев возможность получения въездных виз в третьих странах и подтолкнуло к нелегальным способам. Беженцы сажают на мель свои суда в прибрежных водах и вынуждают береговую охрану прийти им на помощь. В результате к ним уже нельзя применить процедуру отказа в пересечении границы, поэтому используется процедура выдворения из страны. Этот порядок предполагает предоставление нескольких дней и запрет на задержание мигранта, что дает ему возможность скрыться. Такая практика впервые появилась еще в 1990-е гг., но характер стихийного бедствия она приобрела уже после «арабской весны» 2011 г.

Италия сталкивалась с массовым прибытием беженцев прежде. Например, во время албанских событий 1991 г. и 1997 г. (тогда прибыло 63,5 тыс. чел.), не менее 50 тыс. беженцев прибыли в страну во время войны в Косово в 1999 г.¹⁷⁷ Однако нынешний вызов не сопоставим ни по масштабам, ни по продолжительности, ни по объемам потенциальной миграции. Уже в 2011 г. на остров Лампедуза (население 5 тыс. чел.) прибыло более 17 тыс. беженцев. В 2014 г. в день прибыло до 20 различных судов с беженцами, аналогичная ситуация сложилась и в 2015 г. Число потенциальных мигрантов, готовых к «броску» через Средиземное море, сложно оценить, по-видимому, речь может идти о нескольких миллионах человек. Этот поток сопровождается многочисленными случаями гибели людей. Так, по данным ООН, в 2014 г. из 218 тыс. мигрантов, которые отправились на лодках через море, 3,5 тыс. утонули. Всего за последние 15 лет у берегов Италии погибло более 23 тыс. чел. Сейчас риск гибели людей возрос, так как организаторы нелегального трафика стали использовать тактику отправки судов без экипажей (они покидают суда после выхода в море). В настоящее время поток нелегальных мигрантов идет по двум направлениям: «центрально-средиземноморский коридор», когда мигранты отправляются от берегов Ливии и Туниса в сторону Сицилии, и путь

¹⁷⁷ См.: King R., Mai N. *Italophilia meets Albanophobia: paradoxes of asymmetric assimilation and identity processes among Albanian immigrants in Italy* // *Ethnic and racial studies*. London, 2009. Vol. 32. № 1. P. 117–138.

с территории Греции, когда нелегалы отправляются в сторону Калабрии и Апулии. Первый коридор имеет наибольшие масштабы: по нему только за период с января по август 2015 г. прибыло больше 106 тыс. беженцев (в том числе 26.5 тыс. эритрейцев, 13 тыс. нигерийцев, 10 тыс. представителей народностей Сахары).

Контролировать потоки беженцев в Италии пока не удастся. Правительство пытается сконцентрировать их в пунктах приема (на юге и на островах) и найти пути возвращения на родину. Однако беженцы требуют принять их в ЕС, что приводит к конфликтам с силами правопорядка. Первое такое столкновение произошло на острове Лампедуза в марте 2011 г., когда беженцы подняли бунт и сожгли миграционный центр.

Официально численность беженцев в Италии пока невелика (табл. 14), но эти данные включают в себя только лиц, официально получивших статус беженца и не учитывают тех, кто подал прошение, но не получил окончательного решения (эта процедура может занимать до 6 месяцев).

Таблица 14

Численность беженцев в Италии в 2011–2014 гг. (тыс. чел.)*

Численность беженцев	2011	2012	2013	2014
	58.1	64.8	78.1	93.7

* Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 10.03.2016).

Известно, что только за первое полугодие 2015 г. в Европу прибыло более 230 тыс. беженцев (столько же, сколько за весь 2014 г.), и по прогнозам до 7 % из них останутся в Италии. Еще порядка 600 тыс. заявлений о предоставлении убежища уже находятся на рассмотрении, в том числе более 30 тыс. заявлений в первом полугодии 2015 г. было подано в Италии¹⁷⁸.

¹⁷⁸ Eurostat. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/database> (дата обращения: 10.03.2016).

В связи с отсутствием позитивных изменений в геополитической и экономической ситуации в странах Ближнего Востока и Северной Африки в ближайшее время следует ожидать интенсификации потока беженцев. Подобное развитие ситуации создает чрезвычайные риски для страны, причем как в сфере национальной и социально-экономической безопасности, так и для сохранения национально-культурной идентичности общества.

Иммиграция и преступность. В итальянском обществе сложилось мнение о значительном влиянии иммиграции на уровень преступности. Статистика МВД за 2012 г. свидетельствует, что иностранные граждане совершили 23.9 % всех преступлений (учитывались только преступления с известной гражданской принадлежностью преступника). Это высокий показатель: фактически число преступлений равно 6.7 % от численности иностранцев, а среди итальянских граждан он равен 1.2 %. Число преступлений, совершенных мигрантами, ежегодно возрастает, но темпы прироста существенно ниже роста общей преступности. Так, число преступлений, совершенных гражданами Италии, увеличилось с 467.4 тыс. в 2004 г. до 643.0 тыс. в 2012 г. (+ 37 %), число преступлений, совершенных иностранцами, увеличилось с 224.5 тыс. до 290.9 тыс. (или + 29.6 %), а контингент иностранцев за это время удвоился (с 2.2 млн до 4.4 млн чел.)¹⁷⁹.

В то же время выше среднего показателя (31.1 %) среди мигрантов такие тяжкие преступления, как кражи (47.8 %), скупка и хранение краденого (47.2 %), похищения человека (44.3 %), насильственные действия сексуального характера (40.3 %), контрабанда (45.5 %), наркоторговля (37.2 %) и изготовление контрафактной продукции (68.2 %). Согласно статистике наибольшей криминогенностью отличаются выходцы из Туниса, Нигерии, Сенегала и Марокко, а наименее – украинцы, китайцы и молдаване. Причем если среди молдаван, албанцев, украинцев и румын наибольшую долю среди видов преступлений занимают кражи, то у марокканцев и тунисцев – наркоторговля, а у китайцев и сенегальцев – под-

¹⁷⁹ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 183.

делка торговых марок. При этом статистика МВД Италии подчеркивает, что уровень преступности среди легальных иммигрантов и коренных итальянцев почти не отличается, а большая часть преступлений, совершенных иностранными гражданами, приходится на нелегальных иммигрантов.

Рост преступности создает дополнительное общественное напряжение, а резонансные преступления вызывают острую дискуссию об иммиграции. С учетом роста числа «нелегалов» в результате притока беженцев следует ожидать и увеличения числа преступлений, совершенных иммигрантами.

Иммиграция как фактор культурной трансформации общества. Необходимо признать, что массовая иммиграция привела к этнической и религиозной диверсификации населения Италии. За последние 25 лет этнорелигиозная карта страны серьезно изменилась, а итальянское общество стало многонациональным и мультирелигиозным. Согласно отчетам Caritas, в Италии присутствуют уже не менее 195 этнических групп, а в религиозной сфере – крупные сообщества мусульман, евангелистов, православных, сикхов, индуистов и т. д.¹⁸⁰ Отметим, что конфессиональная структура населения плохо поддается изучению. Например, в разных источниках доля католиков оценивается от 60 % до 90 % от постоянного населения, а доля мусульман – от 0.19 % до 2.02 %¹⁸¹. Зато имеются более точные данные о религиозной принадлежности иностранных граждан. По данным Caritas, в 2012 г. среди них 29.6 % являлись православными, 19.2 % – католиками, 4.4 % – протестантами, 32.9 % – мусульманами (в том числе 54.5 % были выходцами из африканских стран, 31.7 % – из европейских стран и 13.7 % – из азиатских стран), 2.6 % – индуисты, 1.9 % – буддисты, 4.3 % – атеисты и агностики и т. д.¹⁸²

¹⁸⁰ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2012. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2012.

¹⁸¹ Scuderi M. Interfaith dialogue in Italy: a school project suggestion // Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. P. 173–174.

¹⁸² Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2012. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2012.

Исследователи отмечают более высокий уровень религиозности этнических меньшинств (73 %) по сравнению с коренным населением (50 %) ¹⁸³. Как правило, религиозность мигрантов снижается от первого поколения ко второму, особенно при успешной интеграции в обществе, но в случае неудачной адаптации и дискриминации у них может возникнуть защитная реакция в виде радикальной религиозности ¹⁸⁴.

Иммиграция активно воздействует и на институт семьи: в стране растет число смешанных браков. Так, в 2013 г. было зафиксировано 207.1 тыс. браков, в том числе 20.8 тыс. браков носили смешанный характер, т. е. один из супругов был иностранным гражданином (в 2010 г. таких браков было зарегистрировано 17.2 тыс.) ¹⁸⁵. В $\frac{3}{4}$ брачных союзов муж являлся гражданином Италии, а жена – иностранкой. В свою очередь это ведет к появлению новых граждан, ведь каждый третий случай натурализации связан с вступлением в брак ¹⁸⁶. Выросло в последние годы и число браков, заключенных между постоянно проживающими иностранными гражданами: в 2010 г. таких браков было зарегистрировано 7.9 тыс., а в 2013 г. – 9.9 тыс. ¹⁸⁷

Иммиграция нередко выступает фактором конфликта городской и сельской культур, ведь многие иммигранты являются выходцами из сельской местности, но концентрируются преимущественно в городских поселениях.

Важным фактором социокультурного развития становятся новые иностранные языки, привнесенные иммигрантами. В стране теперь представлено более 130 иностранных языков (так называемая лингвистическая революция). Они обогащают итальянскую культуру, но одновременно представляют собой вызов для принимающего общества, поскольку на протяжении многих веков стра-

¹⁸³ *Garelli F.* Religione all'italiana. *L'anima del paese messa a nudo*. Bologna: il Mulino, 2011.

¹⁸⁴ *Portes A., Rumbaut, R.G.* Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation. New York: Russel Sage Foundation, 2001.

¹⁸⁵ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma, 2014. P. 211.

¹⁸⁶ Там же. P. 14.

¹⁸⁷ Там же. P. 216.

на использовала только итальянский язык в разных его диалектах. Это становится важным фактором в условиях этнической концентрации иммигрантов. Например, 17 % мигрантов в провинции Тоскана составляют китайцы, 18.5 % – в провинции Кампания – украинцы, во многих городах появились африканские и мусульманские кварталы¹⁸⁸. В этих условиях иностранный язык способен конкурировать с итальянским языком как средством социальной коммуникации, а также выступать дополнительным барьером для интеграции членов данной диаспоры. Эти риски усиливаются в связи с достаточно слабым знанием итальянского языка мигрантами первого поколения (особенно теми, кто вовлечен в мелкое производство и сельское хозяйство и трудится преимущественно в кругу своих соотечественников, а не включен в сферу домашнего сервиса как, например, украинцы и молдаване). Язык в этом смысле выступает дополнительным фактором сохранения этнической и религиозной идентичности иммигрантов. Современная ситуация коренным образом отличается от ситуации двадцати-тридцати лет назад, когда иммигранты были достаточно редким явлением в итальянских городах.

Эти факторы, на наш взгляд, сдерживают интеграционные усилия принимающего общества, особенно в отношении китайской диаспоры и общин из ряда мусульманских стран (пакистанцы, марокканцы и др.), усиливают культурную фрагментацию итальянского общества и могут способствовать возникновению параллельных социальных институтов и норм. Некоторые исследователи считают такую перспективу маловероятной, ссылаясь на разнородность иммигрантов в этническом и культурном отношении¹⁸⁹. Действительно, состав мигрантов гетерогенен (195 этнических групп), но больше половины иммигрантов составляют выходцы только из 5 стран (Румыния, Албания, Марокко, Ки-

¹⁸⁸ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma, 2014. P. 13.

¹⁸⁹ *Canego Г.П.* Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития. ИФ РАН. М., 2010. С. 13–14.

тай и Украина), а $\frac{2}{3}$ иммигрантов приходится всего на 10 стран, то есть предпосылки для возникновения анклавов и «параллельных обществ» имеются. По прогнозам демографов, уже к середине XXI века численность иностранных граждан в Италии (без учета натурализовавшихся мигрантов) приблизится к 9–12.4 млн чел., что составит от 16.2 % до 18.4 % населения¹⁹⁰. Если рост иностранного населения будет сопровождаться возникновением этнических анклавов, это станет серьезной угрозой культурной целостности общества. Следует констатировать, что в результате иммиграции Италия превратилась в мультикультурную и мультиэтническую страну (хотя многие политики правого толка все еще отказываются это признавать). Сейчас наступил момент, когда значительная часть итальянского общества стала осознавать значение иммиграции как драйвера социокультурной трансформации и выступает за учет культурных, языковых и религиозных различий в реализации иммиграционной политики.

Иммиграция как фактор внутренней политики. Уже с конца 1980-х гг. в Италии идет поляризация общественного мнения по вопросу об иммиграции. Он стал одним из самых обсуждаемых вопросов политической повестки.

По мере увеличения иммиграции и роста антимигрантских настроений в стране усилилась деятельность правых и националистических организаций («Лига Севера», «Национальный альянс», «Вперед, Италия!», «Народ Свободы»), которые в прошлом несколько раз даже формировали правительство. Эти политические силы призывают к ограничению иммиграции или закрытию страны для иммигрантов. «Лига Севера» в последнее время укрепила свои позиции не только в своем традиционном регионе (Ломбардия), но также и в регионах, прежде голосовавших за левых (Реджио-Эмилия)¹⁹¹. Ранее она выступала против присутствия в стране

¹⁹⁰ Migration in Italy: Current situation and perspectives. Rome: International Organization for Migration, 2011. P. 39.

¹⁹¹ Животовская И.Г. Италия: опыт борьбы с нелегальной иммиграцией / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigracijej_2012-01-13.htm (дата обращения: 10.03.2016).

цыган, но после прихода в правительство в 2000-х гг. объектом ее критики стали иностранцы в целом, и мусульмане в частности. Партия апеллирует к католической церкви и консервативным кругам общества, для чего обращается к теме сохранения традиций и христианских ценностей (например, выступает за сохранение изображения распятия Христа в образовательных учреждениях).

С антимигрантской риторикой стало выступать и популистское «Движение пяти звезд», которое также требует закрыть границы. Хотя политические требования этого движения носят ситуативный и конъюнктурный характер, но они тоже отражают рост подобных настроений в обществе.

В свою очередь правящая Демократическая партия выступает с идеями поддержки иммигрантов и создания условий для их интеграции. Так, экс-лидер партии Р. Проди в 2011 г. заявлял: «В лице иммигрантов мы получаем огромный потенциальный ресурс. Надо идти по пути интеграции»¹⁹².

В политическом дискурсе иммиграции присутствует целый ряд аспектов, к которым общественное мнение обращено особенно пристально. Одна из самых обсуждаемых тем связана с масштабами нелегальной миграции. По мнению Т.В. Зоновой, партии, борющиеся за голоса избирателей, и СМИ, нуждающиеся в сенсациях, намеренно «криминализируют» эту тему, в результате почти 2/3 респондентов уверены, что нелегальная иммиграция в разы превышает уровень легальной¹⁹³. В действительности уровень нелегальной миграции оценивается по разным данным от 0.5 млн до 1.5 млн чел. (от 10 до 30 % от уровня легальной миграции)¹⁹⁴.

Другой важной темой стал вопрос о влиянии иммиграции на трудовую занятость. Опросы показывают, что большинство итальянцев (76 %) уверены, что труд иммигрантов приносит суще-

¹⁹² Зонова Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог. 2015. № 1(37). С. 137.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Алешковский И.А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 134–135; Гребенкина И.В. Политика Италии в отношении нелегальных мигрантов после «арабской весны»: опыт для России // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 73.

ственную выгоду и компенсирует нехватку рабочих рук, но почти треть респондентов (29 %) также указали на серьезную конкуренцию со стороны иммигрантов¹⁹⁵.

Проблемой становится и вопрос о пенсионном обеспечении первого поколения иммигрантов. Часть их уже приблизилась к рубежу пенсионного возраста или даже перешагнула его. Согласно законодательству, в случае легального пребывания, наличия 5 лет трудового стажа и при достижении 65-летнего возраста, можно претендовать на минимальное пенсионное обеспечение. Сейчас только 2.6 % от численности иммигрантов перешагнули пенсионный возраст, но к 2020 г. их уже будет 4.3 %, а к 2025 г. – более 6 %¹⁹⁶. Это усилит нагрузку на пенсионную систему, которая и сейчас одна из самых высоких в ЕС, и вызовет новую дискуссию о негативном влиянии иммиграции на итальянскую модель социального государства.

Массовая иммиграция из мусульманских стран привела к включению проблемы ислама в политическую повестку. Она связана с вопросами интеграции мусульман, открытия мест для проведения религиозных ритуалов, появления очагов исламского фундаментализма. Ислам стал фактором политической жизни, поскольку 32.9 % иммигрантов являются мусульманами (1.65 млн. чел. в 2011 г.), а некоторые исследователи даже считают ислам второй по важности религией в стране. Ислам не признан в Италии в качестве официальной конфессии (отсутствует специальное соглашение между правительством и религиозной организацией), а диалог с правительством затрудняют разнородность мусульманского населения и наличие нескольких организаций, претендующих на представительство в публичной сфере¹⁹⁷.

¹⁹⁵ *Зонова Т.В.* Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог. 2015. № 1(37). С. 133.

¹⁹⁶ *Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti.* Roma, 2014. P. 14.

¹⁹⁷ *Санего Г.П.* Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития; ИФ РАН. М., 2010. С. 21.

Сильны среди итальянцев и различные стереотипы в отношении иммигрантов, также отчасти навязанные СМИ. Например, румын часто обвиняют в склонности к криминалу, проституции и попрошайничеству, украинским домработницам приписывают стремление разбить итальянские семьи. Периодически после информации о терактах исламистов за рубежом в стране усиливаются исламофобия и «поиски» исламских экстремистов.

Следует констатировать, что иммиграция становится все более значимой для внутривнутриполитической ситуации в стране. Дискуссии об иммиграции фактически приняли характер идеологического спора между «левыми», которые говорят о солидарности и об ответственности итальянского общества, и «правыми», выдвигающими на первое место аспекты секьюритизации иммиграции (криминогенные и экстремистские угрозы). Массовая иммиграция из Африки и Азии спровоцировала появление в итальянском обществе такой проблемы, как расизм. Прибытие беженцев усложняет внутривнутриполитическую ситуацию, усиливает конфликтный характер иммиграционных процессов, ведь общественное мнение в этом вопросе разобщено и проявляет как сочувствие, так и ксенофобию.

Проблема расизма и ксенофобии в итальянском обществе. Объективные трудности, вызываемые массовой иммиграцией, а также воздействие СМИ и влияние правых и популистских партий, провоцируют рост ксенофобии, расизма и дискриминации по этническому и религиозному признакам. В 2013 г. UNAR (Национальный офис по борьбе с расовой дискриминацией) зафиксировал 1142 проявления ксенофобии и дискриминации, причем 68.7 % случаев пришлось на проявления дискриминации по этническому или расовому признаку. Статистика случаев этнической и расовой дискриминации демонстрирует тенденцию возрастания частоты таких эпизодов в СМИ (с 2.5 % в 2005 г. до 34.2 % в 2013 г.), в публичном пространстве (с 5.3 % до 20.4 %), в местах отдыха (с 1.1 % до 11.4 %) ¹⁹⁸. Одновременно сократилась доля проявле-

¹⁹⁸ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma, 2014. Pp. 171–175.

ний дискриминации по указанным признакам в сферах труда, образования и в местах проживания, то есть проблема расизма и ксенофобии из сферы частной жизни переходит в публичную сферу. Причем в публичной сфере она характеризуется такими опасными проявлениями, как уличная агрессия, распространение расистских и ксенофобских идей (в том числе в виде общественных прокламаций), призывы к электоральной поддержке ксенофобских лозунгов, а также проявления ксенофобии в спорте. В 2013 г. в 988 случаях дискриминации по этническому или расовому признаку было возбуждено уголовное преследование, причем в 25.3 % эти факты были связаны с физическим насилием. К сожалению, ксенофобия стала частым явлением в спорте: по данным «Центра по мониторингу расизма и борьбе с расизмом в футболе», во время сезона 2013/2014 г. было зарегистрировано 118 эпизодов расизма во время матчей¹⁹⁹.

Важно подчеркнуть, что проблема ксенофобии носит двусторонний характер, то есть она присутствует как со стороны самих итальянцев, так и со стороны мигрантов. Согласно отчетам UNAR, дискриминации по расовому и этническому признакам в 2013 г. подверглись представители 38 национальностей, но наибольшая доля принадлежит итальянцам (29.2 %), марокканцам (8.5 %) и румынам (8.5 %)²⁰⁰.

Таким образом, массовая иммиграция вызвала рост ксенофобии и появление проблемы расизма, который прежде был не присущ итальянцам. Население страны относится к иммиграции неоднозначно: осознавая зависимость от иммиграции, итальянцы в то же время допускают проявления ксенофобии и расизма на бытовом уровне. Причины этого явления отчасти видятся в историческом прошлом Италии, которая долгое время представляла собой конгломерат государств и фактически не имела заморских колоний.

Интеграция мигрантов: проблемы и перспективы. Преодоление большинства издержек иммиграции возможно через реализа-

¹⁹⁹ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma, 2014. Pp. 171–175. P. 223.

²⁰⁰ Там же. Pp. 174–176.

цию адекватной интеграционной политики, и здесь очень важным является вопрос об интеграции второго поколения иммигрантов. Как правило, иммигранты первого поколения мобильны и согласны на любую работу, а у второго поколения мигрантов снижается мобильность и возрастают требования к условиям и оплате труда. Ко второму поколению мигрантов в Италии причисляют детей, рожденных от иностранных родителей; детей, прибывших в порядке воссоединения семей; детей, прибывших самостоятельно; детей беженцев; детей, прибывших в порядке усыновления; детей, рожденных в Италии, один из родителей которых является иностранным гражданином²⁰¹.

Следует констатировать, что категория «второе поколение мигрантов» включает в себя разные группы с разным социальным капиталом. Понятно, что дети, усыновленные итальянскими родителями (как правило, представителями среднего класса), и дети, рожденные в смешанных браках, обладают лучшими возможностями и имеют хорошие стартовые позиции, практически как у их итальянских сверстников. Однако несмотря на различия социального, правового или экономического характера, данная группа имеет нечто, объединяющее их с детьми иностранных граждан и беженцев. Это общность происхождения, языковая общность, родственные связи, общая идентичность, базирующаяся на этнической и религиозной основе и т. д. Поэтому выделение категории «второе поколение мигрантов» как особой социальной группы представляется обоснованным при учете неоднородности ее состава, как в социально-экономическом, правовом, так и в этническом и религиозном отношении.

Второе поколение мигрантов в дальнейшем будет способно выступить серьезным фактором, оказывающим влияние на социально-политическую ситуацию в стране.

На данный момент доля мигрантов второго поколения, достигших зрелого возраста, относительно невелика, но ситуация

²⁰¹ *Zannoni F.* Young immigrants and religion in Italy: New identities, old stereotypes, an educational challenge // *Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education*. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. P. 134.

постоянно меняется в силу демографических характеристик мигрантов (табл. 15).

Таблица 15

Численность мигрантов, проживающих
в Италии во втором поколении (чел.)*

	2006	2007	2008	2009	2010
Численность второго поколения	486 542	740 277	518 700	572 720	650 802

* Caritas-Migrantes. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2012. P. 12; Caritas-Migrantes. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2011. P. 12; Caritas-Migrantes. XIX Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2009. P. 13.

Большая часть детей мигрантов пока посещает начальную и среднюю школу, причем их численность постоянно растет: 755.9 тыс. учащихся с иностранным гражданством в 2011–2012 у. г., или порядка 9 % от общей численности школьников вместо 0.7 % в 1996–1997 у. г.²⁰² В начальных школах отдельных муниципалитетов уже до 50 % учеников составляют дети с иностранным гражданством. Этот тренд, по-видимому, будет только усиливаться. Хотя мигранты воспринимают модель воспроизводства принимающего общества в течение 2–3 поколений, но ближайшие 10–20 лет, очевидно, среди них все еще будет иметь место рост рождаемости (например, в крупном индустриальном центре Реджио в 2013 г. 65 % новорожденных являлись детьми мигрантов).

Мигранты второго поколения, как правило, не планируют возвращение в страну, откуда прибыли их родители, но они не принимают и принудительной интеграции, претендуют быть гражданами и требуют равных прав. Представители этой группы нередко имеют двойственную идентичность, разрываясь между культурой

²⁰² Zannoni F. Young immigrants and religion in Italy: New identities, old stereotypes, an educational challenge // Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. P. 134.

исторической родины и итальянской культурой, что нередко порождает конфликты в их повседневной жизни. Двойственность проистекает из значения этнокультурного фактора (язык, образ жизни, семейное окружение) и воздействия социальных институтов принимающей страны, а также зачастую усиливается низким социальным статусом. В условиях, когда национально-государственная идентичность базируется на итальянской этничности и католицизме, наличие иной этнической и религиозной идентичности может становиться фактором серьезного внутреннего конфликта личности.

В долгосрочной перспективе важным станет вопрос об интеграции третьего поколения мигрантов, т. е. внуков мигрантов первого поколения. Оно пока малочисленно, поскольку основной поток мигрантов начался в 1980-е гг. (согласно переписи 1981 г. иностранные граждане в Италии составляли 0.4 % от общей численности населения)²⁰³. В связи с этим вопрос о третьем поколении мигрантов до сих пор в Италии не рассматривался. Однако опыт Великобритании, ФРГ и Франции показывает, что именно третье поколение мигрантов имеет повышенные требования, недостаточно интегрировано и социально активно²⁰⁴. Поэтому законодательство Италии, хотя и признает за каждым право сохранять приверженность собственным культурным, языковым и религиозным традициям, но в то же время при помощи общественных организаций и ассоциаций иммигрантов стремится ликвидировать культурные и религиозные барьеры и содействовать успешной интеграции²⁰⁵.

Иммигранты как субъект политического процесса. Основной формой самоорганизации иммигрантов в Италии выступают различные ассоциации, созданные по этническому или религиозному признаку (наиболее активными являются филиппинская, китай-

²⁰³ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma, 2014. P. 13.

²⁰⁴ Харитонов И.Н. Проблемы интеграции иммигрантов в странах Западной Европы // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 374.

²⁰⁵ Зонova Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 135.

ская и мусульманская). Они же становятся главным механизмом политического участия иммигрантов. Пока ассоциации относительно слабо представлены в политической сфере, но в скором времени эта ситуация может измениться. Уже сейчас они поддерживают связи с политическими силами, в первую очередь с Демократической партией. Активно вовлекаются в политическую деятельность и профессиональные объединения мигрантов, например, Ассоциация, представляющая интересы домашней прислуги в Эмилье-Романьи, активно взаимодействует с Демократической партией и поддерживает ее на выборах (посредством агитации среди работодателей).

Можно отметить политическую активность молодежных организаций. Известная ассоциация «Молодые мусульмане в Италии» была основана в сентябре 2001 г. и объединила молодых мусульман (14–30 лет) из стран Африки, Среднего Востока, Азии. Целью Ассоциации провозглашается распространение исламской культуры, содействие развитию ответственного гражданства, поддержка молодых мусульман в стремлении к образованию. Демократическая партия уже проявляет интерес и пытается использовать потенциал этой организации. Так, Халид Чауки (один из основателей, а затем президент ассоциации «Молодые мусульмане в Италии») в 2013 г. был избран депутатом итальянского парламента от Демократической партии. Примечательно, что одновременно с 2008 г. он являлся лидером организации «Второе поколение молодых демократов» – молодежного крыла Демократической партии. Это, несомненно, подчеркивает важность второго поколения мусульманских мигрантов для сферы публичной политики.

Другой пример политической активности мигрантов – это организация «Сеть второго поколения» (The Rete G2 – Seconda Generazione). Это неправительственная организация, созданная в 2005 г. и действующая на национальном уровне. Она объединяет детей мигрантов и беженцев из разных регионов мира (18–35 лет), кто родился или вырос в Италии. Организация занимается продвижением интересов второго поколения мигрантов, например, добивается автоматического предоставления гражданства и равных

прав детям мигрантов, рожденным в Италии, продвигает идею итальянской идентичности как результата взаимодействия множества культур, выступает за адаптацию системы школьного образования к нуждам мигрантов. Организация проводит встречи с политиками, журналистами и общественными деятелями и даже манифестации в поддержку различных политических идей²⁰⁶. В настоящее время организация действует во многих городах в центре и на севере Италии (Рим, Милан, Прато, Генуя, Болонья, Феррара и т. д.).

Активно функционирует «Ассоциация итальянцев китайского происхождения», которая стремится мобилизовать всех китайских мигрантов, родившихся или выросших в Италии. Эта организация была создана в 2005 г. и имеет филиалы в Риме, Милане, Генуе, Турине, Болонье, Флоренции и др. Президент «Ассоциации молодых итальянцев китайского происхождения» Марко Вонг стал депутатом регионального парламента во Флоренции, что усиливает политический потенциал этой организации. Ассоциация продвигает идеи диалога между вторым поколением китайских мигрантов и политическими институтами, взаимодействия между итальянскими и китайскими ассоциациями, а также знания о китайской культуре и политике мультикультурализма. Ассоциация стремится создать механизмы для отстаивания интересов всех итало-китайцев²⁰⁷.

Таким образом, в настоящее время основным актором политического процесса в Италии, представляющим интересы иммигрантов, являются неполитические общественные организации, созданные по этническому или религиозному признакам. Причем они уже достаточно хорошо встроены в архитектуру политических отношений в стране. Следующим этапом, по всей видимости, станет появление полноценных политических партий, созданных по этноконфессиональному признаку (например, исламской партии).

²⁰⁶ Network G2 – Second Generations. URL: <http://www.secondegenerazioni.it> (дата обращения: 10.03.2016).

²⁰⁷ Associna. URL: <http://www.associna.com> (дата обращения: 10.03.2016).

Специфика политического участия иммигрантов. Необходимо отметить, что в итальянском политическом истеблишменте уже стали появляться представители иммигрантских сообществ. Так, среди них уже имеются министры (как, например, экс-министр по делам интеграции и иммиграции Сесиль Куэнж), сенаторы (Луис Ореллана), депутаты национального парламента (Халид Чауки), депутаты регионального парламента (Марко Вонг), депутаты муниципалитетов и т. д. В перспективе следует ожидать возрастания политического участия представителей иммигрантов в жизни страны в качестве политиков национального, регионального или муниципального уровней.

В рамках проблемы политического участия иммигрантов важным является вопрос о предоставлении им избирательных прав. Маастрихтский договор 1993 г. ввел институт европейского гражданства, обладателем которого становится каждый гражданин государств-членов ЕС. Этот правовой институт наделил граждан ЕС, проживающих в других государствах-членах, правом избирать и быть избранными на локальных выборах и на выборах в Европарламент, уравнивая их в правах с гражданами страны проживания. Это решение напрямую касается некоторых иммигрантских сообществ, в частности, почти миллионной общины румын.

В 1994 г. Италия ратифицировала Европейскую конвенцию об участии иностранцев в публичной жизни на местном уровне, которая гарантирует иностранным гражданам свободу слова, собраний и ассоциаций и возможность создания консультативных органов на местном уровне, но без третьей части, наделявшей каждого иностранного резидента пассивным и активным избирательным правом на местных выборах после пяти лет легального проживания в стране²⁰⁸. Несмотря на рекомендации институтов ЕС, против этого активно выступают правые партии Италии и это пока невозможно²⁰⁹.

²⁰⁸ *Canego Г.П.* Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития; ИФ РАН. М., 2010. С. 21.

²⁰⁹ *Шанаров А.Е.* Предоставление избирательных прав негражданам: тенденции и практика // Полис. 2011. №1.

Основной формой политического участия иммигрантов на местном уровне пока остаются консультативные органы. При многих муниципальных советах созданы специальные палаты, включающие представителей локальных этнических ассоциаций (в основном занимающихся содействием своим соотечественникам в поиске жилья, работы и оформлении документов). Они не имеют формального статуса, но привлекаются муниципальными властями к обсуждению и принятию некоторых решений (так, в Модене, Форли, Новелларе такое сотрудничество реализуется очень успешно). Благодаря данной социально-политической практике взаимодействия органов власти, принимающего общества и иммигрантов, происходит согласование интересов при принятии решений и обеспечивается постепенное вовлечение иммигрантов в политический процесс. При этом «часть иммигрантов считает данную форму участия переходной мерой и шагом на пути к предоставлению им полных избирательных прав на местных выборах, другие убеждены, что правительство просто предлагает им своеобразную компенсацию, оправдывая свое нежелание предоставить полноценное право голоса»²¹⁰.

Иммиграционные процессы скоро будут серьезно влиять на электоральное поле и на политический ландшафт страны. Учитывая, что к середине XXI века иностранные граждане будут составлять по разным оценкам от 16.2 % до 18.4 % населения, предоставление им избирательных прав даже на местных выборах изменит расстановку политических сил²¹¹. Придется учитывать и специфику политического поведения данной группы, которая будет обусловлена в том числе моделью политического участия принятой в стране исхода²¹².

²¹⁰ *Canego G.P.* Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития; ИФ РАН. М., 2010. С. 21.

²¹¹ *Migration in Italy: Current situation and perspectives.* Rome: International Organization for Migration, 2011. P. 39.

²¹² *Чесноков А.С.* Специфика политического регулирования иммиграционных процессов в современном мире: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 – Поли-

В будущем остро на политической повестке будет стоять вопрос о политических правах многочисленного второго поколения иммигрантов. Италия пока не готова следовать общему тренду европейских стран в деле наделения избирательными правами неграждан, но в Италии активно идет процесс их натурализации. В результате в корпусе полноправных избирателей появляется прослойка «некоренных итальянцев», которые могут иметь различия в политических взглядах с коренным населением. Известно, что натурализовавшиеся граждане из числа иммигрантов, как правило, оказывают поддержку социал-демократическим силам, поэтому по мере увеличения этой группы избирателей можно прогнозировать рост поддержки Демократической партии Италии. За последние годы число натурализовавшихся иммигрантов в Италии выросло с 285,8 тыс. в 2001 г. до 837,5 тыс. чел. в 2013 г.²¹³ Фактически это часть этнических общин, уже обладающая политическими правами и имеющая возможность лоббировать интересы своей диаспоры. Сейчас это лишь 1–2 % от электорального корпуса в Италии, но с ростом иммиграции значение этой группы будет возрастать, и она станет важным актором формирования публичной повестки в стране, как минимум в сфере иммиграционной и интеграционной политики.

Подводя итог, следует отметить изменение иммиграционных трендов в Италии в течение последних 5 лет. Прежде заинтересованность в иммиграции была обусловлена экономическими интересами (экономический рост), а сейчас в большей степени она детерминирована демографическими факторами (старение населения). Если раньше важнейшими направлениями иммиграции были европейское и азиатское, то теперь, в первую очередь, – африканское. Несколько лет назад основным видом иммиграции было прибытие иностранной рабочей силы, а теперь – беженцы. Как и в любой стране, иммиграционная политика Италии не свободна от

тические институты, процессы и технологии; УрГУ им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. С. 14.

²¹³ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 14.

противоречий и конъюнктурных изменений, связанных с расстановкой сил на политической арене. Сейчас она трансформируется в сторону ужесточения и делиберализации, что, следует признать, не всегда адекватно ситуации. Стремительный рост культурного разнообразия и числа иммигрантов провоцируют конфликты, порождают проблему ксенофобии и расизма в итальянском обществе, ставят на повестку дня вопросы интеграции и социального включения иммигрантов. Италия, столкнувшись с новыми иммиграционными вызовами, пытается найти надежные и эффективные способы их преодоления, но на сегодняшний день можно говорить о некотором кризисе иммиграционной и интеграционной политики. Очевидно, что в ближайшей перспективе Италию ждут серьезные перемены в иммиграционной сфере. Хотя модели иммиграционной политики не могут быть скопированы, тем не менее российскому государству следует внимательно изучать опыт Италии, чтобы не допустить повторения этих ошибок.

Глава 5

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОРЫ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА (на примере Республики Татарстан)

5.1. Демографический и миграционный вызовы Республики Татарстан

Республика Татарстан является одним из ключевых в экономическом отношении регионов России. В регионе активно реализуются перспективные инновационные проекты в области промышленности и науки. Все это позволяет предполагать сохранение за Татарстаном лидирующих позиций в стране в будущем, однако в ближайшее десятилетие республика столкнется с новыми вызовами: вызовами демографии и миграции. Необходимо определить и оценить содержание этих вызовов и дать прогноз возможного воздействия их на социально-экономическое и социально-политическое положение региона.

Население республики на 1 января 2016 г. насчитывало 3 868.7 тыс. чел.²¹⁴ Численность населения Республики Татарстан продолжает демонстрировать положительную динамику роста. Так, с 2010 г. по 2015 г. численность населения Республики Татарстан увеличилась более чем на 60 тыс. чел., а в течение 2015 г. прирост составил 13.5 тыс. чел.²¹⁵

Начиная с 2011 г. в республике фиксируется положительный естественный прирост, а после 2012 г. он становится важнейшим компонентом общего прироста численности населения. В 2015 г.

²¹⁴ Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан: стат. бюллетень. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2016. С. 5.

²¹⁵ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

он составил 10 416 чел. (в 2014 г. – 9 732 чел., в 2013 г. – 10 266 чел., в 2012 г. – 9 063 чел.). Общий коэффициент естественного прироста населения в 2015 г. также несколько вырос до уровня 2.7 (в 2014 г. – 2.6, в 2013 г. – 2.7, в 2012 г. – 2.3).

Что касается миграционного прироста, то здесь имеет место некоторая прерывистость в развитии, которая объясняется изменением экономической ситуации, трансформацией миграционного законодательства и изменением порядка учета миграции (табл. 16).

Таблица 16

Динамика миграционного прироста численности населения
Республики Татарстан в 2008–2015 гг. (чел.)*

Период	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Показатель миграционного прироста	10 433	11 211	4 691	11 998	9 786	5 926	7 248	3 084

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

Можно констатировать существенное сокращение миграционного прироста в 2015 г., который составил всего 3 084 чел. (в 2014 г. – 7 248 чел.). При этом почти в три раза он сократился за счет миграционного обмена с другими регионами РФ в январе-ноябре 2015 г. по сопоставимому периоду предыдущего года (1 303 чел. вместо 4 832 чел. в 2014 г.). Также в 2015 г. сократился миграционный прирост с зарубежными странами, прежде всего за счет стран СНГ (1 765 чел. вместо 2 132 чел. в 2014 г.), однако среди въехавших на территорию РТ иностранных граждан стабильно порядка 90 % приходится на граждан стран СНГ.

Миграционные процессы постепенно изменяют этнический состав населения региона. Из некоренных народов наибольшие диаспоры в Татарстане сейчас имеют азербайджанцы, узбеки, армяне и таджики. При этом следует отметить, что за период с 2002 по

2010 г. численность киргизов, узбеков и таджиков в населении региона выросла на 139.8 %, 83.0 % и 61.6 % соответственно.

Относительно половозрастной структуры населения следует отметить, что в Татарстане на начало 2015 г. насчитывалось 2 257.9 тыс. чел. в трудоспособных возрастах (58.6 %), 701.0 тыс. чел. моложе трудоспособного возраста (18.2 %) и 896.1 тыс. чел. старше трудоспособного возраста (23.2 %) ²¹⁶. Таблица 17 демонстрирует серьезные потери населения в возрастных группах от 30 до 49 лет. Эти потери имеют разные причины. Их можно считать и «демографическим эхом» Второй мировой войны, но в то же время это и последствия повышенной смертности в указанных возрастных когортах и миграций 1990-х гг. Характерно, что в сельской местности потери населения наблюдаются только в возрасте от 30 до 39 лет, а в городском населении серьезные потери заметны в возрастах от 30 до 49 лет.

Таблица 17

Распределение численности населения Республики Татарстан по полу и возрастным группам на 1 января 2015 г. (тыс. чел.)*

Возраст (лет)	Все население		Городское население		Сельское население	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
	1783.0	2072.0	1340.9	1598.8	442.1	473.2
В том числе в возрасте, лет:						
0–4	136.6	129.0	107.1	101.2	29.5	27.8
5–9	107.2	101.7	83.1	79.0	24.1	22.7
10–14	97.8	92.4	73.2	68.7	24.7	23.6
15–19	95.5	94.2	68.8	68.9	26.7	25.4
20–24	127.0	132.6	97.2	106.1	29.8	26.5
25–29	177.4	174.9	140.7	145.0	36.7	29.9
30–34	149.8	151.8	122.7	127.7	27.1	24.1
35–39	131.3	139.3	103.8	112.8	27.5	26.5

²¹⁶ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

Окончание табл. 17

Возраст (лет)	Все население		Городское население		Сельское население	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
	1783.0	2072.0	1340.9	1598.8	442.1	473.2
40–44	119.1	128.7	88.8	99.2	30.3	29.4
45–49	115.8	128.5	80.0	95.8	35.7	32.7
50–54	139.3	161.6	99.1	124.7	40.2	36.9
55–59	127.4	162.0	93.4	127.4	34.0	34.6
60–64	95.5	136.0	71.2	107.0	24.3	28.9
65–69	60.4	93.7	45.5	72.9	14.9	20.9
70 и более	102.9	245.6	66.3	162.4	36.6	83.3
Из общей численности население в возрасте:						
моложе трудоспособного	360.3	340.7	276.8	261.6	83.5	79.1
трудоспособном	1163.9	1094.0	881.1	867.5	282.8	226.5
старше трудоспособного	258.8	637.3	183.0	469.7	75.8	167.6

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

В населении РТ на начало 2015 г. молодежь в возрасте до 30 лет сохраняла достаточно высокую долю, которая составляла в целом по населению 38.0 %, среди городского населения – 38.7 %, в сельской местности – 35.8 %.

Начиная с 2009 г. в Татарстане происходит снижение численности трудоспособного населения, а доля работников в пенсионных или предпенсионных возрастах (50–69 лет) продолжает увеличиваться. В перспективе усилится конкуренция за рабочую силу, в основном на предприятиях с тяжелыми и вредными условиями труда, компенсировать дефицит которой придется за счет внутренней миграции и иностранной рабочей силы. В ближайшие 10–15 лет следует ожидать дальнейшего сокращения численности трудовых ресурсов, так как поколения 1950-х и 1960-х гг. перешагнут пенси-

онный возраст, а в трудоспособный возраст вступят существенно меньшие поколения 1990-х – первой половины 2000-х гг. Это при исключении миграции и сохранении текущего возраста выхода на пенсию может привести к существенному дефициту рабочей силы (особенно в молодых возрастах) в краткосрочной и в среднесрочной перспективе (табл. 18).

Таблица 18

Динамика численности трудовых ресурсов
Республики Татарстан (на начало года)*

	2010	2011	2012	2013	2014
Трудовые ресурсы	2 434.3	2 429.9	2 428.8	2 422.3	2 387.9

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

В соотношении полов по возрастным группам также имеет место дисбаланс, особенно в сельской местности.

Таблица 19

Соотношение численности мужчин и женщин
по возрастным группам в 2015 г. (на начало года)*

Возраст (лет)	На 1 000 мужчин приходится женщин		
	городское население	сельское население	все население
В среднем	1192	1070	1162
в том числе в возрасте, лет			
0–4	946	941	945
5–9	951	940	949
10–14	939	959	944
15–19	1 001	950	987
20–24	1 091	890	1 044
25–29	1 030	816	986
30–34	1 041	889	1 013
35–39	1 087	963	1 061

Окончание табл. 19

Возраст (лет)	На 1 000 мужчин приходится женщин		
	городское население	сельское население	все население
40–44	1 118	972	1 081
45–49	1 197	914	1 110
50–54	1 258	920	1 161
55–59	1 364	1 017	1 271
60–64	1 502	1 193	1 424
65–69	1 603	1 396	1 552
70 и старше	2 449	2 273	2 387
Из общей численности населения в возрасте:			
моложе трудоспособного	945	946	946
трудоспособном	985	801	940
старше трудоспособного	2 566	2 211	2 462

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

Численность городского населения РТ на 1 января 2016 г. составила 2 956.1 тыс. чел., сельского населения – 912.6 тыс. чел.²¹⁷ В Татарстане сохраняется тенденции роста численности городского населения и сокращения сельского. Только за 2014 г. численность городского населения выросла более чем на 19 тыс. чел., численность сельского населения сократилась на 2.5 тыс. чел., а за 2015 г. – на 16.4 и 2.7 тыс. соответственно²¹⁸. Доля городского населения на 1 января 2016 г. составляла 76.4 % (на 1 января 2015 г. – 76.3 %, на 1 января 2014 г. – 76.1 %).

²¹⁷ Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан: стат. бюллетень / Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2016. С. 5.

²¹⁸ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

В то же время табл. 20 показывает, что городское население региона увеличивается в основном за счет столицы и крупных индустриальных центров (Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск).

Таблица 20

Динамика численности населения городов Республики Татарстан в 2010–2016 гг. (города с населением свыше 50 тыс. чел.; постоянное; на начало соответствующего года; тыс. чел.)*

Городской населенный пункт**	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Казань	1136.6	1145.4	1161.3	1176.2	1190.8	1205.6	1217.0
Альметьевск	142.1	146.5	147.7	149.0	149.9	151.2	152.6
Бугульма	89.9	89.0	88.3	87.7	87.2	86.7	86.1
Елабуга	70.5	70.9	71.2	72.1	72.4	73.4	73.8
Зеленодольск	99.1	97.7	97.9	97.9	98.1	98.5	98.8
Лениногорск	65.5	64.0	63.7	63.9	63.7	63.6	63.3
Набережные Челны	510.3	513.8	516.6	519.0	522.0	524.4	526.7
Нижнекамск	227.1	234.1	234.9	235.4	235.7	235.5	236.3
Чистополь	61.1	60.8	60.8	61.0	61.1	61.1	61.0

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

**Без подчиненных населенных пунктов. Данные за 2009–2010 гг. приведены без учета итогов Всероссийской переписи населения – 2010, с 2011 г. – с учетом итогов Всероссийской переписи населения – 2010.

Большинство малых городов (население меньше 50 тыс. чел.) и поселков городского типа демонстрируют стабильное население (за исключением поселков Тенишево, Камские поляны, Рыбная слобода, Джалиль, где имеет место депопуляция). Однако в перспективе следует ожидать актуализации проблемы малых городов, которая в значительной степени обусловлена недостаточным уров-

нем развития их социально-экономической сферы и миграцией молодежи в более крупные городские центры, прежде всего в Казань.

Что касается миграционных потоков, следует отметить, что в 2013 г. в РТ прибыло 190.1 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства (в 2011 г. – 134.4 тыс., в 2012 г. – 166.6 тыс.). Однако в 2013 г. на миграционную обстановку влияние оказала прошедшая в г. Казани XXVII Всемирная летняя Универсиада.

Значительная часть прибывших – граждане стран СНГ. Так, на государства СНГ приходилось около 70 % всех въехавших и вставших на миграционный учет (2008 г. – 69 %, 2009 г. – 72 %, 2010 г. – 69 %, 2011 г. – 72 %, 2012 г. – 71 %, 2013 г. – 70 %). Большая часть из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Кыргызстана (табл. 21).

Таблица 21

Численность прибывших в Республику Татарстан
граждан стран СНГ в 2012–2013 гг.*

№ п/п	страна	2012 год		2013 год	
		количество	доля в %	количество	доля в %
1	Узбекистан	48 432	33.4	56 453	33.9
2	Таджикистан	14 234	9.8	16 908	10.1
3	Азербайджан	10 078	7.0	10 494	6.3
4	Кыргызстан	6 840	4.7	7 434	4.5
5	Украина	5 717	3.9	6 731	4.0
6	Казахстан	7 996	5.5	6 083	3.6
7	Армения	3 114	2.2	4 599	2.8
8	Беларусь	2 268	1.6	2 729	1.6
9	Молдова	1 730	1.2	2 113	1.3
	Всего	102 941	71.1	116 288	69.8

* Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. URL: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc (дата обращения: 10.03.2016).

В 2015 г. в Республику Татарстан прибыло 225.5 тыс. иностранных граждан. Большую часть из них составляют трудовые мигранты, беженцы и временно пребывающие лица из Узбекистана (70 694), Таджикистана (22 389), Турции (18 154), Украины (18 070), Азербайджана (9 757), Казахстана (9 590), Киргизии (8 753), Китая (7 645), Германии (6 290), Армении (6 175). В общей сложности они составляют почти три четверти от общего количества иностранцев, посетивших Татарстан в 2015 г.

В течение последних 5–7 лет в регион из стран дальнего зарубежья в основном прибывают граждане Турции, Германии, Италии, США и Франции (табл. 22).

Таблица 22

Численность иностранных граждан из стран
дальнего зарубежья, прибывших в Республику Татарстан*

Страна	2012 г.		2013 г.	
	количество	доля в %	количество	доля в %
Турция	6 740	4.7	8 688	5.2
Германия	6 128	4.2	6 285	3.8
Китай	2 353	1.6	4 074	2.4
США	1 931	1.3	2 330	1.4
Италия	2 481	1.7	2 096	1.3
Франция	1 767	1.2	1 690	1.0
Всего	41 918	28.9	50 360	30.2

* Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. URL: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc (дата обращения: 10.03.2016).

В то же время в 2012–2013 гг. существенно увеличилось количество прибывших граждан КНР. На это повлияли следующие причины. Во-первых, строительство заводов ОАО «Аммоний» в Менделеевском районе, где трудятся в основном граждане КНР. Во-вторых, увеличение числа обучающихся граждан КНР в вузах (в 2012 г. – в целях обучения въехало 408 граждан КНР,

а в 2013 г. – 654). В-третьих, многие предприятия используют в своей деятельности оборудование, произведенное в КНР, что требует соответствующего обслуживания китайскими специалистами. В-четвертых, введение в эксплуатацию технополиса «Новая Тура», где работают в основном граждане Китая.

На протяжении последних лет для Татарстана устанавливалась одна из самых максимальных квот на привлечение иностранной рабочей силы. На 2013 г. для РТ квота была установлена в 3 500 чел., что являлось самой большой среди субъектов Приволжского округа. Ежегодно некоторое число разрешений на временное проживание выдавалось вне квоты для граждан, родившихся на территории РСФСР или РФ либо имеющих близких родственников-граждан РФ (в 2012 г. – 1 115, в 2013 г. – 1 421). Разрешения в основном выдавались гражданам Узбекистана (40 %), Таджикистана (18 %), Азербайджана (7 %), Кыргызстана (7 %), Казахстана (7 %). Аналогичная ситуация наблюдалась и при оформлении вида на жительство.

Относительно трудовой миграции следует отметить, что ежегодно устанавливаемая квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу в РТ не использовалась в полном объеме. В 2012 г. квота была выбрана на 65 % (20 169), в 2011 г. – на 39 % (14 184). В 2012 г. разрешения были выданы 3 930 иностранным работникам, прибывшим из стран дальнего зарубежья, 13 445 – из стран СНГ и 2 794 – проживающим по временным разрешениям. В 2013 г. были оформлены разрешения на работу 15 946 иностранным гражданам (на 21 % меньше, чем в 2012 г.), в том числе разрешения были оформлены 11 111 гражданам стран СНГ и 4 835 – стран дальнего зарубежья. Граждане Узбекистана составляли основную долю в их числе в 2013 г. (46 %). Распределение по отраслям экономики дано в табл. 23.

Большинство мигрантов трудятся по специальностям, не требующим квалификации, и востребованы в основном в строительстве (маляры, штукатуры, каменщики, разнорабочие). В РФ нет ограничений доступа на рынок труда неквалифицированных работников, но следует учитывать, что масштабное привлечение от-

носителем дешевой неквалифицированной иностранной рабочей силы является фактором риска для экономического развития, так как не способствует модернизации производства.

Таблица 23

Оформлено разрешений на работу в 2009–2013 гг.
(по отраслям в %)*

Отрасль народного хозяйства	2009	2010	2011	2012	2013
Строительство	60.8	57.6	55.7	62.5	73.6
Коммунальные и социальные услуги	10.5	10.9	11.9	11.8	8.3
Транспорт	5.4	7.6	8.4	58.0	5.3
Общественное питание	6.7	9.4	9.5	8.7	5.8
Сельское хозяйство	1.5	2.2	1.3	2.3	2.4
Обрабатывающее производство	1.5	1.2	1.8	1.8	1.8
Торговля	9.4	7.7	8.7	5.7	1.1
Культура и спорт	0.4	0.6	0.4	0.2	0.4
Добыча полезных ископаемых	0.3	0.3	0.03	0.2	0.2
Другие	3.5	2.6	2.1	1.0	1.0

* Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. URL: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc (дата обращения: 10.03.2016).

С 1 июля 2010 г. в РФ действует особый упрощенный порядок привлечения иностранных работников для использования в домашнем хозяйстве, которые могли трудиться по договору с физическими лицами без учета квот и получения разрешений на работу (на основании патента). В 2013 г. иностранным гражданам было оформлено 20 165 патентов (2012 г. – 26 085, 2011 г. – 18 124). С 2015 г. действие системы патентов было расширено, но одновременно были ужесточены требования к получению патентов. Эти меры несомненно сказались на интенсивности миграционных процессов.

Что касается численности иностранных граждан, то, по оценке УФМС, в зависимости от времени года в 2013 г. ежедневно легально находилось от 55 до 70 тыс. иностранных граждан, в том числе:

20–25 тыс. трудовых мигрантов (с разрешениями на работу или патентами), 4 тыс. студентов, 19 тыс. лиц, постоянно или временно проживающих в республике, и 10–25 тыс. чел., прибывших в гости к родственникам или в качестве туристов²¹⁹. В 2014 г. в связи с событиями на Украине появились новые миграционные потоки – беженцы, число которых на начало 2016 г. составляло порядка 2 тыс. чел.

Масштабы нелегальной миграции можно оценить лишь по данным о зафиксированных нарушениях порядка пребывания. В 2013 г. УФМС за данные нарушения к административной ответственности привлекло 18 213 иностранных граждан, что на 49.7 % больше, чем в 2012 г. (12 164). В 2013 г. были выявлены 2 751 иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность без соответствующих документов (в 2012 г. – 2 892), при этом граждане стран СНГ составляли 95 % от всех нарушителей²²⁰. В 2013 г. из региона за пределы РФ было выдворено 1 706 иностранных граждан.

В настоящее время иностранные рабочие составляют около 1 % от экономически активного населения региона, поэтому их вклад в экономику в целом невелик. Распределение квот на привлечение иностранной рабочей силы в Татарстане в 2014 г. показывает, что большинство иностранных граждан привлекаются по рабочим профессиям, при этом значительная часть занимается неквалифицированным трудом. Как показывают исследования, внешняя трудовая миграция в России пока практически не влияет на состояние рабочей силы в обрабатывающей промышленности (в 2012 г. в обрабатывающей промышленности доля иностранных рабочих в общей численности рабочей силы составляла всего 1.6 %), но иностранная рабочая сила играет большую роль в реализации инфраструктурных проектов, в том числе в моногородах (Набережные Челны, Нижнекамск, Менделеевск).

²¹⁹ Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. URL: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc (дата обращения: 10.03.2016).

²²⁰ Там же.

Татарстан в течение уже длительного времени продолжает оставаться миграционно привлекательным регионом Российской Федерации, как для внешней, так и для внутренней миграции. В то же время санкционная политика, воздействие экономического кризиса и изменение миграционного законодательства привели в 2015 г. к некоторому снижению интенсивности миграционных потоков в республику. Так, в январе-ноябре 2015 г. миграционный прирост населения в Республике Татарстан составил всего 3.0 тыс. чел., что меньше показателя января-ноября 2014 г. Это обусловлено уменьшением числа прибытий из других регионов РФ и увеличением числа выбытий в другие субъекты РФ и страны СНГ. Сократилась и внутрирегиональная миграция в РТ, которая составила 55 тыс. человек, что на 9.6 % меньше по сравнению с январем-ноябрем 2014 г.

Официальный уровень безработицы в Татарстане невелик. На конец 2015 г. на учете в государственных учреждениях службы занятости республики состояли 16.5 тыс. безработных или 0.8 % экономически активного населения (на конец 2014 г. – 0.74 %, на конец 2013 г. – 0.86 %) ²²¹. Но многие безработные не встают на учет в службу занятости из-за небольшого размера пособия по безработице, а также имеет место скрытая безработица (неполная занятость), которая не отражается в официальной статистике, но влияет на социально-экономическую ситуацию. В декабре 2015 г. в регионе имелось порядка 24 тыс. открытых вакансий, то есть спрос на рабочую силу превышал официальный уровень безработицы (на 1 вакансию приходилось 0.7 безработного, в 2014 г. – 0.5, в 2013 г. – 0.6), но большинство предлагаемых вакансий либо с низкой зарплатой, либо с тяжелыми условиями труда. Так, в третьем квартале 2015 г. на крупных и средних предприятиях в режиме неполной занятости работали 118.7 тыс. человек (11.2 % от списочной численности). Кроме того, 69.9 тыс. работников (6.6 % от списочной численности) находились в отпусках без сохранения

²²¹ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

заработной платы в соответствии с законодательством и по собственному желанию работника.

Как указывалось выше, в Татарстане происходит снижение численности трудоспособного населения, поэтому должна усилиться конкуренция за рабочую силу, в основном на предприятиях с тяжелыми и вредными условиями труда.

Но в случае ухудшения экономической ситуации на рынке труда может сложиться обратная ситуация и в обозримой перспективе число официальных безработных может возрасти. В Татарстане также расположено 7 моногородов, в ряде из которых официальный уровень безработицы превышает региональный. Высокий уровень безработицы наблюдается и в ряде муниципальных районов.

Татарстан занимает лидирующее место по уровню среднемесячной зарплаты среди всех регионов Приволжского федерального округа. Это делает регион привлекательным для мигрантов и свидетельствует об определенном социальном благополучии региона. В то же время в регионе сохраняется проблема бедности. В 2011 г. в РФ «бедными по доходам» (с ежемесячным денежным доходом ниже прожиточного минимума) являлись 22.5 % населения, «бедными по лишениям» – 12.6 %, в соответствии с обоими подходами – 30.3 % населения²²². В Татарстане в 2012 г. численность «бедных по доходам» составила 254.4 9 тыс. чел. (6.7 % населения). Численность «бедных по доходам» в Татарстане в целом имеет тенденцию к некоторому снижению: в 2011 г. таковых насчитывалось 307.5 тыс. (8.1 % населения).

Доля «бедных по доходам» в Татарстане существенно ниже федерального уровня, хотя в 2013 г. имело место некоторое ухудшение ситуации с бедностью (табл. 24). По всей видимости, нынешняя экономическая ситуация в стране также приведет к дополнительному росту этого показателя в ближайшие годы.

²²² Слободенюк Е.Д. Бедные в России: структура группы и социальная динамика: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2014. С. 21.

Таблица 24

Численность населения Республики Татарстан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума *

	2012	2013	2014**
Тыс. чел.	248.88	274.32	271.23
В процентах от общей численности населения	6.5	7.2	7.1
Острота бедности, %	0.68	0.76	0.74
Глубина бедности, %	1.72	1.90	1.87

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

** Данные за 2014 г. являлись предварительными.

Что касается уровня «бедности по лишениям» в Татарстане, то такие данные отсутствуют. Можно лишь экстраполировать общероссийские данные и предположить, что этот уровень составляет 10–12 %.

В Татарстане продолжает сохраняться достаточно высокий уровень социального расслоения (табл. 25). Разница в доходах 10 % наиболее и наименее обеспеченных групп населения составляет 17 раз.

Таблица 25

Дифференциация доходов населения Татарстана*

Денежные доходы	2012	2013	2014**
	100 %	100 %	100 %
В том числе по 20 процентным группам населения:			
первая (с наименьшими доходами)	5.1	5.1	5.1
вторая	9.7	9.8	9.8
третья	14.7	14.8	14.8
четвертая	22.5	22.5	22.5
пятая (с наивысшими доходами)	48.0	47.8	47.8
Коэффициент концентрации доходов (индекс Джини)	0.425	0.422	0.422

Окончание табл. 25

Денежные доходы	2012	2013	2014**
	100 %	100 %	100 %
Соотношение доходов 10 процентов наиболее и наименее обеспеченного населения, раз	17.0	16.7	16.8

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

** Данные за 2014 г. являлись предварительными.

В 2014 г. (как и в 2013 г.) более 65 % населения региона имели денежные доходы ниже среднедушевого показателя по региону. По статистике, к среднему классу (среднедушевой доход равен или превышает 6 минимальных прожиточных минимумов на человека в месяц) можно условно отнести менее 19.3 % населения региона. По мнению председателя Комитета Госсовета Татарстана по экономике, инвестициям и предпринимательству М. Галева, в реальности таковых в регионе только 13 %, бедных – 6–7 %, богатых – около 13.8 % населения.

Таким образом, в ближайшее десятилетие Татарстан столкнется с несколькими серьезными вызовами. Во-первых, произойдет ухудшение половозрастной структуры населения, что в свою очередь спровоцирует дефицит рабочей силы, особенно высококвалифицированной и в обрабатывающих отраслях промышленности. Во-вторых, будет иметь место усиление миграционных потоков, состоящих в основном из неквалифицированной и низкооплачиваемой иностранной рабочей силы, что усилит конкуренцию в этом сегменте рынка труда и в то же время не будет способствовать решению проблемы дефицита высококвалифицированных работников. В-третьих, сохранится относительно высокий уровень бедности в республике, что в определенной мере будет обусловлено притоком иностранной низкооплачиваемой рабочей силы, часть из которой остается в регионе в качестве постоянного населения.

Какие социально-политические последствия для региона могут иметь эти тенденции. Миграция населения ведет к повышению конкурентной борьбы на рынке труда и, как следствие, безработице и может провоцировать рост социальной напряженности. При сохранении миграционных (приток низкооплачиваемых работников) и демографических трендов (старение населения) следует прогнозировать сохранение в будущем высокой степени социальной дифференциации населения региона. Приток иностранной рабочей силы ведет и к увеличению доли некоренных народов в населении региона, что может стать фактором межэтнической напряженности. При недостатке инфраструктурных возможностей это в совокупности с этнической миграцией усиливает опасность возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов. На эту опасность указывает и рост числа проявлений интолерантного отношения к мигрантам со стороны принимающего населения, а также факты распространения радикальных религиозных взглядов среди мигрантов²²³.

Специфическая демографическая и миграционная ситуация в моногородах, малых городах и сельской местности, в совокупности с влиянием экономических трудностей, может стать дополнительным фактором дестабилизации социально-политической обстановки. Моногорода региона имеют и такую специфическую черту, как относительно высокая доля молодежи в структуре населения, что таит в себе дополнительные социально-политические и криминогенные риски. В то же время депопуляция в ряде муниципальных районов и поселений региона является индикатором сложной социально-экономической ситуации, которая может привести к появлению очагов социальной напряженности.

²²³ См. например: *Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М.* Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан). Казань: Казан. ун-т, 2014.

5.2. Урбанизационные и этнодемографические процессы в Республике Татарстан: социально-политические аспекты

Как известно, демографические процессы, в том числе этнодемографические и урбанизационные, оказывают существенное влияние на политическую сферу, так как последствия их проявляются через определенный временной промежуток и носят относительно постоянный характер.

В 1979–2010 гг. в Татарстане произошли важные урбанизационные и этнодемографические изменения, которые воздействуют на социально-политическую ситуацию в регионе. Во-первых, произошел резкий рост численности городского населения в 1979–1989 гг. с 63 % до 73 %, притом, что численность населения республики увеличилась только на 6 %²²⁴. Темпы урбанизации в Татарстане тогда были в два раза выше общероссийских: доля городского населения РСФСР увеличилась лишь на 4 %, а общая численность населения – на 7 %²²⁵. Интересно, что с этого момента и по настоящее время доля городского населения в РТ изменилась незначительно (73.8 % в 2002 г. и 75.4 % в 2010 г.)²²⁶.

В 1980-е гг. происходил стремительный рост численности населения индустриальных центров РТ (табл. 26), причем если до середины 1980-х гг. приток населения шел из других регионов, то затем численность горожан росла в основном за счет притока населения из сельской местности Татарстана.

В настоящее время статистика демонстрирует значимый прирост численности населения только в Казани и нескольких индустриальных центрах региона.

²²⁴ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 11.

²²⁵ Там же. С. 10.

²²⁶ Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 18.

Таблица 26

Города РТ с населением более 100 тыс. чел. в 1979–1989 г.*

Город	Численность населения		В % к 1979 г.
	1979	1989	
Альметьевск	110	129	118
Казань	993	1094	110
Набережные Челны	301	500	166
Нижнекамск	134	191	142

* Составлено автором по: Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат ССР. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 20–26.

В этнической структуре населения в 1979–2010 гг. произошла серьезная трансформация. В таблице 27 отражена динамика этнической структуры населения, которая демонстрирует сохраняющиеся на протяжении последних 25 лет тенденции увеличения доли татар и сокращения доли русских.

Таблица 27

Динамика этнической структуры населения
Республики Татарстан*

Год	Доля татар	Доля русских
1979	46.7	44.0
1989	48.5	43.3
2002	52.9	39.5
2010	53.2	39.7

* Составлено автором по материалам: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

Причем в 1989–2002 гг. татары превратились из относительного большинства в абсолютное большинство, и можно прогнозировать сохранение этой тенденции в среднесрочной перспективе. Это важно для так называемой проблемы этнического представи-

тельства в республиканских органах власти, где существует определенный баланс, который, в том числе, обосновывается этнической структурой населения. То, что татары стали абсолютным большинством в регионе, меняет и «политический вес» республики в балансе федеративных отношений.

В то же время следует отметить процесс «русификации» татар в Татарстане. Среди 6 649 тыс. татар, проживавших в 1989 г. в СССР, татарским языком владели только 83.2 % и русским – 70.8 %²²⁷, то есть уровень «русификации» татар был относительно невысокий. На наш взгляд, можно экстраполировать эти данные и на татар, проживавших в Татарской АССР. Более того, доля лиц, не владеющих русским языком, среди них была, по всей видимости, выше, чем среди татар, проживающих в других регионах. В 2010 г. среди 5 289 тыс. татар, проживающих в РФ, только 69 % владели татарским языком и 97.8 % – русским²²⁸. Иными словами, доля владеющих татарским языком снизилась на 14 %, доля владеющих русским языком увеличилась на 27 %, а доля татар, владеющих только русским языком, выросла с 16.8 % до 31 %. Во время ВПН-2010 20 % татар определили русский язык как «родной язык», что превышает аналогичный показатель 1989 г. на 44 %²²⁹. Татары имеют один из самых высоких темпов русификации среди 14 народов России, продемонстрировавших подобные тенденции. Это позволяет понять принципиальную позицию руководства республики относительно количества часов на изучение татарского языка в школах региона.

Таблица 28 демонстрирует еще одну тенденцию – к увеличению доли татар в городском населении. Традиционно городское население в регионе было преимущественно русским.

Эта ситуация сложилась в дореволюционный период и была усилена эвакуацией в годы Великой Отечественной войны, а затем

²²⁷ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 39.

²²⁸ Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 78.

²²⁹ Там же. С. 79–80.

миграциями в период «ударных комсомольскихстроек». Однако в годы перестройки и позднее ситуация изменилась: усилился отток русского населения, в первую очередь из городов, которое замещалось притоком населения из сельской местности Татарстана, преимущественно татарами. В результате татары стали абсолютным большинством населения в Нижнекамске и Альметьевске и относительным большинством в Набережных Челнах. Исключение составляет только Казань, где русское население продолжает оставаться относительным большинством. Однако Казань, по-видимому, вскоре тоже станет городом с преимущественно татарским населением: в 1989–2010 гг. русские из абсолютного большинства населения Казани превратились в относительное большинство. Такая же трансформация произошла и в целом по городскому населению региона. Следует ожидать дальнейшего роста доли татар в населении городов и потому, что степень урбанизированности татар (68.8 %) все еще существенно ниже показателя у русских (86.8 %), то есть сохраняется потенциал дальнейшей ускоренной урбанизации татарской части населения республики.

Таблица 28

Динамика этнического состава населения городов Республики Татарстан с населением более 100 тыс. чел. в 1989–2010 гг.*

Город	1989		2010	
	доля русских	доля татар	доля русских	доля татар
Казань	54.7	40.5	48.6	47.6
Набережные Челны	48.7	40.6	44.9	47.4
Нижнекамск	46.1	46.5	44.0	50.0
Альметьевск	42.9	50.4	37.1	55.2
Доля данного этноса в общей численности городского населения региона	50.9	42.1	45.8	48.6
Степень урбанизированности этноса	85.7	63.4	86.8	68.8

* Составлено автором по материалам: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

Этот процесс имеет и такой аспект, как снижение образовательного уровня городского населения, ведь, согласно ВПН-2010, образовательный уровень татар существенно ниже. Так, среди русских в 2002 г. на 1000 населения приходилось 199 человек с высшим и неполным высшим образованием, в 2010 г. – 289, в то время как среди татар этот показатель составлял 154 и 246 соответственно; причем он ниже этих показателей и в целом по стране (192 и 280)²³⁰. Аналогичная ситуация и со средним профессиональным образованием: у русских – 282 и 322, у татар – 267 и 310, в целом по стране – 275 и 312²³¹.

Имеет место и изменение конфессиональной структуры населения (табл. 29). В 1989 г. «этнические православные» (русские, украинцы, чуваша и т. д.) превалировали в населении региона, а к 2010 г. большинством стали «этнические мусульмане» (татары, башкиры, азербайджанцы и т. д.). Конечно, при этом нужно учитывать, что далеко не каждый «этнический мусульманин» или «этнический православный» является реальным последователем религии своих предков. Так, по данным исследовательской группы «Среда», в 2012 г., мусульманами считали себя только 34 % жителей республики, а православными – 30 %, причем среди всех верующих только 35 % заявили, что соблюдают все религиозные предписания²³².

В этой связи политически важным становится вопрос о численности кряшен в регионе (лидеры кряшен оценивают свою численность от 100 до 200 тыс. чел., а официальные итоги ВПН-2010 говорят только о 30 тыс. кряшен в республике). От численности кряшен и соответственно их доли в татарском населении республики зависит то, являются ли «этнические мусульмане» доминирующей конфессиональной группой в Татарстане или нет.

²³⁰ Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 80.

²³¹ Там же.

²³² Атлас религий и национальностей России / Исследовательская служба «Среда». URL: <http://www.sreda.org/arena> (дата обращения: 10.03.2016).

Таблица 29

Динамика конфессиональной структуры населения РТ*

Год	Доля «этнических мусульман»	Доля «этнических православных»
1989	49.3	50.1
2002	53.4	45.6
2010	53.6	45.2

* Подсчитано автором по материалам: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

Таким образом, за последние 25 лет в республике произошла существенная трансформация в составе городского населения и в этнодемографической структуре, которую можно условно назвать «урбанистической и этнодемографической революцией». Эта «революция» прошла тихо и почти незаметно, но она имеет серьезное социально-политическое значение для развития региона.

Глава 6

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ ГОРОДА
(на материалах эмпирических
исследований в г. Набережные Челны)**

**6.1. Проблема ксенофобии и мигрантофобии
в молодежной среде (на материалах исследования 2014 г.)**

Как указывалось выше, политическое развитие России в XXI веке в значительной степени будет обусловлено миграционными процессами. Депопуляция и сокращение трудовых ресурсов, рост суммарной демографической нагрузки на трудоспособное население повышают значимость миграционных процессов.

Россия на протяжении столетий являлась классической страной эмиграции, но начиная с 1990-х гг. она столкнулась с массовой иммиграцией. Молодежь является благоприятной средой для распространения разного рода радикальных идей, а высокая доля молодежи создает условия для возможной социально-политической дестабилизации. Студенчество – это наиболее активная часть молодежи. Поэтому иммиграционные процессы становятся все более значимым фактором, провоцирующим рост радикальных настроений в молодежной среде²³³.

Данные Левада-центра фиксируют тенденцию снижения мигрантофобии за период 2014–2015 гг. Население стало лояльнее относиться к «нелегалам»; «наплыв приезжих, мигрантов» стал значительно меньше волновать население: 8 % опрошенных вместо 30 % два года назад. Число сторонников выдворения и тех, кто считает, что их необходимо легализовать и помочь им ассимилиро-

²³³ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 212.

ваться, составляет почти равные доли: 43 % и 41 % соответственно, а еще год назад они находились в соотношении 3:1²³⁴. Тем не менее проблема иммиграции остается все еще ключевым элементом политической и социально-экономической повестки.

Исследования, направленные на выявление отношения жителей Татарстана к миграционным процессам в регионе, проводились рядом исследователей КФУ в 2012 г.²³⁵ и в 2013 г.²³⁶ Но указанные исследования не акцентировали внимание на специфике отношения к миграции в студенческой среде. Для восполнения этого пробела, а также для определения уровня толерантности / ксенофобии студентов было проведено отдельное исследование. Социологическое исследование, результаты которого представлены в данном параграфе, было проведено в Набережночелнинском институте КФУ в апреле-июне 2014 г. в рамках реализации проекта ALLMEET²³⁷.

Описание структуры исследования. Предметом исследования стала этническая и миграционная толерантность студентов Набережночелнинского института КФУ. В рамках исследования ставились задачи определить отношение студентов к многонациональности как характеристики пространства; выявить уровень социальной дистанции к представителям других национальностей; выявить мнение студентов о фактах этнической дискриминации и их оценку состояния межнациональных отношений; установить

²³⁴ Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm> (дата обращения: 10.03.2016).

²³⁵ Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / науч. ред. Р.Г. Минзарипов. Казань: Казан. ун-т, 2013. 267 с.

²³⁶ Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах России / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 393–399.

²³⁷ «Actions of Lifelong Learning Addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia (ALLMEET)» – это проект, направленный на совершенствование межэтнического взаимодействия и взаимоотношений «принимающего» общества и мигрантов, снижение напряженности и конфликтности в российских регионах. Кроме КФУ, в нем задействованы 4 российских и 3 европейских университета, научно-исследовательский институт РАО и общественная организация.

основные источники информации о межнациональных отношениях (в стране, регионе и на локальном уровне); уточнить представления студентов о содержании понятия «иностранные трудовые мигранты», их оценку значения иностранной трудовой миграции и ряда связанных с этим аспектов; выявить оценки рисков, связанных с прибытием на территорию России иностранных трудовых мигрантов и общий уровень ксенофобии и мигрантофобии студентов; определить соотношение религиозной, этнической, локальной, региональной и национально-государственной идентичности студентов, в том числе отношение студентов к концепту «россияне», к характеристикам Российской Федерации как государства; отдельной задачей являлось выявление специфики отношения к указанным проблемам студентов гуманитарных и технических направлений подготовки.

Исследование носило репрезентативный характер, а допустимая погрешность составляет не более 5 %. В ходе исследования были опрошены 220 студентов юридического отделения (направления подготовки: «Юриспруденция», «Таможенное дело»), а также 229 студентов строительного отделения (направления подготовки: «Строительство», «Автомобильные дороги и аэродромы», «Землеустройство и кадастры», «Техносферная безопасность», «Промышленное и гражданское строительство», «Экспертиза и управление недвижимостью», «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов»). В числе студентов, опрошенных на юридическом отделении, женщины составляли 52.6 %, на строительном отделении – 44.6 %.

Полученные результаты исследования можно сгруппировать в несколько тематических блоков.

Первый блок касается вопросов, связанных с личным опытом взаимодействия с представителями других национальностей. 92.4 % респондентов ответили положительно на вопрос «Есть ли у Вас друзья или близкие – представители других национальностей?». На вопрос «Как респондент оценивает многонациональность как характеристику региона, в котором он проживает» были получены следующие результаты: «доволен» – 39.0 %, «скорее

доволен, чем недоволен» – 30.1 %, «скорее недоволен, чем доволен» – 5.8 %, «недоволен» – 2.0 %, «мне все равно» – 22.9 %. Фактически $\frac{2}{3}$ респондентов оценивают многонациональность региона как положительный фактор, а каждый пятый вообще не задумывается над этой проблемой. В то же время следует отметить, что среди студентов технических направлений подготовки число выбравших вариант «недоволен» составило 3.1 % вместо 0.9 % у гуманитариев, одновременно среди студентов технических направлений существенно меньше доля тех, кто вообще не придает значения этому фактору (20.4 % вместо 25.4 % – у гуманитариев).

На открытый вопрос «Пожалуйста, напишите, кого Вы отнесли бы к представителям иной национальности?» 16.7 % респондентов затруднились с ответом. Подавляющая часть опрошенных стала перечислять конкретные национальности (были упомянуты почти три десятка разных национальностей, как из ближнего, так и дальнего зарубежья, а также народы, проживающие на территории РФ), но в большинстве своем упоминались азербайджанцы, армяне, таджики и узбеки, в меньшей степени – китайцы, грузины, дагестанцы, «кавказцы», удмурты, башкиры, чувашаи, а также русские и татары. Понятие «лицо иной национальности» часто ассоциируется с конкретными этносами. Почти 14 % респондентов ответили, что таковыми считают лиц, принадлежащих к иной национальности, чем национальность респондента, 5.7 % – связали национальность с наличием гражданства другого государства. Важно отметить, что определенная часть респондентов (14.3 %) в качестве отличительного признака лица иной национальности назвала наличие у него отличных от респондента языка, религии, обычаев, манеры поведения или даже внешности (форма лица, цвет кожи). Нередко встречались ответы, связывающие «иную национальность» только с определенной территорией: «все из Дагестана», «все из Средней Азии», «с Востока», «из Африки», «все, кто не из СНГ», «все, кто не славяне». Характерно, что более 1 % респондентов к лицам иной национальности отнесли тех, кто не принадлежит к числу русских и татар одновременно. Возможно, что это ответы лиц, родившихся в смешанных русско-татарских

браках. В целом, можно отметить, что в студенческой среде отсутствуют ясные и устойчивые представления о критериях, по которым возможно отнесение лица к своей или иной национальности.

Второй блок был посвящен определению социальной дистанции студенчества по отношению к представителям других национальностей.

На вопрос «Согласны ли Вы вступить в перечисленные ниже отношения с людьми иной национальности?» были получены следующие результаты: согласны вступить в брак 49.2 % респондентов (48.3 % – не согласны), быть друзьями – 95.5 %, быть соседями – 92.9 %, быть коллегами – 92.9 %, быть согражданами одного государства – 90.4 % (табл. 30).

Мы наблюдаем достаточно высокую степень открытости студентов в вопросе о возможном взаимодействии с мигрантами в различных формах, за исключением брачно-семейных отношений, что вполне объяснимо. В то же время на вопрос «Согласны ли Вы видеть лиц другой национальности в Вашей стране только как туристов» положительно ответили 31.2 % опрошенных, а 10.5 % предпочли бы вообще не видеть их в своей стране. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне ксенофобии и мигрантофобии в студенческой среде. Интересен и тот факт, что среди респондентов, готовых быть соседями с лицами других национальностей, студентов технических направлений существенно меньше, чем гуманитариев (62.9 % и 92.9 % соответственно). В то же время среди гуманитариев выше доля тех, кто согласен видеть лиц другой национальности в своей стране только как туристов – 35.7 % и 26.7 % соответственно.

На основании полученных данных был выявлен «Индекс социальной дистанции» (ИСД) студентов Набережночелнинского института КФУ, который позволяет рассчитать среднее значение шкалы социальной дистанции. В социологической анкете для оценки социальной дистанции была применена семичленная шкала социальной дистанции Богардуса. Вопрос имел следующий вид: «Согласны ли Вы вступить в перечисленные ниже отношения с представителями другой национальности, проживающими

в регионе?». Варианты ответа: 1. В брачные отношения; 2. Быть друзьями; 3. Быть соседями; 4. Учиться в одном классе / группе; 5. Быть сослуживцами; 6. Быть жителями одного города / поселка; 7. Быть согражданами одного государства.

Таблица 30

Доля положительных ответов респондентов на вопрос
«Согласны ли Вы вступить в перечисленные ниже
отношения с людьми другой национальности?»,
(% положительных ответов и их вес согласно формуле)

	Общее распределение		Студенты гуманитарных направлений		Студенты технических направлений	
	«да»	вес	«да»	вес	«да»	вес
Вступать в брак	49.2	49.2	51.3	51.3	47.1	47.1
Быть друзьями	95.5	191	95.5	191	95.6	191.2
Быть соседями, проживать на одной улице	92.9	278.7	92.9	278.7	62.9	188.7
Быть коллегами (работать / учиться вместе)	92.9	371.6	92.0	368	93.8	375.2
Быть согражданами одно- го государства	90.4	452	89.7	448.5	91.1	455.5
Согласен их видеть только как туристов в моей стране	31.2	187.2	35.7	214.2	26.7	160.2
Предпочел бы не видеть их в моей стране	10.5	73.5	10.3	72.1	10.7	74.9

Шкала определяла семь возможных уровней социальной дистанции. Уровень 1 (вступать в брачные отношения) характеризует минимальную дистанцию, устанавливаемую респондентами с представителями другой национальности, которая выражается в полном принятии респондентами представителей других национальностей, позитивное отношение и тесный контакт с ними. Уровень 7 (быть согражданами одного государства), напротив,

демонстрирует максимальную социальную дистанцию, которая проявляется в неприятии респондентами представителей других национальностей и нежелании вступить с ними в более тесные отношения. Индексный метод позволяет определить, какой уровень социальной дистанции (от 1 до 7) с представителями других национальностей устанавливают студенты Набережночелнинского института КФУ: чем ближе значение индекса к единице, тем меньше социальная дистанция, и наоборот.

Индекс шкалы был построен с использованием следующей формулы:

$$И = \frac{K_1 \times 1 + K_2 \times 2 + K_3 \times 3 + K_4 \times 4 + K_5 \times 5 + K_6 \times 6 + K_7 \times 7}{K_1 + K_2 + K_3 + K_4 + K_5 + K_6 + K_7},$$

где И – индекс шкалы; K_1 – количество положительных ответов на вариант «1»; K_2 – количество положительных ответов на вариант «2»; K_3 – количество положительных ответов на вариант «3»; K_4 – количество положительных ответов на вариант «4»; K_5 – количество положительных ответов на вариант «5»; K_6 – количество положительных ответов на вариант «6»; K_7 – количество положительных ответов на вариант «7».

Результаты показали, что «Индекс социальной дистанции» для студентов гуманитарных направлений равен 3.474, а для студентов технических направлений – 3.488. Таким образом, согласно ИСД, наиболее приемлемый уровень социальной дистанции для студентов – профессиональные контакты и учеба. Небольшое различие между ИСД гуманитарных и технических направлений подтверждает вывод, что социальная дистанция студентов технических направлений по отношению к людям другой национальности несколько выше, чем данный показатель среди студентов гуманитарных направлений. Таким образом, в отношении представителей других национальностей студенты гуманитарных направлений склонны к выстраиванию более тесных социальных контактов.

Более 90 % респондентов считают неприемлемым проявление недоброжелательного отношения к представителям других национальностей, в то время как 8.9 % – считают это допустимым, и,

что удивительно, среди гуманитариев процент тех, кто допускает возможность интолерантного поведения, выше, чем у «технарей» (10.7 % и 7.1 % соответственно).

Третий блок вопросов был связан с оценкой уровня конфликтности / толерантности в регионе и в целом ситуации в сфере межэтнических отношений.

Лишь небольшая доля студентов сталкивалась с фактами недоброжелательного отношения по национальному признаку в отношении себя (2.4 % – часто, 18.9 % – иногда), но значительно чаще они сталкивались с такими фактами в отношении других лиц (18.3 % – часто, 65.3 % – иногда), что является достаточно настораживающим результатом.

На вопрос о том, подвергаются ли в Набережных Челнах дискриминации какие-нибудь этнические группы, 14.9 % респондентов ответили положительно, 31.0 % – отрицательно, а больше половины – затруднились с ответом. Причем характерно, что доля затруднившихся с ответом выше среди «технарей» (58.2 % и 49.6 % соответственно), тогда как среди гуманитариев выше процент тех, кто уверен в отсутствии дискриминации (39.6 % и 25.3 %). Это может быть объяснено большей компетентностью студентов гуманитарного профиля в оценке состояния межэтнических отношений и фактов, которые можно трактовать как проявления дискриминации по этническому признаку. Однако вызывает озабоченность то, что почти каждый шестой студент уверен в наличии этнической дискриминации в городе. Когда этих же респондентов попросили уточнить, какие именно этнические группы подвергаются дискриминации, то наибольшее число ответов было получено в отношении таких групп, как «кавказцы» (34.3 % от числа респондентов, заявивших о наличии фактов этнической дискриминации), таджики (16.4 %), русские (8.9 %), азербайджанцы (6.0 %). Если сгруппировать ответы по регионам происхождения этнических групп, то получается, что наибольшей дискриминации подвергаются выходцы с Кавказа (52.2 %) и из Средней Азии (38.8 %).

В оценке межнациональной ситуации в регионе мнения опрошенных разделились: 30.3 % уверены в том, что межнациональ-

ная ситуация в целом стабильная, 56.2 % считают, что ситуация в целом стабильная, но могут возникнуть конфликты на бытовой почве, 9.6 % заявили о том, что межнациональная ситуация носит нестабильный характер (причем среди гуманитариев доля выбравших этот ответ выше, чем среди «технарей» – 11.2 % и 8.0 % соответственно).

Четвертый блок вопросов касался информации о состоянии межнациональных отношений, получаемой респондентом. Наибольший объем информации студенты получают прежде всего посредством Интернета (78.4 % респондентов выбрали этот ответ), телевидения (71.7 %), печатной прессы (42.5 %), друзей и соседей (31.2 %), в семейном кругу (29.2 %), по радио (27.6 %), в учебном заведении (26.5 %), из книг (22.5 %). Интернет и телевидение являются доминирующим фактором в восприятии респондентом ситуации в сфере межнациональных отношений, в то время как остальные источники носят второстепенный характер. Особо удручающе выглядят позиции учебного заведения, в функции которого напрямую включены задачи воспитательного характера, а также семьи. К сожалению, эти, казалось бы, первостепенные институты в жизни молодого человека оказываются малоинформативными и не определяют восприятие респондентом состояния дел в данной сфере. Также следует отметить, что для студентов-гуманитариев роль Интернета и телевидения как источников информации несколько ниже, а всех остальных вариантов – выше или даже существенно выше (для таких источников информации, как, например, друзья и знакомые, семья и книги).

Крайне интересные ответы были получены на вопрос «Какой характер носит информация о межнациональных отношениях, получаемая из приведенных ниже источников?». Выяснилось, что в основном положительную информацию респонденты получают в учебном заведении (44.1 % респондентов выбрали этот вариант), в семье (40.5 %), от друзей и соседей (31.2 %), из книг (33.6 %), по радио (17.4 %). В основном отрицательную информацию студенты получают преимущественно из Интернета (49.2 % респондентов выбрали этот вариант), программ телевидения (33.9 %), печатных

СМИ (23.2 %). Разница между результатами относится к ответам, охарактеризовавшим получаемую информацию как нейтральную. Таким образом, основные источники информации студентов в целом формируют негативное восприятие сферы межнациональных отношений. Эта оценка уже давно назревала, но теперь социологические данные позволяют подтвердить это предположение. Новостные ленты, ток-шоу, форумы, различного рода публикации провоцируют негатив в общественном мнении и тем самым создают почву для роста ксенофобии и потенциально провоцируют конфликты. В свою очередь незначительный объем информации, получаемой в учебных заведениях, в основном положительной, продиктован отсутствием объективности в преподнесении информации и ее «выхолощенном» содержании. Это, очевидно, не способствует доверию студентов к информации, получаемой из такого источника, тем более если их личный опыт свидетельствует о несколько ином.

Пятый блок вопросов был нацелен на выявление стереотипов в сознании студентов. Студентам было предложено несколько утверждений, касающихся сферы межнациональных отношений, по которым им предстояло вынести позитивную или негативную оценку. В частности:

51.7 % респондентов не согласны с утверждением, что «в этнически смешанных браках обычно больше проблем» (55.4 % – среди гуманитариев и 48.1 % – среди «технарей»);

58.6 % – уверены, что «к кавказцам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение» (53.1 % и 63.9 % соответственно);

73.3 % – уверены, что «не нормально считать свой народ лучше, чем все остальные» (68.8 % и 77.7 % соответственно), а 23.2 % – уверены в обратном.

Примерно поровну разделились результаты ответов на вопрос о готовности принять в качестве члена семьи человека любой национальности.

78.4 % участников опроса хотят иметь среди своих друзей лиц разной национальности, а 19.6 % – не желают (среди гуманитариев таковых – 22.8 %, а среди «технарей» – 16.4 %).

53.9 % респондентов не согласны с утверждением, что «к некоторым народам трудно хорошо относиться» (44.8 % – с этим согласны, в том числе среди гуманитариев – 39.3 %, среди «технарей» – 50.2 %).

77.9 % могут представить среди своих друзей чернокожего человека (20.5 % – не готовы к этому, в том числе среди гуманитариев – 23.2 %, среди «технарей» – 17.8 %).

Для анализа результатов был использован экспресс-опросник «Индекс толерантности», в котором особое внимание уделено этнической толерантности / интолерантности. Данный набор утверждений позволяет выявить отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия, так как семь суждений были разделены на 2 группы (3 суждения транслировали толерантную установку, 4 суждения были сформулированы в негативном ключе). В шкале ответов отсутствовали нейтральные значения, поэтому респонденты вынуждены были склоняться к положительному или отрицательному значению шкалы. В результате был выявлен средний уровень толерантности студентов, причем в ряде случаев ксенофобские высказывания находили существенную поддержку в студенческой среде. Характерно, что ксенофобские настроения имеют ярко выраженную «антикавказскую направленность», то есть сам по себе характер установки (+ или –) не имел такого значения, как контекст и смысл суждения. Например, большинство респондентов согласны как с утверждением, что «К кавказцам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение» (58.6 %), так и с суждениями «Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей» (78.4 %) и «Я могу представить чернокожего человека своим близким другом» (77.9 %).

Шестой блок вопросов был нацелен на выявление представлений студентов об особенностях миграционных процессов в стране. Студентов попросили дать их собственное объяснение того, кто такие иностранные трудовые мигранты (табл. 31).

Результаты показывают, что в большинстве случаев понятие «иностранцы» вызывает у респондентов

оценки нейтрального характера (61.4 %), негативные или с элементами негативного отношения – 11.5 %, а положительные или с элементами положительных оценок всего 2.6 %. При этом 18.3 % участников исследования вообще затруднились с ответом на данный вопрос. В целом знания студентов о миграционных процессах следует оценить как недостаточные.

Таблица 31

Распределение ответов респондентов на вопрос
«По Вашему мнению, иностранные трудовые мигранты –
это люди, которые...», доля ответов

Кластер вариантов ответов	Доля
<i>Позитивные оценки</i>	2.2 %
Люди, которые зарабатывают деньги	2.0 %
Нужны	0.2 %
<i>Нейтральные оценки с элементами позитивного отношения</i>	0.4
Беженцы	0.4
<i>Нейтральные оценки</i>	61.4 %
Иностранцы, прибывшие на заработки	49.2 %
Иностранцы, вынужденно приехавшие из-за трудной жизни в своей стране	10.7 %
Дешевая рабочая сила	1.5 %
<i>Нейтральные оценки с элементами негативного отношения</i>	6.0 %
Люди, которые делают грязную работу	2.2 %
Выходцы из определенных территорий, люди иной национальности, иностранцы	3.8 %
Негативные оценки	5.5 %
Занимают рабочие места местных жителей	2.0 %
Люди с девиантным поведением	2.9 %
Не нужны	0.2 %
Мешают	0.4 %
Другие негативные оценки иностранных трудовых мигрантов	0.2 %
<i>Неклассифицированные ответы</i>	6.2 %
<i>Не дали ответа</i>	18.3 %

На вопрос «России, Вашему региону, Вам лично от иностранных трудовых мигрантов больше вреда или пользы?» были получены следующие результаты (табл. 32).

Таблица демонстрирует, что практически $\frac{2}{3}$ респондентов уверены в том, что миграция несет как пользу, так и вред (причем, как стране в целом, так и региону в частности). Характерно, что только 24.5 % студентов уверены в пользе миграции для страны и 21.6 % – в пользе миграции для своего региона. Большая часть респондентов на своем конкретном опыте знает, что миграция никак напрямую не влияет на них персонально (57 %) либо это влияние, скорее, позитивное (14.9 %), чем отрицательное (6.9 %). Только 5.1 % респондентов считают, что миграция несет им лично в равной степени и пользу, и вред.

Таблица 32

Распределение ответов респондентов на вопрос
«России, Вашему региону, Вам лично от иностранных трудовых мигрантов больше вреда или пользы?»

	Больше пользы, чем вреда	И пользы, и вреда, поровну	Больше вреда, чем пользы	Ни того, ни другого	Нет ответа
России	24.5	40.1	18.5	12.2	4.7
Вашему региону	21.6	40.1	14.3	18.9	5.1
Вам лично	14.9	5.1	6.9	57.0	6.0

Характерно, что наибольшую долю ответы на вопрос о пользе или вреде миграции имели применительно к национальному и региональному уровням, а на персональном уровне больше уверенности в отсутствии существенного воздействия миграции, ее полезности или вредности. Персональный опыт знакомства с миграцией и ее последствиями у респондентов минимален, а свое мнение о пользе или вреде миграции они составили в общем под воздействием иных источников информации, нежели собственный опыт. Среди студентов технических направлений доля тех, кто уве-

рен во вреде миграции или в равном и позитивном, и негативном воздействии миграции, несколько выше (причем как на национальном и на региональном, так и на персональном уровнях), а также существенно ниже доля затруднившихся с ответом на данный вопрос. Студенты технических направлений имеют более сформированные стереотипы и, по-видимому, менее критически оценивают получаемую информацию о миграционных процессах.

На вопрос «Ощущаете ли Вы конкуренцию со стороны иностранных трудовых мигрантов на рынке труда (претендуют ли трудовые мигранты на то, чтобы занять Ваше рабочее место)?» были получены следующие результаты: 15.8 % студентов ощущают конкуренцию (причем большая доля на гуманитарных направлениях), 58.8 % – не ощущают и 22.9 % – затруднились с ответом. Когда студентов спросили о том, «Готовы ли Вы занять рабочие места, которые сейчас занимают иностранные трудовые мигранты?», только 20.3 % заявили, что они готовы занять эти рабочие места, 35.9 % – не готовы и 41.0 % – затруднились с ответом. Доля студентов, готовых работать на тех же позициях, в тех же секторах экономики, что и трудовые мигранты, выше доли тех, кто ощущает конкуренцию со стороны трудовых мигрантов. Эти данные помогают развенчать один из стереотипов о миграции, который, по всей видимости, перекочевал в сознание наших граждан из публикаций о ситуации с миграцией в странах Европейского союза (якобы мигранты вытесняют местное население с рынка труда). Как правило, в России трудовые мигранты, за исключением, может быть, граждан Украины и Белоруссии, претендуют на места с низкой квалификацией и тяжелыми условиями труда, обычно в сфере строительства, ЖКХ, отчасти сервиса, а в обрабатывающей промышленности доля иностранных трудовых мигрантов мизерна. Это, в частности, подтверждают и данные нашего исследования: среди студентов-«технарей» (преимущественно обучающихся на строительных направлениях подготовки) только 16.9 % готовы занять трудовые места мигрантов, а 35.6 % – не готовы.

Седьмая группа вопросов была ориентирована на выявление мнения студентов о необходимости помощи иностранным трудо-

вым мигрантам в защите их прав на территории Российской Федерации. Этот вопрос был особенно важен, поскольку опрашивались, в том числе, студенты-юристы. Только 36.3 % участников опроса ответили утвердительно на вопрос «Считаете ли Вы необходимым оказание помощи иностранным трудовым мигрантам в защите их прав в России?» (40.2 % – на гуманитарных направлениях и 32.4 % – на технических), 58.8 % считают, что они не нуждаются в такой помощи и их права хорошо защищены (54.0 % – на гуманитарных и 63.6 % – на технических). Существенно меньше доля тех, кто готов лично помогать иностранным трудовым мигрантам в отстаивании их прав в России. Только 28.3 % студентов готовы прийти на помощь мигрантам в защите их законных прав (37.9 % на гуманитарных направлениях и 18.7 % – на технических), а 66.6 % – не готовы оказать такую помощь (56.2 % – на гуманитарных направлениях и 76.9 % – на технических). Таким образом, доля тех, кто считает, что мигранты нуждаются в помощи, существенно больше доли тех, кто готов лично прийти им на помощь в отстаивании их прав, гарантированных российским законодательством. Как можно объяснить полученные результаты: пассивная гражданская позиция, правовой нигилизм, стереотипы против мигрантов или какие-то другие факторы? Вызывает особое удивление достаточно высокая доля отрицательных ответов среди студентов-гуманитариев, учитывая, что опрашивались студенты юридического направления, будущие правоведы.

Восьмая группа вопросов касалась оценки студентами рисков миграции. Она включала в себя несколько вопросов.

На вопрос «Считаете ли Вы, что прибытие иностранных трудовых мигрантов представляет угрозу национальной безопасности РФ?» более 9.1 % ответили «однозначно да», 21.6 % – «скорее да, чем нет», 23.8 % – «однозначно нет», 23.8 % – «скорее нет, чем да», 18.9 % – затруднились с ответом. Характерно, что почти половина (47.6 %) респондентов уверена в отсутствии рисков для национальной безопасности со стороны мигрантов. Причем среди студентов-гуманитариев совокупность тех, кто ответил «однозначно да» и «скорее да, чем нет» (38.8 %) больше, чем аналогичная

совокупность у студентов-технарей (22.6 %). Как можно трактовать этот факт? Или это следствие большей осведомленности студентов-гуманитариев и их профессиональной специализации («юриспруденция») или все-таки это следствие стереотипов, существующих в обществе, поскольку студенты-гуманитарии активнее интересуются социально-политическими процессами в стране, и в большей степени подвержены воздействию общественного мнения о миграции, чем студенты-«технари», которые в силу профессии заинтересованы в информации из этих сфер в меньшей степени и, видимо, больше полагаются на личный опыт.

Отдельное внимание в исследовании было уделено выявлению представлений студентов о характере рисков иностранной трудовой миграции для российского общества. На этот открытый вопрос были получены следующие ответы, которые были сгруппированы для удобства изучения в кластеры (табл. 33).

Таблица 33

Распределение ответов респондентов на открытый вопрос
«В чем, на Ваш взгляд, выражается опасность иностранных
трудовых мигрантов для российского общества?»

Кластер	Доля
Мигранты – носители девиантного, неадекватного поведения, потенциальные преступники	16.3 %
Мигранты имеют негативные личностные и иные качества, они представляют иную культуру	3.6 %
Мигранты «размывают» рынок труда, способствуют повышению уровня безработицы, развитию негативных явлений в экономике	12.7 %
Мигранты – носители опасных болезней	1.8 %
Миграция провоцирует возникновение конфликтов, в т.ч. межнациональных, межкультурных	10.2 %
Мигранты плохо относятся к нашей стране	0.6 %
Мигранты создают свой социальный порядок, который угрожает русской идентичности, сохранению русской культуры	3.6 %
Мигранты несут угрозу распространения терроризма	4.0 %
Мигранты вытесняют коренные народы	0.9 %

Окончание табл. 33

Кластер	Доля
Мигранты не несут никаких угроз, не представляют опасности	4.2 %
Неклассифицированные ответы	5.8 %
Затруднились с ответом	36.3 %

Таким образом, основные риски, которые, по мнению студентов, несут иностранные трудовые мигранты, связаны с опасениями по поводу роста преступности, усиления конкуренции на рынке труда и возникновения межэтнических конфликтов. В меньшей степени студенты уделяют внимание таким рискам, как распространение терроризма, ослабление позиций русской идентичности и русской культуры в обществе. Только 4.2 % респондентов считают, что иностранные трудовые мигранты не несут никаких угроз. Характерно, что более трети опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос, то есть это не особо актуальная для них тема, они о ней не задумывались прежде. Фактически эта часть респондентов также не видит угрозы в факте прибытия иностранной трудовой силы, но, по-видимому, из-за сложившихся в обществе стереотипов о миграции не готова открыто выражать свое мнение.

Девятый блок вопросов был о сущности российского государства и российского общества.

На вопрос о том, кто может называть себя «россиянином», 62.1 % участников опроса ответили, что любой гражданин РФ, независимо от национальности, 26.7 % считали, что только представитель русского народа или другого коренного народа России, 3.1 % – только представитель русского народа, 6.9 % респондентов выбрали вариант «затрудняюсь с ответом» и 1.1 % игнорировали этот вопрос. Среди студентов технических направлений выше оказалась доля тех, кто считает, что только представитель русского народа (4.0 %) или представители русского и других коренных народов России (28.4 %) могут называть себя «россиянами». Почти треть принявших участие в исследовании считает, что «россияне» – это только представители русского и коренного населения, а $\frac{2}{3}$ – уверены, что это, прежде всего, форма национально-гражд-

данской идентичности и она связана только с наличием или отсутствием гражданства Российской Федерации.

Эта проблематика была развита в следующем вопросе, который выяснял представления студентов о сущности российского государства (табл. 34).

Таблица 34

Распределение ответов респондентов на вопрос
«На Ваш взгляд Российская Федерация – это...», %

	Общий итог	Студенты гуманитарных направлений	Студенты технических направлений
Национальное государство русского народа	4.9	6.2	3.6
Государство русского и других коренных народов России	29.4	28.1	30.7
Государство граждан РФ, независимо от национальной принадлежности	59.7	58.0	61.3
Затрудняюсь ответить	4.7	5.8	3.6
Нет ответа	1.3	1.8	0.9
Итого	100	100	100

Как и следовало ожидать, результаты имели корреляцию с ответами на предыдущий вопрос: более трети респондентов считают РФ государством только русского или русского и других коренных народов России, а почти $\frac{2}{3}$ уверены, что это государство всех граждан РФ, независимо от национальной принадлежности. Особенностью стало то, что большая доля опрошенных, считающих, что РФ – это государство только русского народа, обучается на гуманитарных направлениях. Это более чем странно, учитывая, что опрашивались студенты-юристы, которые должны быть наиболее осведомленной группой о конституционных основах российского государственного строя.

Интересные данные были получены и при попытке выявить соотношение национальной, этнической, региональной, локальной и религиозной идентичности (табл. 35).

Результаты этого исследования показали, что наиболее важной идентичностью для респондентов является национально-гражданская идентичность (2.07), затем идет этническая идентичность (2.71), региональная (3.07), локальная (3.19) и только в последнюю очередь – религиозная идентичность (3.22). Аналогичные результаты были получены как у студентов-гуманитариев, так и у студентов-«технарей», с тем отличием, что у последних данные об этнической идентичности носят более выраженный характер (средние величины – 2.77 и 2.65 соответственно).

Таблица 35

Распределение средних значений ответов респондентов на вопрос «Кем Вы себя считаете в первую очередь (в порядке убывания значимости: 1– наиболее важное, 5 – наименее важное)?»

	Общее распределение	Студенты гуманитарных направлений	Студенты технических направлений
Гражданином РФ	2.07	1.98	2.15
Жителем своего региона	3.07	3.04	3.10
Жителем своего города	3.19	3.14	3.24
Представителем своего народа	2.71	2.77	2.65
Представителем своей религии	3.22	3.15	3.29

Отдельная группа вопросов была посвящена выявлению общего уровня ксенофобии и мигрантофобии студентов, так как миграционные потоки нередко провоцируют напряженность в сфере межнациональных отношений в России. Учитывая, что мигранты могут отличаться по этническим, расовым, конфессиональным, социальным, культурным параметрам от принимающего население

ния, это может способствовать распространению ксенофобии и мигрантофобии среди населения принимающей территории.

Студентам было предложено высказать свое отношение к ряду суждений антимигрантского и националистического характера. Результаты обработки данных с помощью факторного анализа позволили выделить четыре комплекса мнений:

1. «Радикальный, националистический комплекс» (фактор 1). К нему относятся суждения: «Надо ограничивать проживание в нашем регионе иностранных трудовых мигрантов»; «Народы, которые имеют свою историческую родину за пределами России, должны уехать туда»; «Многонациональная среда – питательная почва преступности»; «Надо ограничивать проживание в нашем регионе представителей народов Кавказа, Средней Азии». Тем самым данный комплекс выражал интолерантную националистическую ориентацию респондентов, их стремление создать барьеры для межнационального сотрудничества.

2. «Толерантный комплекс, ориентированный на культурно-экономическое взаимообогащение» (фактор 2). Он включает в себя следующие суждения: «Прибытие иностранных трудовых мигрантов обогащает культуру нашего региона»; «Приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов способствует экономическому развитию страны»; «Прибытие в Россию трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья неизбежно, с этим нужно смириться»; «Нужно создавать условия для привлечения иностранных трудовых мигрантов в Россию»; «Влияние иностранной трудовой миграции на рост преступности в нашем регионе – это миф». Данный комплекс выражал толерантную позицию студентов. Он подчеркивал полезность привлечения мигрантов с точки зрения культурного обогащения региона и экономической выгоды и утверждал, что миграция не несет негативных последствий для принимающего общества.

3. «Комплекс толерантных мнений гражданской ориентации» (фактор 3). Его составляли суждения: «Разжигание межнациональной розни – это преступление, за которое надо сурово наказывать»; «Радикальный национализм заслуживает всяческого осуждения». Данному комплексу мнений привержены участники исследования,

высказывающие гражданскую позицию, осуждающие проявления радикального национализма и определяющие разжигание межнациональной розни как преступление.

4. «Толерантный комплекс патриотически-правовой ориентации» (фактор 4). Этот комплекс представлен суждениями о том, что «Нужно разрешить въезд в Россию на продолжительное время только тем, кто знает русский язык и уважает русскую культуру»; «Необходимо жестко контролировать приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов». Он подчеркивает правовую позицию коренного населения на уважительное отношение к их культуре, языку и выражает необходимость строгого государственного контроля миграционных потоков.

Мнения студентов гуманитарных и технических направлений по данной проблеме имеют определенные различия.

В массовом сознании гуманитариев представлены все четыре комплекса мнений. При этом наиболее устойчивыми являются «Толерантный комплекс, ориентированный на культурно-экономическое взаимообогащение» (фактор 2, 21.3 %), оценивающий прибытие мигрантов в наш регион как положительный процесс, и «Радикальный, националистический комплекс» (фактор 1, 22.2 %), выражающий ксенофобские и антимигрантские идеи. Причем значение этих комплексов практически сопоставимо (табл. 36).

«Радикальный, националистический комплекс» содержит целый ряд суждений ксенофобского характера, в частности, такое как «Надо ограничивать проживание в нашем регионе представителей народов Кавказа, Средней Азии». Возможно, это связано с тем, что студенты гуманитарных направлений сталкивались с фактами неуважительного отношения к русской культуре, языку со стороны народов Кавказа и Средней Азии, проживающих в Татарстане, что обусловило неприязненное отношение к ним.

Вместе с тем настораживает, что «Комплекс толерантных мнений гражданской ориентации» (фактор 3, 8.8 %) более чем в два раза уступает предыдущим двум комплексам, а еще менее устойчивым является «Толерантный комплекс патриотически-правовой ориентации» (фактор 4, 6.8 %).

Таблица 36

Факторный анализ отношения респондентов,
обучающихся на гуманитарных направлениях,
к высказываниям националистического характера

Суждения	Факторы			
	1	2	3	4
Разжигание межнациональной розни – это преступление, за которое надо сурово наказывать	0.200	0.160	0.650	-0.128
Надо ограничивать проживание в нашем регионе иностранных трудовых мигрантов	0.797	-0.143	0.169	0.177
Радикальный национализм заслуживает всяческого осуждения	0.138	0.078	0.640	0.131
Народы, которые имеют свою историческую родину за пределами России, должны уехать туда	0.877	0.093	0.058	0.064
Прибытие иностранных трудовых мигрантов обогащает культуру нашего региона	0.175	0.507	0.518	-0.131
Многонациональная среда – питательная почва преступности	0.768	-0.068	0.075	0.205
Нельзя делить народы на хорошие и плохие, так как в любом народе есть и хорошие, и плохие люди	0.004	0.094	0.650	-0.007
Нужно разрешить въезд в Россию на продолжительное время только тем, кто знает русский язык и уважает русскую культуру	0.244	0.051	0.057	0.743
Все народы – и большие, и малые – должны иметь в России равные возможности для сохранения своего языка, религии, традиций, обычаев	-0.278	0.094	0.713	0.227
Надо ограничивать проживание в нашем регионе представителей народов Кавказа, Средней Азии	0.624	-0.112	-0.163	0.429
Приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов способствует экономическому развитию страны	-0.174	0.797	0.029	0.178
Прибытие в Россию трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья неизбежно, с этим нужно смириться	-0.115	0.739	0.089	0.091

Окончание табл. 36

Суждения	Факторы			
	1	2	3	4
Нужно создавать условия для привлечения иностранных трудовых мигрантов в Россию	0.038	0.746	0.156	-0.119
Необходимо жестко контролировать приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов	0.355	-0.056	0.138	0.627
Влияние иностранной трудовой миграции на рост преступности в нашем регионе – это миф	0.022	0.558	0.246	-0.333
Описательная сила фактора	22.2 %	21.3 %	8.8 %	6.8 %

Таким образом, мнения студентов гуманитарных направлений носят двойственный характер, и хотя в целом толерантные суждения имеют преобладающий характер, тем не менее, антимигрантские и ксенофобские настроения достаточно сильны.

Относительно мнения студентов технических направлений были получены существенно отличающиеся результаты. С одной стороны, также доминирует «Радикальный националистический комплекс» (фактор 1, 28.1 %), который к тому же сильнее выражен, чем у студентов-гуманитариев. С другой стороны, «Толерантный комплекс, ориентированный на культурно-экономическое взаимообогащение» (фактор 2, 11.4 %) имеет значительно меньшую значимость, чем для гуманитариев. Также менее устойчивым является «Комплекс толерантных мнений гражданской ориентации» (фактор 3, 8.6 %), зато «Толерантный комплекс патриотически-правовой ориентации» (фактор 4, 7.4 %) имеет большую силу, чем у студентов-гуманитариев (табл. 37).

Хотя студенты, в целом, оценивают прибытие мигрантов как положительный процесс, способствующий обогащению культуры и развитию экономики (совокупная сила 2–4 факторов), тем не менее «радикальный националистический комплекс» имеет серьезное значение, как для студентов гуманитарных направлений, так и

для студентов технических направлений. В обеих группах имеют место антимигрантские и ксенофобские настроения, но при этом мнения студентов технических направлений в значительно большей степени являются ксенофобскими и мигрантофобскими, а настроения студентов гуманитарных направлений являются менее радикальными, националистическими.

Таблица 37

Факторный анализ отношения респондентов,
обучающихся на технических направлениях,
к высказываниям националистического характера

Суждения	Факторы			
	1	2	3	4
Разжигание межнациональной розни – это преступление, за которое надо сурово наказывать	-0.009	-0.097	0.765	0.159
Надо ограничивать проживание в нашем регионе иностранных трудовых мигрантов	0.691	-0.315	0.020	-0.075
Радикальный национализм заслуживает всяческого осуждения	0.014	0.151	0.854	-0.067
Народы, которые имеют свою историческую родину за пределами России, должны уехать туда	0.575	-0.233	-0.075	-0.350
Прибытие иностранных трудовых мигрантов обогащает культуру нашего региона	-0.379	0.623	0.030	-0.004
Многонациональная среда – питательная почва преступности	0.774	-0.021	-0.077	-0.175
Нельзя делить народы на хорошие и плохие, так как в любом народе есть и хорошие, и плохие люди	-0.122	0.051	0.026	0.833
Нужно разрешить въезд в Россию на продолжительное время только тем, кто знает русский язык и уважает русскую культуру	0.560	-0.032	0.085	0.446
Все народы – и большие, и малые – должны иметь в России равные возможности для сохранения своего языка, религии, традиций, обычаев	-0.285	0.071	0.415	0.475

Окончание табл. 37

Суждения	Факторы			
	1	2	3	4
Надо ограничивать проживание в нашем регионе представителей народов Кавказа, Средней Азии	0.652	-0.270	-0.194	-0.171
Приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов способствует экономическому развитию страны	0.000	0.808	0.034	0.028
Прибытие в Россию трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья неизбежно, с этим нужно смириться	-0.289	0.585	0.121	-0.053
Нужно создавать условия для привлечения иностранных трудовых мигрантов в Россию	-0.150	0.666	-0.072	0.157
Необходимо жестко контролировать приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов	0.654	-0.138	0.037	0.180
Влияние иностранной трудовой миграции на рост преступности в нашем регионе – это миф	-0.499	0.162	-0.022	0.246
Описательная сила фактора	28.1 %	11.4 %	8.6 %	7.4 %

Выводы:

1. Подавляющее большинство студентов Набережночелнинского института КФУ оценивает многонациональность региона как позитивный фактор либо вообще не придает этому значения. При этом большинство студентов не имеют четких критериев для определения национальной принадлежности человека, в число таковых включают как формально-правовой принцип, так и антропологический, территориальный или языковой принципы.

2. Исследование выявило, что профессиональные контакты и совместная учеба – это наиболее приемлемый для студентов уровень социальной дистанции с лицами других национальностей. В то же время 8.9 % респондентов допускают возможность интолерантного поведения по отношению к лицам других национальностей.

3. В целом студенты практически не сталкивались с фактами этнической дискриминации в отношении них самих, но $\frac{4}{5}$ считают, что были свидетелями таких фактов в отношении других лиц. Каждый шестой респондент уверен, что в городе присутствуют дискриминируемые этнические группы и среди них были названы выходцы с Кавказа (52.2 %) и из Средней Азии (38.8 %), а также русские (8.9 %). В целом 30.3 % респондентов заявляют о том, что межнациональная ситуация в регионе стабильная, 56.2 % считают, что ситуация стабильная, но могут возникнуть конфликты на бытовой почве, а 9.6 % утверждают, что межнациональная ситуация носит нестабильный характер.

4. Основным источником информации о состоянии межнациональных отношений для студентов являются Интернет, телевидение и печатные СМИ, причем они получают оттуда преимущественно отрицательную информацию. Положительную информацию респонденты в основном «черпают» в своем учебном заведении, в семье, от друзей и соседей, из книг.

5. В результате исследования был диагностирован средний уровень толерантности Набережночелнинского института КФУ, но в ряде случаев ксенофобские высказывания находят существенную поддержку в студенческой среде и чаще всего носят ярко выраженную антикавказскую направленность.

6. Почти у $\frac{2}{3}$ респондентов понятие «иностранные трудовые мигранты» не вызывает негативного отношения (только у 11 % респондентов это понятие имеет негативные ассоциации). Практически $\frac{2}{5}$ опрошенных уверены в том, что миграция несет как пользу, так и вред стране и их региону в частности. При этом больше половины респондентов уверены, что миграция ни как напрямую не влияет на них персонально (57 %) либо это влияние скорее позитивное (14.9 %), чем отрицательное (6.9 %). Персональный опыт знакомства с миграцией и ее последствиями у респондентов минимален, а свое мнение о пользе или вреде миграции они составили в общем под воздействием иных источников информации, нежели по собственному опыту. Большинство студентов (58.8 %) не ощущают конкуренцию на рынке труда со стороны мигрантов,

при этом только каждый пятый заявил о готовности претендовать на рабочие места, занятые мигрантами.

7. 58.8 % участников исследования считают, что права иностранных трудовых мигрантов в России достаточно хорошо защищены, и только 28.3 % студентов готовы прийти им на помощь в случае необходимости защиты их прав.

8. Лишь треть респондентов считает, что прибытие иностранных трудовых мигрантов представляет угрозу национальной безопасности РФ, а более 47.6 % уверены в обратном. По представлениям студентов основные риски, которые несут иностранные трудовые мигранты, связаны с ростом преступности, усилением конкуренции на рынке труда и угрозой возникновения межэтнических конфликтов. Только 4.2 % участников опроса считают, что иностранные трудовые мигранты не несут никаких угроз, а более трети респондентов не задумывались прежде над этим вопросом.

9. Почти треть опрошенных считает, что «россияне» – это только представители русского и другого коренного населения, а $\frac{2}{3}$ – уверены, что это прежде всего форма национально-гражданской идентичности и она связана только с наличием или отсутствием гражданства Российской Федерации. Более трети респондентов считают РФ государством только русского или русского и других коренных народов России, а почти $\frac{2}{3}$ уверены, что это государство всех граждан РФ, независимо от национальной принадлежности. Удалось уточнить, что наиболее важной идентичностью для респондентов является национально-гражданская идентичность, затем идет этническая идентичность, региональная, локальная и только в последнюю очередь религиозная идентичность.

10. Студенты в целом оценивают прибытие мигрантов как положительный процесс, способствующий обогащению культуры и развитию экономики, но одновременно в обеих группах имеют место отдельные антимигрантские и ксенофобские настроения. Это проявляется в том, что «Радикальный националистический комплекс» также имеет немаловажное значение для осмысления иммиграционных процессов, причем как для студентов, обуча-

ющихся на гуманитарных направлениях, так и на технических направлениях.

11. Относительно различия в уровне толерантности студентов гуманитарных и технических направлений подготовки следует отметить, что укоренившийся в научной литературе стереотип, что студенты-«технари» более консервативны, менее толерантны и в большей степени склонны к ксенофобии и мигрантофобии, в ходе исследования не подтвердился. Во многих случаях, по-видимому в силу «профессиональной компетентности», студенты-гуманитарии демонстрировали более толерантную и гибкую позицию, но по целому ряду вопросов их взгляды оказались более ксенофобскими, чем представления студентов-«технарей».

Таким образом, следует отметить, что в студенческой среде имеет место недостаток объективной информации об этнических и миграционных процессах в нашей стране, не сформированы в полной мере правовые представления и толерантные установки в отношении миграционных процессов. В ряде случаев студенты продемонстрировали взгляды, которые можно толковать как проявление ксенофобии и мигрантофобии. Следует отметить, что уровень толерантности студентов, обучающихся на гуманитарных и на технических направлениях, в целом сопоставим и невозможно сделать вывод о том, что одна из групп студентов настроена более толерантно, а другая в большей степени проявляет ксенофобские взгляды или мигрантофобию. В условиях усиления миграционных процессов в краткосрочной и среднесрочной перспективах полученные результаты исследования должны привлечь соответствующее внимание со стороны органов власти. Необходимо усилить целенаправленную деятельность через печатные и электронные СМИ, образовательные учреждения по профилактике ксенофобии и мигрантофобии в студенческой среде, разработать каналы продвижения позитивной информации об этнической и миграционной ситуации в стране, о правовых основах этнической и миграционной политики. Необходимо целенаправленно бороться с любыми проявлениями национализма, расизма и ксенофобии, пресекать их, иначе это может обернуться в будущем появлением поколений

с агрессивными ксенофобскими и алармистскими взглядами на вопросы межэтнического взаимодействия и проблему миграции. В условиях многонационального характера российского общества и усиления миграции это является недопустимым.

6.2. Социально-политические риски иммиграции глазами студентов (на материалах исследования 2013 г.)

Российское студенчество как социальная группа неоднородно по своему составу, оно имеет важные региональные (территориальные) особенности. Особой группой российского студенчества следует считать учащихся вузов в моногородах, как территориях с особой социально-экономической и социально-политической ситуацией. Новейшая российская история имеет примеры, подтверждающие тезис о повышенной конфликтогенности социальных процессов в моногородах. Миграционные процессы представляют собой фактор, оказывающий влияние на рост радикальных настроений в обществе, в том числе в моногородах. В качестве примера для проведения исследования был взят город Набережные Челны.

Набережные Челны относительно молодой город, в котором средний возраст населения составляет всего 36.7 лет, а 40.7 % населения – имеют возраст до 29 лет²³⁸. Как известно, молодежь наиболее благоприятная среда для распространения радикальных идей, поэтому высокая доля молодежи в структуре населения создает условия для потенциальной социально-политической дестабилизации. Студенчество является наиболее политически и социально активной группой. Поэтому необходимо отдельно рассмотреть специфику представлений студенчества моногорода о социально-политических рисках миграционных процессов.

Набережные Челны – это растущий город, численность населения которого постоянно увеличивается (см. табл. 38).

²³⁸ Официальный сайт г. Набережные Челны. URL: <http://nabchelny.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

Таблица 38

Динамика численности населения г. Набережные Челны
в 2009–2015 гг. (постоянное; на начало года; тысяч человек)*

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Численность населения	507.9	510.3	513.8	516.6	519.0	522.0	524.4

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

Прирост численности населения города обеспечивался за счет относительно «молодой» структуры населения и соответствующих показателей рождаемости и смертности. Что касается миграционного прироста, то здесь имела место специфическая ситуация: сальдо миграции последние 10 лет носило отрицательный характер. При этом отток горожан в значительной мере компенсировался прибытием мигрантов из стран СНГ (см. табл. 39). В Республике Татарстан около 70 % всех въехавших и вставших на миграционный учет приходится на граждан государств СНГ, в основном из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Кыргызстана. Аналогичная ситуация сложилась и в г. Набережные Челны.

С целью выявления мнения студентов о миграционных процессах, их оценок возможных рисков в 2013 г. был проведен опрос. Было опрошено 293 студента в возрасте от 18 до 24 лет в Набережночелнинском институте КФУ, НИСПТР, Камском институте искусств и дизайна, Институте экономики, управления и права, НГТТИ. По полу респонденты распределились следующим образом: 68 % женского пола и 32 % мужского пола; распределение по направлениям подготовки: 30.7 % – технические специальности, 13.7 % – педагогические, 13.3 % – гуманитарные, 31.1 % – экономические, 11.2 % – специальности творческой направленности. Среди них 51.9 % составили татары и 36.5 % – русские.

Таблица 39

Миграционный прирост населения г. Набережные Челны (чел.)*

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Итого	-2317	-2314	7140	-442	-488	-556	-283	-1577	-897	-1111
В пределах РФ	-2387	-2515	7049	-890	-1063	-741	-842	-1881	-1018	-1207
Внутрирегиональная	-1878	-1910	4861	-738	-1043	-565	-278	-1220	-304	-774
Международная, всего	70	201	91	448	575	185	559	304	121	96
Со странами СНГ, Балтии и Грузии	138	250	70	462	596	185	531	307	166	118
С другими странами	-68	-49	21	-14	-21	0	28	-3	-45	-22

* Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической службы. URL: <http://fedstat.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Удалось установить, что в понятие «мигранты» респонденты включают как внутренних трудовых мигрантов, так и граждан иностранных государств, соотечественников-репатриантов и даже новых граждан РФ. На вопрос «Кого Вы называете мигрантами?» 20.8 % ответили, что это «жители других регионов РФ, прибывшие в Татарстан на заработки», 62.3 % – «граждане других государств, прибывшие в РФ на заработки», 39.4 % – «лица, приехавшие в Россию на постоянное место жительства из стран ближнего зарубежья», 28.0 % – «лица, приехавшие в Россию на постоянное место жительства из стран дальнего зарубежья», 6.5 % – «лица, недавно получившие российское гражданство». Таким образом, понятие «мигранты» в сознании студентов носит достаточно широкий характер и объединяет разные группы населения. В то же время чаще всего, когда речь идет о мигрантах, они представляют себе граждан других государств, прибывших в РФ на заработки или с целью длительного проживания.

Опрос показал, что только 13 % респондентов регулярно сталкиваются с мигрантами, 28.3 % – достаточно часто, но подавляющее большинство опрошенных (52.2 %) встречались с мигрантами редко или не сталкивались вообще. Чаще всего респонденты встречали мигрантов на улицах города (69.6 %) и в сфере обслуживания (21.5 %). По мнению респондентов, мигранты заняты прежде всего в строительстве (61.8 %) и сфере торговли (59.7 %). Менее 9.5 % респондентов отметили общественный транспорт как сферу деятельности мигрантов, что достаточно объективно, поскольку в отличие от крупных центров, в Набережных Челнах в этой сфере, как и в сфере ЖКХ, труд мигрантов пока массово не используется. Чаще всего респонденты определяли, что перед ними «мигрант» по его внешнему облику (67.5 %) и особенностям речи (38.6 %), реже – по манере поведения (26.6 %). Можно констатировать существование определенных стереотипов у студентов в восприятии мигрантов – это «специфически одетые люди, плохо говорящие по-русски и часто отличающиеся от местных жителей поведением».

Лишь 17.7 % опрошенных согласны, что мигранты необходимы для успешного развития страны, а 64.2 % заявили, что мигранты, скорее, мешают ее успешному развитию. Когда речь зашла о Татарстане, доля респондентов, уверенных в необходимости мигрантов, сократилась до 11.9 %, а доля негативных оценок увеличилась до 69.3 %; применительно к Набережным Челнам результаты составили 14.3 % и 71.7 % соответственно.

Среди опрошенных 87.7 % считали, что мигрантов в России (2013 г.) «много» или «скорее много»; применительно к ситуации в Татарстане в этом были уверены только 74.4 % респондентов, а в отношении г. Набережные Челны – всего 68.6 %. Поэтому, можно предположить, что мнение об угрожающих масштабах миграции в РФ было навязано СМИ и Интернетом. На это указывает тот факт, что в ситуациях, когда мнение респондента основывалось на его собственном опыте и на общении с окружающими, доля уверенных в угрожающе высоких объемах миграции была меньшей.

Участникам исследования был задан вопрос, в чем, по их мнению, заключается позитивное влияние мигрантов на российское общество. При этом 43.0 % затруднились с ответом, и только 16.7 % увидели позитивное влияние миграции на развитие экономики, а 13.6 % – в обогащении культуры. 42 % опрошенных считали, что мигранты представляют угрозу для национальной безопасности страны, а 39.6 % – не были с этим согласны. На вопрос «Считаете ли Вы, что мигранты представляют опасность для устойчивого развития современного российского общества?» 45.1 % ответили утвердительно, а 37.9 % – отрицательно.

Когда респондентов попросили уточнить, в чем именно, по их мнению, заключаются угрозы миграции (допускалось несколько ответов), результаты распределились следующим образом: 50.2 % – в росте преступности; 50.2 % – росте безработицы и снижении уровня заработной платы россиян; 44.4 % – возрастании террористической угрозы; 29.0 % – изменении состава населения; 25.9 % – росте заболеваемости опасными болезнями; 24.2 % – изменении культуры российского общества. Только 4.4 % респондентов заявили, что мигранты никакой угрозы не представляют. Таким образом, наибольшие риски миграции участникам опроса представляются в сфере безопасности, а в меньшей степени – в социально-экономической и социокультурной сферах жизни общества. При этом только 31.1 % респондентов испытывают страх перед мигрантами, а у 61.4 % – мигранты страха не вызывают. Это позволяет предположить «навязанность» ряда стереотипов, связанных с мигрантами («мигранты – потенциальные преступники, террористы» и т. д.).

Тем не менее эти стереотипы оказывают существенное воздействие на сферу межличностных отношений. На вопрос «Как Вы относитесь к соседству с мигрантами?» только 1.0 % респондентов назвал это позитивным фактором; 51.9 % – не придают соседству с мигрантами особого значения, а 21.2 % – увидели в этом фактор риска. Опрос показал, что 43.3 % не хотели бы работать в коллективе, где даже часть сотрудников – мигранты; 31.1 % согласились бы работать, а 14.3 % не станут учитывать этот фактор при выборе

места работы. Но когда респондентов спросили «Согласились бы Вы на предложение работать в коллективе, где преобладают мигранты?», только 18.8 % ответили утвердительно, до 13.3 % уменьшилась доля тех, кто не придаст значения этому фактору при выборе места работы, а 58.7 % – ответили отрицательно. Для почти $\frac{2}{3}$ студенческой молодежи более важным аспектом при выборе места работы является не вопрос размера заработной платы, возможностей карьерного роста, условий труда и т. д., а состав трудового коллектива и присутствие в нем трудовых мигрантов.

Только 10.2 % опрошенных допускают для себя возможность брака с мигрантом (мигранткой) и 15 % относятся к этому нейтрально, а вот 57 % относятся к такому браку отрицательно. При этом знакомых из числа мигрантов имеют только 37.2 % респондентов, друзей – 13.6 % респондентов. Подавляющее большинство опрошенных еще не имело опыта межличностного взаимодействия с мигрантами, но на вопрос «Готовы ли Вы иметь друзей среди мигрантов?» положительно ответили только 38.6 %, отрицательно – 36.8 %. На наш взгляд, это тревожный сигнал, свидетельствующий о достаточно высоком уровне ксенофобии в студенческой среде.

Миграционную политику России считают адекватной – 20.5 %, излишне мягкой – 35.5 %, излишне жесткой – 3.4 %, а 39.3 % – затруднились с ответом. Опрос показал, что большая часть студентов ($\frac{2}{3}$) не имеет представлений о целях миграционной политики РФ, но при этом более $\frac{1}{3}$ выступают за ее ужесточение. На вопрос «Какие меры государства в отношении мигрантов Вы бы поддержали?» были получены такие ответы: меры принудительной депортации (20.8 %); организацию курсов русского языка для мигрантов (26.6 %); помощь в адаптации и трудоустройстве в РФ (15.3 %).

Нужно отметить, что Набережные Челны – это специфический город, в котором практически 90 % жителей являются, либо мигрантами, либо их потомками в первом или втором поколении. Большая часть нынешних жителей прибыла сюда в 1960-е – 1980-е гг. на строительство «Камской ГЭС» или объединения «Камский ав-

томобильный завод», то есть они являлись внутренними мигрантами из других областей РСФСР или даже союзных республик. Существенным был миграционный приток в город и в 1990-е, и в 2000-е гг., но тогда превалировали два потока – из сельской местности Татарстана и из бывших республик СССР. Таким образом, подавляющее большинство жителей имеет так сказать бэкграунд мигранта, и поэтому высокая доля ответов с негативной оценкой миграции и алармистскими утверждениями стала неожиданностью. На наш взгляд, это представляет собой серьезную проблему для стабильного развития города в будущем, учитывая вероятный рост потребности в рабочей силе и в условиях соответствующего нарастания миграционных потоков.

Глава 7

НЕКОТОРЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОРА ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИИ В ПОЛИТИКЕ

7.1. Политико-демографическое прогнозирование: на примере перехода на уровневую систему высшего образования в Российской Федерации²³⁹

С 1 января 2011 г., согласно установленным нормативно-правовым актам²⁴⁰, система высшего образования перешла на уровневую структуру. С этого момента подавляющее большинство российских университетов стало готовить только бакалавров и магистров.

Этот переход означал значительное качественное изменение образовательной системы страны. Система образования является важнейшим социальным институтом, и любые изменения в ней находят свое отражение в социально-политическом развитии страны. На взгляд автора, эта трансформация будет иметь ряд существенных политико-демографических последствий.

Рассмотрим некоторые исходные цифры для последующего анализа. В 2009 г. в учреждения высшего образования России на 1-й курс были приняты 1 544.2 тыс. чел., в том числе на очную форму обучения – 678.2 тыс. чел. В 2010 г. в учреждения высшего образования было принято 1 399.4 тыс. чел., в том числе на очную форму обучения было зачислено порядка 670 тыс. чел. Общая

²³⁹ Представляет собой адаптированный вариант статьи автора «Политические и демографические последствия перехода на многоуровневую систему высшего профессионального образования в Российской Федерации», опубликованной в журнале «Власть» (2011 г., № 12, С. 91–92).

²⁴⁰ Федеральный закон от 24.10.2007 №232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» // Официальные документы в образовании. 2007. № 33 (281). С. 17–29.

численность принятых на 1-й курс в 2010 г. составила примерно 90.6 %, а численность принятых на очную форму обучения составила 98.8 % от данных 2009 г. Таким образом, можно предположить, что численность принятых в учреждения высшего образования в 2011 г. составит порядка 90 % от данных 2010 г., то есть около 1 260.0 тыс. человек, а на очную форму поступили около 660 тыс. человек.

В связи с изменением нормативных сроков обучения у обучающихся по программам подготовки специалиста (5 лет) и бакалавра (4 года), в 2015 г. одновременно окончат вузы студенты, поступившие на программы специалитета в 2010 г., и студенты, поступившие на программы подготовки бакалавров в 2011 г. В России из вузов выпускалось студентов, обучавшихся по очной форме: в 2006 г. – 620.5 тыс., в 2007 г. – 643.9 тыс., в 2008 г. – 657.3 тыс., в 2009 г. – 697.0. Таким образом, в 2015 г. одновременно из вузов будет выпущено более 650 тыс. специалистов и примерно 650 тыс. бакалавров, обучавшихся по очной форме. Здесь не учитывается численность выпускников, обучающихся по заочной и вечерней формам обучения, поскольку они, как правило, на момент окончания вуза уже трудоустроены. В то же время следует учесть порядка 40 тыс. выпускающихся в 2015 г. магистров, при условии, что объемы набора на магистерские программы в 2013 г. были сопоставимы с 2010 г. (43.9 тыс. чел.) и 2011 г. (43.2 тыс. чел.).

Таким образом, в 2015 г. на рынок труда вышли и нуждаются в трудоустройстве в два раза больше выпускников вузов: вместо обычных 650–700 тыс. – 1 350–1 400 тыс. человек. Этот факт приведет к дисбалансу рынка трудовых ресурсов в стране и может вызвать дестабилизацию социально-политической обстановки в преддверии парламентских выборов в России в 2016 г. Полностью поглотить выпуск бакалавров и специалистов в 2015 г. приемом в магистратуру невозможно.

Результатом этого могут стать массовые волнения молодежи, имеющей высшее образование, но не имеющей работы. Подобный пример мы наблюдали в январе-феврале 2011 г. в Тунисе и Египте. Мы увидели, что это возмущение молодежи способно

привести к коллапсу политической системы и смене политического режима.

Это наиболее существенное политико-демографическое последствие трансформации системы высшего образования в России, однако не единственное.

Другим негативным последствием станет механическое сокращение числа студентов на 15–20 % к 2015–2016 гг. в России, связанное с переходом от 5-летнего срока обучения к 4-летнему. Численность студентов сократится с почти 7.5 млн до чуть более 5 млн. Результатом станет, например, ухудшение позиций России в ряде международных рейтингов, например, в таком важном международном рейтинге ООН, как Индекс человеческого развития (Human development index), где важнейшим показателем является уровень грамотности²⁴¹.

Еще одним негативным последствием станет сокращение численности преподавателей в вузах. Этот показатель для большинства российских вузов зависит от численности студентов и рассчитывается как соотношение: 1 преподаватель на 10 студентов очной формы обучения или 30 студентов заочной формы обучения. В 2009–2010 гг. в российских государственных, муниципальных и негосударственных вузах работало 377.8 тыс. преподавателей (342.7 тыс. в государственных и муниципальных и 35.1 тыс. в негосударственных). Сокращение к 2015–2016 гг. численности студентов на 15–20 % приведет к соответствующему сокращению численности ППС по всей стране на 50–60 тыс. человек. Это несомненно приведет к ослаблению российской системы образования и российской науки, пострадает интеллектуальная элита страны.

Поскольку в России объем финансирования автономных вузов (они составляют большинство государственных и муниципальных вузов) рассчитывается исходя из численности студентов, то

²⁴¹ Согласно отчету за 2010 г. Россия заняла в рейтинге лишь 65 место. При этом из 3 показателей индекса (ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности и уровень жизни) наилучшие показатели Россия продемонстрировала по второму показателю (уровень грамотности).

уменьшение к 2015–2016 гг. численности студентов приведет и к соответствующему (на 15–20 %) сокращению финансирования вузов со стороны государства. Если действующие нормы финансирования вузов не будут изменены, то итогом станет ухудшение материальных и финансовых возможностей большинства российских вузов.

Еще одним негативным последствием перехода на уровневую систему высшего образования может стать ослабление интеллектуального потенциала российских регионов. Это явление связано с тем, что, по объективным причинам, магистерские программы обучения будут сосредоточены в ведущих вузах страны, что приведет к усилению миграции молодежи, продвинутой в интеллектуальном отношении, из провинции в образовательные центры страны. К тому же российская система подготовки научно-педагогических кадров (аспирантура) будет вести прием только выпускников с дипломами магистров и специалистов. В результате часть региональных вузов через 5–10 лет начнет испытывать недостаток поступающих в аспирантуру и, соответственно, не сможет готовить для себя научно-педагогические кадры. В конечном итоге это может привести к закрытию части региональных вузов или к их трансформации в учреждения среднего профессионального образования (колледжи), в которых, согласно российским законам, могут преподавать бакалавры и преподавателю не обязательно иметь ученую степень. Тем самым произойдет еще большая концентрация российской системы высшего образования в нескольких центрах. Еще одним следствием перехода на уровневую систему высшего образования будет увеличение в 2015 г. в России контингентов молодежи, подлежащих призыву в армию. Тем самым в 2015 г. на короткое время спадет острота вопроса о комплектовании российской армии.

Подводя итог, следует отметить, что проводимая трансформация российской системы высшего образования имеет целый ряд политико-демографических последствий, лишь часть из которых освещена в данном параграфе. Негативный характер этих последствий обусловлен как фактом массового одновременного перехода

всех вузов страны на уровневую систему, так и действующими нормами российского законодательства. Реформа высшего образования в России может оказать негативное влияние и на стабильность политической системы, особенно, если учесть факт совпадения сроков завершения реформы (2015–2016 гг.) и начала нового электорального цикла (2016–2018 гг.). Для предотвращения описанных негативных последствий потребуется принятие определенных превентивных мер Правительством Российской Федерации.

7.2. Оценка демографического фактора национальной безопасности: на примере военной реформы в Российской Федерации²⁴²

Процесс обновления концепции внешней политики и военной доктрины Российской Федерации неразрывно связан с ходом военной реформы, которая продолжается уже почти два десятилетия. Новый этап военного строительства начался с 1 января 2007 г. и предусматривал сокращение сроков срочной службы и переход на контрактную систему комплектования армии. Но насколько реформа продумана с точки зрения демографии – этот вопрос остается до сих пор открытым.

Осенью 2008 г. из Вооруженных сил Российской Федерации (далее ВС РФ) были демобилизованы около 264.3 тыс. солдат срочной службы, в том числе 132.3 тыс. призывников осени 2006 г. (срок службы – 2 года) и 132.0 тыс. призывников весны 2007 г. (срок службы – 1.5 года). Минобороны России заявило, что осенью 2008 г. будут уволены всего 205 тыс. военнослужащих, призванных осенью 2006 г. и весной 2007 г. Очевидно, разницу составляют те из военнослужащих-срочников, которые согласились после окончания срочной службы подписать контракт.

²⁴² Представляет собой адаптированный вариант доклада автора на Международной научной конференции «Новый политический цикл: повестка дня для России» (Москва, 5–6 декабря 2008 г.).

Таблица 40

Численность лиц,
призванных на действительную военную службу

Призывная кампания	Число призванных на действительную службу (тыс. чел.)	Всего военнослужащих-срочников в рядах ВС РФ (с учетом последнего призыва)
Весна 2009 г.	265 (прогноз)	484.7
Осень 2008 г.	219.0 (план)	484.7
Весна 2008 г.	133.2	530.3
Осень 2007 г.	132.5	521.1
Весна 2007 г.	132.3	-
Осень 2006 г.	132.3	-
Весна 2006 г.	124.0	-
Осень 2005 г.	140.0	-

Вместо демобилизованных в ВС РФ осенью 2008 г. планировали призвать 219.0 тыс. военнообязанных 18–27 лет. Весной 2009 г. из армии демобилизуются 132.5 тыс. призывников осени 2007 г. (срок службы – 1.5 года) и 133.2 тыс. призывников весны 2008 г. (срок службы – 1 год). Вместо них организационно-мобилизационному управлению Генштаба РФ нужно будет призвать в ряды ВС РФ не менее 264.3 тыс. военнообязанных 18–27 лет. Призыв по сравнению с 2004–2007 гг. увеличивается в 2 раза (табл. 40).

В ходе военной реформы предполагалось, что к 1 января 2011 г. численность ВС РФ должна составить 1 130.0 тыс. военнослужащих, то есть она уменьшится по сравнению с уровнем 2008 г. лишь на 35 тыс. военнослужащих, в большей части за счет сокращения генеральских и офицерских должностей. Если дальнейшее сокращение армии не предусмотрено, следовательно, освободившиеся в 2008–2009 гг. солдатские и сержантские места должны быть заняты сержантами и солдатами, служащими по контракту. Кроме того, в 2010–2012 гг. ожидается дефицит призывников, связанный с «демографической ямой». Преодолеть этот дефицит планируется за счет перевода на контрактную основу сержантского состава в сухопутных войсках и плавсоставе ВМФ, что требует дополнитель-

ных контингентов служащих по контракту. По Федеральной целевой программе 2009–2015 гг.²⁴³ планировалось привлечь к 1 января 2016 г. в ВС РФ 107.7 тыс. контрактников на должности сержантов (старшин) и матросов плавсостава ВМФ²⁴⁴.

Так, согласно Федеральной целевой программе на 2004–2007 гг.²⁴⁵, предполагалось перевести на контрактный способ комплектования 115 соединений и воинских частей. Всего – 138.7 тыс. военнослужащих, в том числе в ВС РФ – 125.3 тыс. военнослужащих в 72 соединениях и воинских частях постоянной готовности, остальные – в соединениях и частях постоянной готовности МВД, ФСБ и др. К 2007 г. было переведено на контрактную основу всего 61 соединение и воинская часть ВС РФ. В 2008 г. их число было доведено до 81 соединения и воинской части.

Программа 2004–2007 гг. обошлась государству в 122 млрд руб., в том числе на текущее содержание воинских частей переводимых на контракт затраты составили 55.7 млрд руб. Текущее содержание 1 контрактника обошлось в среднем в 119.5 тыс. рублей в год. Еще 142.2 тыс. рублей в год в расчете на 1 контрактника было израсходовано на реализацию программных мероприятий (строительство общежитий и др.). Увеличение числа контрактников в ВС РФ по программе 2009–2015 гг. обойдется казне еще в 243.4 млрд руб., что съедает львиную долю военного бюджета.

²⁴³ Имеется в виду Федеральная целевая программа «Совершенствование системы комплектования сержантов и солдат военнослужащими, переведенными на военную службу по контракту, и осуществление перехода к комплектованию должностей сержантов (старшин), ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов, а также матросов плавсостава Военно-морского флота военнослужащими, проходящими военную службу по контракту» (2009–2015 годы).

²⁴⁴ В настоящее время в ВС РФ служит 352 тыс. контрактников и 297.3 тыс. призывников (конец 2015 г.), также на 2016 г. численность контрактников запланировано увеличить до 384 тыс., в 2017 г. – до 425 тыс., а к 2020 г. – до 499.2 тыс. (в соответствии с планом по исполнению майского 2012 г. Указа Президента РФ). См.: *Никольский А.* Почти полный комплект // Ведомости. 14.12.2015. № 3980.

²⁴⁵ Федеральная целевая программа «Переход к комплектованию военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, ряда соединений и воинских частей» на 2004–2007 годы.

Приведем еще один факт, характеризующий «пробуксовку» набора контрактников. В марте 2006 г. министр обороны С. Иванов обещал, что в ВС РФ к 2008 г. более 70 % военнослужащих будут проходить службу по контракту. К началу 2008 г. число солдат и сержантов, служащих на контрактной основе, составляло 210 тыс. человек или примерно 18.6 % общей численности ВС РФ и 44 % от общего количества солдат и сержантов. При этом некомплект контрактников в ВС РФ на 1 января 2008 г. составлял 25 тыс. человек.

Если среди гражданского населения в 2009–2015 гг. необходимого количества лиц, желающих служить по контракту, не окажется, то решать проблему нехватки солдат и сержантов Минобороны будет за счет следующих возможных источников:

Увеличение планов призыва в 2 раза, с прежних 130 тыс. до 250–260 тыс. призывников. Определенный рост числа призывников возможен, например, весной 2003 г. было призвано 175 тыс. чел., весной 2004 г. – 166 тыс. чел. Но свыше 200 тыс. чел. последний раз призывали осенью 1999 г. (204 тыс.). Начиная с 2009 г. на учет в военкоматы начнут ставить подростков 1991 года и более поздних годов рождения, а возрастная группа мужчин 1991–1995 гг. рождения (3.9 млн чел.), почти в 1.5 раза меньше возрастной группы мужчин 1986–1990 гг. рождения (5.8 млн чел.). Соответственно, ежегодное число подростков, встающих на учет в военкомат, уменьшится с 800–900 тысяч до уровня в 550–600 тысяч, а значит, объективно сократятся и возможности для призыва.

«Добровольно-принудительное» направление солдат-срочников после окончания действительной службы на службу по контракту. Эта практика, как и любая попытка административного решения социальных проблем, окажется провальной. Солдат, насильно оставленный на сверхсрочную службу, вряд ли будет иметь высокий боевой дух и стремление хорошо служить.

Увеличение возраста призыва на срочную службу с 27 лет до 30 лет может быть лишь временным решением, так как относительно многочисленны лишь возраста до 1990 г. рождения, а самым младшим из них 30 лет исполнится в 2020 г.

Увеличение сроков срочной службы до 1.5–2 лет, но это практически невозможно, ведь такая мера сразу же подчеркнет непродуманность всей военной реформы.

Таким образом, в проведении военной реформы решающим этапом будут осенний призыв 2008 г. и весенний призыв 2009 г. Так как, если в ходе этих призывных кампаний не удастся призвать на службу по 250–300 тысяч новобранцев в каждую призывную кампанию, то реформу фактически следует признать провалившейся и потребуются поиск новых решений для сохранения текущей численности ВС РФ.

7.3. Прогнозирование рисков миграционных процессов: на примере украинских беженцев в Российской Федерации

В 2015 г. в РФ находилось около 2.6 млн украинских граждан, из них порядка 950 тыс. чел. являются беженцами из зоны конфликта в Донецкой и Луганской областях Украины. Сейчас поток беженцев сократился, но не прекратился полностью. На январь 2016 г. ФМС оценивало численность граждан Украины на территории РФ в 2.5 млн чел., из которых порядка 1.1 млн чел. являются выходцами с юго-востока страны²⁴⁶. Этот миграционный поток, по мнению автора, будет сохраняться и в ближайшей перспективе, а его интенсивность будет зависеть от состояния конфликта. Хотя значительная часть тех, кто был способен, уже покинули зону конфликта, но его резкая эскалация может спровоцировать новую волну миграции в РФ. Важно оценить значение данного миграционного потока, его потенциальное воздействие на ситуацию в стране и определить возможные риски. Реализовать эту задачу возможно с помощью политико-демографического подхода, который нацелен на выявление политических последствий демографических и миграционных процессов.

²⁴⁶ Глава ФМС: наплыва беженцев из Сирии нет. URL: <http://pda.fms.gov.ru/press/speeches/item/55779/> (дата обращения: 10.03.2016).

Из 950 тыс. беженцев более 20 тыс. сейчас находятся в центрах временного размещения в различных регионах, а остальные обустроились частным образом²⁴⁷. Размещение и интеграция украинских беженцев потребовали финансовых ресурсов. На содержание беженцев в 480 пунктах временного размещения ФМС потратила за 2014–2015 гг. более 11 млрд руб.²⁴⁸ Лицам, обратившимся за временным убежищем (более 355 тыс. чел.), выплачивались единовременные пособия, сумма которых также составила несколько миллиардов рублей. В целом это, конечно, не критические затраты для бюджета страны.

Украинские беженцы имеют потенциал для интеграции в России (языковая, религиозная близость, общность истории и культуры) и вполне могут стать частью постоянного населения страны. Но нужно понимать, что далеко не всех украинских беженцев, находящихся на территории России, следует рассматривать как возможное постоянное население. Большинство из них вернется домой в случае прекращения военных действий или «замораживания» конфликта. Тем более что значительная часть беженцев находится в приграничных регионах Центрального и Южного федеральных округов (более 160 тыс. чел.). К сентябрю 2015 г. только каждый пятый украинский беженец изъявил желание остаться в РФ на длительный срок или получить гражданство (6 тыс. запросили статус беженца, 76 тыс. приняли участие в госпрограмме переселения соотечественников, 53.6 тыс. оформили вид на жительство, 95.8 тыс. получили гражданство)²⁴⁹. Если российское государство хочет сохранить тех украинских граждан, кто продемонстрировал

²⁴⁷ Официальный сайт Федеральной миграционной службы РФ. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=122978 (дата обращения: 10.03.2016).

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ В январе 2016 года глава ФМС К.О. Ромодановский заявил, что с заявлением о включении в госпрограмму по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников обратились порядка 172 тыс. граждан Украины, что составляет 63 % от общего числа участников госпрограммы. См.: Глава ФМС: наплыва беженцев из Сирии нет. URL: <http://pda.fms.gov.ru/press/speeches/item/55779/> (дата обращения: 10.03.2016).

намерение связать свою жизнь с нашей страной, то необходимо принять меры по их дальнейшей интеграции. Речь идет не только о содействии в трудоустройстве, но и о помощи в приобретении жилья, облегчении процедуры признания дипломов об образовании, обеспечении доступа к образовательным и медицинским услугам, упрощении процедуры получения гражданства. Кроме того, в геополитических интересах России было бы желательно перенаправить потоки украинских беженцев в глубь азиатской части страны для компенсации потерь населения в результате так называемого западного дрейфа. Отчасти это реализуется через Госпрограмму по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента РФ от 22.06.2006 № 637²⁵⁰. Но пока для беженцев, решивших получить российское гражданство, наиболее привлекательны Центральный и Северо-Западный федеральный округа.

С точки зрения социально-политической безопасности, украинские беженцы – это менее конфликтогенный контингент иностранных трудовых ресурсов, чем, например, мигранты из Центральной Азии. Переписи 2002 и 2010 гг. показали, что украинцы в РФ достаточно легко меняли свою идентичность и записывались «русскими». Это потенциальный «демографический дивиденд» для русского этноса, но нужно приложить дополнительные усилия, чтобы он стал реальным дивидендом. Пока же бюрократические препоны не всегда позволяют получить нужное содействие, материальная помощь со стороны государства минимальна, а благотворительность сворачивается.

Относительно состава украинских беженцев следует отметить, что в Луганской и Донецкой областях были зафиксированы одни из самых высоких в Украине показателей по числу лиц с высшим образованием. Большинство беженцев в трудоспособных возрастах имеют высшее или среднее профессиональное образование.

²⁵⁰ Официальный сайт Федеральной Миграционной службы РФ. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/prav_obespech/ykaz_N637.pdf (дата обращения: 10.03.2016).

Уровень образования украинских беженцев выше, чем у мигрантов из других государств. Так, среди прибывших в 2014 г. граждан Украины в возрасте старше 14 лет высшее образование имели более 22 % и среднее профессиональное – 30 %, среди граждан Узбекистана – 6.7 % и 17.8 %, Таджикистана – 7 % и 13 %, Киргизии – 12.7 % и 21.8 %²⁵¹. Правда, среди украинских беженцев значительную долю составляют лица в нетрудоспособных возрастах (дети и старики). Так, в среднем доля данных категорий среди иностранных граждан, находящихся на территории РФ, составляет примерно 17 %, среди всех украинских граждан – 23–24 %²⁵².

Сейчас в России имеет место рост эмиграционного потока (в 2013 г. из России выехали 186 тыс. чел., в 2014 г. – 308 тыс.)²⁵³, который не только сохранится в ближайшем будущем, но и может возрасти в силу экономических трудностей. Опросы показывают, что доля тех, кто намеревается покинуть Россию, в последние годы остается неизменной (около 11–13 % по данным ВЦИОМ)²⁵⁴. Основной причиной для переезда потенциальные эмигранты называют стремление улучшить свое экономическое положение и повысить уровень жизни, поэтому можно предположить, что затяжной экономический кризис будет способствовать увеличению доли тех, кто намеревается покинуть страну. В этом смысле приток украинских беженцев способен компенсировать потери российского населения, восполнить отток квалифицированных специалистов. Украинские беженцы имеют более высокий уровень образования и потенциал для интеграции в РФ, чем, например, мигранты из других стран. В их лице страна может приобрести квалифицированную рабочую силу, которой в долгосрочной перспективе будет недостаточно. Конечно, большая часть ее связана с угольной промышленностью или металлургией, что востребовано лишь в некоторых регионах, но среди беженцев также немало врачей, учите-

²⁵¹ Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (дата обращения: 10.03.2016).

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115316> (дата обращения: 10.03.2016).

лей, ученых, работников сферы обслуживания, которые требуются во многих субъектах РФ.

Данные Левада-центра фиксируют тенденцию на снижение мигрантофобии за период 2014–2015 гг.: население стало лояльнее относиться к «нелегалам»; «наплыв приезжих, мигрантов» стал значительно меньше волновать население (8 % опрошенных вместо 30 % два года назад); число сторонников выдворения и тех, кто считает, что их необходимо легализовать и помочь им ассимилироваться, составляет почти равные доли: 43 % и 41 % соответственно (еще год назад они находились в соотношении 3:1)²⁵⁵.

Необходимо отметить, что в российском обществе имеет место нарастание недовольства снижением уровня жизни и экономическими трудностями, вызванными санкциями. Отчасти это распространяется на беженцев из Украины, особенно в регионах, принявших максимальное их число (Центральный и Южный федеральные округа). Причинами недовольства являются как усиление нагрузки на инфраструктуру региона (детские сады, школы, поликлиники), так и дополнительные расходы на беженцев из региональных и местных бюджетов в ущерб иным статьям. Влияет на настроения россиян и демпинговая конкуренция на рынке труда, а также изживенческие настроения части беженцев. Продолжение активной фазы конфликта и сохранение санкций, видимо, могут усилить эти тенденции в общественных настроениях. Но, несмотря на растущее раздражение негативными политическими и экономическими последствиями событий на Украине и присутствием сотен тысяч беженцев, маловероятно, что это недовольство способно перерасти в открытые протесты или конфликты в силу этнокультурной близости.

Потоки беженцев несут и риски, связанные с экстремальной нагрузкой на инфраструктуру отдельных населенных пунктов; дисбалансом муниципальных и региональных бюджетов, особенно приграничных регионов в условиях уже имеющегося дефицита; усилением конкуренции на российском рынке труда и демпинге

²⁵⁵ Официальный сайт Левада-центра. URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm> (дата обращения: 10.03.2016).

со стороны украинской рабочей силы; опасности прибытия вместе с беженцами криминальных элементов.

Хотя важнейшим демографическим фактором для будущей России станет сокращение численности и старение трудоспособного населения и связанный с этим процесс деквалификации рабочей силы, но в условиях нынешнего экономического кризиса это пока не слишком актуально. В данный момент и в краткосрочной перспективе ситуация не требует дополнительной рабочей силы, и дело здесь не только в экономических факторах. На ситуацию на рынке труда дополнительное негативное воздействие оказывает такой фактор, как удвоение числа выпускников российских вузов в 2015 г. В 2015 г. из вузов в связи с реформой системы образования (переход с 5-летнего на 4-летнее обучение) вышло в 2 раза больше выпускников (примерно 1.3 млн вместо обычных 650–700 тысяч). Около 10–15 % от их численности «поглотили» магистратура и аспирантура и примерно столько же армия, но остальные вышли осенью 2015 г. на рынок труда, усилив конкуренцию и давление на нем. К осени 2016 г. значительная часть из них, видимо, будет все еще безработной, и в этих условиях присутствие украинских беженцев усиливает напряжение на рынке труда. Это в свете начал нового электорального цикла (2016–2018 гг.) может стать фактором дестабилизации социально-политической ситуации в стране.

Однако это краткосрочная перспектива, а с точки зрения долгосрочной стратегии необходимо все-таки постараться сохранить максимальное число украинских беженцев в составе постоянного населения страны. Это стратегическая задача в условиях депопуляции. Другой возможности получить этнически и религиозно близкий компонент в населении страны вряд ли уже представится. Для сохранения украинских беженцев в составе постоянного населения необходимо создать дополнительные интеграционные механизмы. Например, разработать механизмы получения ипотеки на доступных условиях. Украинских беженцев в РФ ждало определенное разочарование: жилищный вопрос им никто не помогает решать (за исключением предоставления жилья в пунктах временного размещения), уровень зарплат выше, чем в Украине, но и

стоимость жизни достаточно высока. С учетом того, что многие беженцы самостоятельно арендуют жилье, значительная часть зарплата расходуется на него. Нужно понимать, что у этих групп населения нет возможности для внесения первоначального взноса для ипотеки, поэтому необходимо государственное страхование банковских рисков и льготные условия кредитования. В этом случае они свяжут свою дальнейшую судьбу с РФ. Необходимо решить вопрос с признанием их документов о профессиональном образовании, без чего их квалификацию и знания полноценно использовать в российской экономике невозможно. Нужно учитывать, что на положение беженцев серьезно влияет и экономический кризис: сократилось предложение работы, уменьшились зарплаты, снизились объемы гуманитарной помощи и благотворительности.

Подводя итог, следует отметить, что дальнейшая ситуация с украинскими беженцами в России будет зависеть от развития конфликта. В случае эскалации они останутся в РФ, в случае «замораживания» конфликта, скорее всего, значительная часть вернется назад, а часть останется в РФ; в случае прекращения конфликта и возвращения юго-востока под юрисдикцию Украины вернется большая часть беженцев. Наиболее вероятными сейчас представляются первый и второй сценарии, поэтому многие беженцы останутся в РФ еще на некоторое время (1–2 года) и это дает дополнительный временной лаг для обеспечения их интеграции и закрепления в составе постоянного населения РФ. В то же время в рамках государственного управления следует учитывать и риски, связанные с нахождением украинских беженцев в нашей стране, а именно: дополнительную нагрузку на инфраструктуру отдельных населенных пунктов в ряде регионов; увеличение расходов муниципальных и региональных бюджетов при существующем дефиците финансовых ресурсов; усиление конкуренции на российском рынке труда и демпинг украинской рабочей силы в ситуации экономического кризиса; опасность прибытия вместе с беженцами криминальных элементов и экстремистов.

Исследование социально-политических последствий вынужденной миграции из Украины позволяет предположить и возмож-

ные риски для РФ подобных потоков беженцев из других регионов мира, например из стран Ближнего Востока. С таким масштабным потоком беженцев уже столкнулся целый ряд европейских и азиатских государств. Никто не может гарантировать, что Россия избежит аналогичного вызова в будущем.

7.4. Сравнительный подход к исследованию воздействия миграции на уровень толерантности / ксенофобии в обществе

Италия и Россия имеют схожую миграционную историю: обе являлись на протяжении столетий классическими странами эмиграции, но начиная с 1990-х гг. столкнулись с массовой иммиграцией, поэтому сравнить их представляется актуальным. Как указывалось выше, молодежь – это благоприятная среда для распространения радикальных идей, а высокая доля молодежи создает условия для дестабилизации. Студенчество – это активная часть молодежи, а иммиграция является фактором, провоцирующим рост радикальных настроений²⁵⁶, поэтому важно определить отношение студенчества к данному явлению. Аналогичное исследование, направленное на определение отношения жителей Татарстана к миграционным процессам в регионе, было проведено исследователями в КФУ в 2012 г.²⁵⁷, а также в 2013 г.²⁵⁸ Но указанные исследования не акцентировали внимание на специфике отношения к миграции в студенческой среде. Для восполнения этого пробела, а также для сравнения уровня толерантности / ксенофобии студентов в России и Италии в 2013 г. был проведен опрос студентов городов Набережные Челны и Болонья.

²⁵⁶ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 212.

²⁵⁷ Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / науч. ред. Р.Г. Минзарипов. Казань: Казанский ун-т, 2013. 267 с.

²⁵⁸ Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах России / ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 393–399.

Социально-демографические характеристики объектов исследования.

Набережные Челны – это город, в котором 40.7 % населения имеют возраст до 29 лет²⁵⁹. Практически 90 % жителей являются мигрантами либо их потомками в первом или втором поколении, так как большинство прибыло сюда в 1960–1980 гг. на строительство «КамАЗа». В 1990–2000-е гг. миграции шли из сельской местности региона и стран СНГ. Численность населения города на начало 2013 г. составляла 519.0 тыс. чел., причем за период с 2009 по 2013 г. она выросла на 12 тыс.²⁶⁰, более 28.8 тыс. чел. составляли студенты вузов²⁶¹.

Болонья является городом с высоким числом мигрантов: при населении в 386.2 тыс. чел., доля мигрантов в 2011 г. составляла более 26.6 %²⁶². 39.4 % всех мигрантов составляют выходцы из трех стран: Марокко (14.1 %), Румыния (13.2 %) и Албания (12.1 %). Среди мигрантов более 51.5 % составляют женщины²⁶³. Болонский университет – это крупный вуз с 87 тыс. студентов, большая часть которых обучается в главном кампусе в Болонье²⁶⁴.

Социально-демографические характеристики респондентов. В Набережных Челнах было опрошено 293 студента в возрасте 18–24 года; среди них: девушки – 68 %, юноши – 32 %. В Болонье было опрошено 390 студентов; юноши – 7.5 %, девушки – 92.5 % (в возрасте 18–23 года – 80 %, 24–29 лет – 8.5 %); 96.9 % респондентов идентифицировали себя как коренные итальянцы.

Исследование показало, что россияне под мигрантами подразумевают не только граждан иностранных государств, но и внутрен-

²⁵⁹ Официальный сайт г. Набережные Челны. URL: <http://nabchelny.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

²⁶⁰ Официальный сайт Территориального органа Росстата по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

²⁶¹ Официальный сайт г. Набережные Челны. URL: <http://nabchelny.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

²⁶² Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2011. P. 369–370.

²⁶³ Там же. P. 370.

²⁶⁴ Официальный сайт Болонского университета. URL: <http://www.unibo.it> (дата обращения: 10.03.2016).

них трудовых мигрантов, недавних репатриантов и т. д.; итальянцы понимают под ними только лиц, прибывших из других стран, вне зависимости от причин приезда.

Опрос выявил, что интенсивность взаимодействия с мигрантами у итальянских студентов значительно выше, чем у российских. Только 41.3 % российских респондентов регулярно или часто сталкиваются с мигрантами, среди итальянских студентов таковых 94.3 %. Чаще всего мигрантов и российские, и итальянские студенты встречали на улицах города (69.6 % и 89.2 % соответственно). Следует отметить, что 18.2 % итальянских студентов также отметили свое соседство с мигрантами, а среди россиян таковых было только 11.3 %. Респонденты и в России, и в Италии, как правило, определяли «мигранта» по его внешнему облику (67.5 % и 56.7 % соответственно) и особенностям речи (38.6 % и 38.2 % соответственно), реже – по манере поведения (26.6 % и 6.4 % соответственно). Это позволяет констатировать существование стереотипа «мигранты» – люди, специфически одетые, плохо говорящие на языке страны и отличающиеся от местных жителей поведением.

На вопрос «Необходимы ли мигранты для успешного развития вашей страны, региона, города?» были получены следующие варианты ответов (табл. 41).

Видно, что и у россиян, и у итальянцев наибольшее число позитивных оценок приходится на национальный уровень, а негативных оценок – на муниципальный, то есть личный опыт студентов не способствует положительной оценке потребности в мигрантах.

Таблица 41

Доля ответов на вопрос «Необходимы ли мигранты для успешного развития вашей страны, региона, города?»

	Страна, %		Регион, %		Город, %	
	да	нет	да	нет	да	нет
Россияне	17.7	64.2	11.9	69.3	14.3	71.7
Итальянцы	48.7	30.5	43.3	32.3	41.8	34.1

При этом итальянцы продемонстрировали более толерантную позицию по вопросу присутствия мигрантов, поскольку процент позитивных оценок существенно выше (табл. 42).

Таблица 42

Доля ответов «много» и «скорее много, чем недостаточно» на вопрос «Каково, на Ваш взгляд, количество мигрантов в вашей стране, регионе, городе?», %

	В вашей стране, %	В вашем регионе, %	В вашем городе, %
Россияне	87.7	74.4	68.6
Итальянцы	83.6	75.1	73.8

Мнения студентов и в РФ, и в Италии примерно одинаковы: чем ближе к муниципальному уровню, тем доля уверенных в угрожающих масштабах миграции становится меньше. Можно предположить, что идея об угрожающих масштабах миграции навязывается СМИ, а когда мнение респондента основывается на его собственном опыте, то оценки смягчаются (табл. 43).

Наибольшее число респондентов говорит о позитивном влиянии миграции на развитие межгосударственных отношений, меньшее число уверено в позитивном влиянии на развитие экономики.

Таблица 43

В чем, на Ваш взгляд, заключается позитивное влияние мигрантов?

	Улучшение отношений между странами, %	Развитие экономики, %	Обогащение культуры, %	Затруднились, %
Россияне	36.5	16.7	13.6	43.0
Итальянцы	44.9	13.1	38.2	20.0

Интересно, что значительная часть итальянцев уверена и в позитивном влиянии иммиграции на культуру страны.

Таблица 44 демонстрирует, что уровень оценки рисков миграции у россиян выше, чем у итальянцев, хотя доля лиц, испытывающих страх перед мигрантами, примерно равна в обеих странах.

Таблица 44

	Мигранты угрожают национальной безопасности страны?		Мигранты угрожают устойчивому развитию общества?		Испытываете ли Вы страх перед мигрантами?	
	да, %	нет, %	да, %	нет, %	да, %	нет, %
Россияне	42	39.6	45.1	37.9	31.1	61.4
Итальянцы	27.9	58.2	22.8	53.3	29.7	62.8

Мнения об угрозах иммиграции у россиян являются в определенной мере следствием имеющихся стереотипов, что подтвердили ответы на вопрос «В чем именно заключаются риски иммиграции?» (табл. 45).

Таблица 45

	Россияне, %	Итальянцы, %
Провоцирует рост преступности	50.2	43.3
Провоцирует безработицу и снижение уровня зарплат	50.2	19.5
Возрастает террористическая угроза	44.4	9.0
Происходит изменение состава населения	29.0	14.6
Возрастает эпидемическая опасность	25.9	9.2
Происходит изменение культуры общества	24.2	14.9
Угрозы не представляют	4.4	16.4

Наибольшие риски миграции россиянам и итальянцам представляются в сфере безопасности, но россияне в большей степени делают упор на террористические риски. Интересно, что у россиян значительно выше доля тех, кто видит угрозу в экономической сфере, хотя уровень безработицы среди молодежи в Италии в разы выше, чем в РФ. Но итальянские студенты осознают, что мигранты

претендуют в основном на работу, непопулярную у коренного населения. Что касается угроз в сфере культуры, то россияне сильнее опасаются изменения культуры и состава населения страны. Среди итальянских респондентов выше процент тех, кто вообще не видит угроз в миграции.

Стереотипы сильно воздействуют на сферу и межличностных, и трудовых отношений российских студентов. На вопрос «Как Вы относитесь к возможному соседству с мигрантами?» только 1.0 % российских респондентов назвал это позитивным фактором; 51.9 % – не придают соседству с мигрантами особого значения, а 21.2 % – увидели в этом фактор риска. Среди итальянских респондентов на этот вопрос были получены следующие ответы: 14.9 % назвали это позитивным фактором; 53.3 % – не придают соседству с мигрантами особого значения, а 6.7 % – увидели в этом фактор риска. Только 10.2 % студентов-россиян допускают для себя возможность брака с мигрантом (мигранткой), 15 % имеют нейтральное отношение, а вот 57 % относятся к такому браку отрицательно. Среди итальянских студентов 16.4 % опрошенных допускают для себя возможность брака с мигрантом (мигранткой), 29.5 % имеют нейтральное отношение и 17.7 % относятся отрицательно. По обоим вопросам показатели негативных ответов среди россиян в три раза выше, чем среди итальянцев.

Для $\frac{2}{3}$ россиян более важным фактором при выборе работы является не размер зарплаты, карьерные перспективы или условия труда, а присутствие в коллективе мигрантов (табл. 46). Итальянцы в меньшей степени выделяют такие дополнительные барьеры при выборе места работы.

Таблица 46

	Россияне, %		Итальянцы, %	
	да	нет	да	нет
Согласились бы Вы на предложение работать в коллективе, где часть сотрудников – мигранты?	31.1	43.3	64.9	13.3
Согласились бы Вы на предложение работать в коллективе, где преобладают мигранты?	18.8	58.7	50.8	27.7

При этом большинство россиян прежде не имело серьезного опыта межличностного взаимодействия с мигрантами (табл. 47 и 48). Это тревожный сигнал, свидетельствующий о низкой толерантности в студенческой среде.

Таблица 47

	Россияне		Итальянцы	
	знакомые	друзья	знакомые	друзья
Есть ли у Вас знакомые и друзья среди мигрантов?	37.2	13.6	47.2	58.0

Итальянцы вновь демонстрируют более высокий уровень терпимости. Это подтверждают и результаты ответов на вопрос о готовности иметь друзей среди мигрантов.

Таблица 48

	Россияне		Итальянцы	
	да	нет	да	нет
Готовы ли Вы иметь друзей среди мигрантов?	38.6	36.8	81.5	5.4

Опрос показал, что большая часть россиян ($\frac{2}{5}$) не знает целей миграционной политики РФ, но $\frac{1}{3}$ выступают за ее ужесточение (табл. 49).

Таблица 49

Миграционную политику считают:	Адекватной, %	Излишне мягкой, %	Излишне жесткой, %	Загруднились с ответом, %
Россияне	20.5	35.5	3.4	39.3
Итальянцы	16.4	36.4	24.1	19.2

Среди итальянцев много тех, кто, наоборот, выступает за смягчение политики: меры депортации поддерживают 20.8 % россиян

и только 3.6 % итальянцев; содействие в организации курсов по изучению языка для мигрантов – 26.6 % и 39.7 % соответственно; помощь в адаптации и трудоустройстве – 15.3 % и 35.6 % соответственно.

Таким образом, исследование показало, что уровень ксенофобии в Болонье ниже, чем в Набережных Челнах. На это влияет более высокий уровень городской культуры, устоявшиеся традиции толерантности, длительное присутствие иностранцев в обществе. Для Набережных Челнов неожиданной стала высокая доля ответов с негативной оценкой миграции, что требует серьезного внимания в условиях нарастания в будущем миграционных потоков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как указывал один из «отцов-основателей» новой отрасли науки Майкл Тейтельбаум, предмет политической демографии приобретает все более возрастающее значение для политиков и ученых, но в то же время он продолжает находиться на не совсем удобной, «пограничной» позиции между политической и демографической науками, вследствие чего остается без должного внимания, как со стороны политологов, так и со стороны демографов²⁶⁵. К сожалению, следует констатировать, что подобное положение вещей сложилось и в отечественной науке. Поэтому данная монография ставила своей задачей попытаться привлечь внимание ученых, прежде всего политологов, к необходимости исследования проблем политической демографии.

Настоящая монография является одним из первых изданий в области политической демографии в России. Конечно же, она не способна отразить весь круг проблем и достижений политической демографии в России и за рубежом. Это лишь «пробный шар». Однако уже сейчас несомненно, что политическая демография как отрасль политической науки предоставляет широкий набор новых направлений исследования политических процессов, новых неординарных научных подходов, а также позволяет расширить инструментарий политолога за счет демографических методов. Необходимо развивать умения грамотно использовать демографический инструментарий для политических исследований. Своей работой автор пытался оказать определенное содействие в достижении указанной цели.

Спектр направлений научных исследований в рамках политической демографии достаточно широк и рассматривает разнообразные формы взаимозависимости и взаимодействия демографической и политической сфер. Причем, по мере усложнения

²⁶⁵ *Teitelbaum M.S. Political Demography // Handbook of Population. New York: Springer, 2006. P. 719.*

политических процессов в современном мире и появления новых демографических трендов развития человечества, перечень направлений исследований новой науки будет только увеличиваться. Сравнение направлений деятельности российских ученых и их зарубежных коллег позволяет сделать вывод о сходстве представлений о предмете политической демографии и признать термин «политическая демография» устоявшимся. Важнейшими задачами российского политологического сообщества в этом направлении являются накопление достаточного эмпирического материала политико-демографического характера, разработка методологии и методов политико-демографического исследования, выявление и изучение закономерностей политических последствий демографических процессов.

Исследование показало, что демографические процессы оказывают существенное влияние на политическую сферу, в частности на стабильность политического режима, направления социальной политики, геополитический потенциал государства, электоральные процессы и многие другие аспекты политики. Так, демографические характеристики государства (численность, размещение, состав и другие свойства населения страны), наряду с географическим положением, финансово-экономическим, ресурсным и военным потенциалом признаются многими исследователями как важнейший элемент, определяющий геополитическую мощь государства (интенсивность внешней политики, способность защищаться и нападать, экономический потенциал и т. д.). В XXI веке демографические процессы станут важнейшим фактором глобального развития, причем особенностью является то, что на эти тренды можно воздействовать только на уровне глобальной политики путем глубокого и всеобъемлющего взаимодействия различных стран и международных организаций.

Не меньшее значение демографические процессы играют и на уровне национальной политики. Так, демографические процессы способны за достаточно короткое время существенно изменить этнический баланс в стране или ее составной части, что отражается на состоянии национальной безопасности, социально-политиче-

ской стабильности и уровне межнациональной напряженности. Например, различия в уровне рождаемости и смертности разных этнических групп внутри страны в некоторых случаях способны породить этнополитические конфликты. На примере Российской Федерации, используя политико-демографический инструментарий, возможно прогнозировать в XXI веке тенденции ослабления ее геополитических позиций, территориального сжатия, уменьшения «русского ядра» российской нации, усиления ориентации на европейскую и исламскую цивилизации. Старение населения может потребовать пересмотра границ социальной ответственности российского государства и сокращения расходов на военную сферу. Массовые инокультурные миграционные потоки, способные улучшить демографические характеристики страны, одновременно несут и существенные политические риски.

Следует отметить, что миграционные процессы во многих странах выступают фактором формирования национальной идентичности, нередко провоцируют рост ксенофобии, способны дестабилизировать социально-политическую ситуацию. На опыте России, Германии и Италии были подробно рассмотрены разнообразные социально-политические риски миграции. Все три страны за относительно короткий срок превратились из стран-доноров миграции в страны-реципиенты и в значительной степени оказались не подготовлены к этому новому статусу. Изучение и сравнение опыта данных государств позволяет увидеть общее в протекании современных иммиграционных процессов и понять закономерности воздействия миграции на политику и наоборот. Стремительный рост культурного разнообразия и рост числа иммигрантов провоцируют конфликты, порождают проблему ксенофобии и расизма в принимающем обществе, ставят на повестку дня вопросы интеграции и социального включения иммигрантов. Политика интеграции, на которую ориентируется каждая из перечисленных стран, тем не менее принимает специфические особенности и далеко не всегда демонстрирует свою эффективность. Очевидно, что в ближайшей перспективе иммиграционная политика и политика интеграции в указанных странах претерпят серьезные изменения,

а новые иммиграционные вызовы, связанные с потоками беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока, приведут к обострению уже существующих проблем. Поэтому первое место в политической повестке многих государств сейчас заслуженно занимают вопросы повышения эффективности демографической и миграционной политики. Хотя модели иммиграционной и интеграционной политик не могут быть скопированы, тем не менее российскому истеблишменту следует внимательно изучать опыт Германии и Италии, чтобы не допустить повторения их ошибок.

Немаловажную роль демографические и миграционные вызовы играют и на уровне региональных политических процессов. Так, на примере Республики Татарстан в целом и города Набережные Челны в частности показана специфика взаимодействия демографической и миграционной сфер на региональном и локальном уровнях. Ухудшение половозрастной структуры населения и дефицит рабочей силы будут сопровождаться усилением миграционных потоков, состоящих в основном из неквалифицированной и низкооплачиваемой иностранной рабочей силы. Подобные миграционные потоки способны провоцировать деградацию рынка труда, рост бедности, при одновременном увеличении доли некоренных народов в населении региона, что в совокупности может стать фактором межэтнической напряженности. Одновременно в республике протекают специфические урбанизационные и этнодемографические процессы, которые имеют важное социально-политическое значение для развития региона.

В условиях нарастания миграционных процессов и усиления этнического разнообразия населения возрастает угроза ксенофобии и расизма в обществе, прежде всего в молодежной среде. Исследование выявило недостаток в молодежной среде объективной информации об этнических и миграционных процессах, отсутствие сформированных правовых представлений и толерантных установок, а также зафиксировало рост ксенофобии и мигрантофобии. В условиях предстоящего усиления миграционных процессов в краткосрочной и среднесрочной перспективах полученные результаты исследования должны привлечь соответствующее вни-

мание со стороны органов власти. Необходимо усилить целенаправленную деятельность через печатные и электронные СМИ, образовательные учреждения по профилактике ксенофобии и мигрантофобии в молодежной среде, разработать каналы продвижения позитивной информации об этнической и миграционной ситуации в стране, о правовых основах этнической и миграционной политики. Важно целенаправленно бороться с любыми проявлениями национализма, расизма и ксенофобии, пресекать их, иначе это может обернуться в будущем появлением поколений с агрессивными ксенофобскими и алармистскими взглядами на вопросы межэтнического взаимодействия и проблему миграции, что в условиях многонационального характера российского общества и усиления миграции представляется недопустимым. Особым примером здесь является город Набережные Челны, который в 1970-х – 1980-х гг. испытал масштабный миграционный приток и в котором практически 90 % жителей имеют так сказать бэкграунд мигранта (в первом или втором поколении). В то же время даже в этом «городе мигрантов» отмечается достаточно высокая негативная оценка миграции. Это представляет собой серьезную проблему для стабильного развития города в будущем, учитывая вероятный рост потребности в рабочей силе и характер миграционных потоков, в значительной степени состоящих из представителей иных культур.

Политико-демографический подход позволил выявить и некоторые другие аспекты взаимодействия демографии и политики, например, в сферах военной реформы, реформы системы высшего образования, управления потоками украинских беженцев в России и т. д. В частности, реформа высшего образования в России может оказать негативное влияние на стабильность политической системы, учитывая совпадение сроков завершения реформы (2015–2016 гг.) и начала нового электорального цикла (2016–2018 гг.). Проведение военной реформы в свою очередь наталкивается на проблему демографических ограничений военно-мобилизационных ресурсов для сохранения текущей численности Вооруженных сил РФ. Исследование социально-политических последствий вы-

нужденной миграции из Украины позволяет предположить возможные риски для нашей страны со стороны возможных потоков беженцев из других регионов мира, например из стран Ближнего Востока.

Подводя итог, следует отметить, что роль и значение демографического фактора в генезисе и протекании политических процессов несомненна. Взаимодействие и взаимозависимость демографии и политики, как показывает проведенное исследование, имеет множество вариантов и форм выражения. В то же время методологические подходы и приемы для исследования демографического фактора политики все еще недостаточно разработаны, поэтому автору представляется актуальным дальнейшее развитие политико-демографических исследований в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адиев А.З.* Особенности национального квотирования в органы власти Республики Дагестан / А.З. Адиев // Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития: сб. материалов межд. научно-пр. конф. (11–12 марта 2009 г.). – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. – Вып. 2. – С. 216–220.

2. *Алексеенко А.* Казахстан: проблемы иммиграционной политики / А. Алексеенко // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 3. – С. 105–124.

3. *Алешковский И.А.* Нелегальная миграция как феномен глобального мира / И.А. Алешковский // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 129–136.

4. Атлас религий и национальностей России / Исследовательская служба «Среда». – URL: <http://www.sreda.org/arena> (дата обращения: 10.03.2016).

5. *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России / А.В. Баранов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. – 344 с.

6. *Белокреницкий В.Я.* Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов / В.Я. Белокреницкий // Евразийские исследования. – 2008. – № 2. – С. 3–31.

7. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2005. – 256 с.

8. *Биктимиров Н.М.* Влияние национальных миграций на развитие регионального рынка труда на примере Республики Татарстан / Н.М. Биктимиров, А.А. Литвинов, М.Р. Мустафин, В.А. Рубцов, Г.Р. Ахунзянова // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Вып. 2. – С. 124–129.

9. *Богоявленский Д.* Перепись 2010: этнический срез / Д. Богоявленский // Электронная версия бюллетеня «Население и обще-

ство». – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (дата обращения: 10.03.2016).

10. *Боллманн И.* Трудности европейской интеграции на примере Германии / И. Боллманн // Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». – URL: <http://inosmi.ru/world/20130602/209575433.html> (дата обращения: 10.03.2016).

11. *Вандам А.Е.* Геополитика и геостратегия / А.Е. Вандам, сост., вступ. ст. и коммент. И Образцова; закл. ст. И. Даниленко. – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.

12. Великая миграционная держава глазами эксперта // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/lisa01.php> (дата обращения: 10.03.2016).

13. *Вишневский А.* Альтернативы миграционной стратегии / А. Вишневский // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 6. – URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_4215 (дата обращения: 10.03.2016).

14. *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды / А.Г. Вишневский. – Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005. – 368 с.

15. *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды / А.Г. Вишневский. – Т. 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов. – М.: Наука, 2005. – 381 с.

16. *Гельбрас В.* Китайцы в России: сколько их? / В. Гельбрас. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php> (дата обращения: 10.03.2016).

17. Геополитика: Хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007. – 512 с.

18. Германия решила отказаться от мультикультурности // Агентство гражданской журналистики. – URL: <http://titus.kz/?previd=20193&type=polit> (дата обращения: 10.03.2016).

19. Глава ФМС: наплыва беженцев из Сирии нет. – URL: <http://pda.fms.gov.ru/press/speeches/item/55779/> (дата обращения: 10.03.2016).

20. *Горшков М.К.* Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

21. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»; Научный эксперт, 2007. – 2-е изд. – 888 с.

22. *Гребенкина И.В.* Политика Италии в отношении нелегальных мигрантов после «арабской весны»: опыт для России / И.В. Гребенкина // Вестник МГИМО. – 2012. – № 1. – С. 68–74.

23. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 263 с.

24. Демографическое развитие России в XXI веке / под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского. – М., 2009. – URL: <http://rybakovsky.ru/demografia1.html> (дата обращения: 10.03.2016).

25. Демография: современное состояние и перспективы развития: учеб. пособие / Н.В. Зверева, А.Я. Кваша, В.И. Козлов и др.; под ред. Д.И. Валентя. – М.: Высшая школа, 1997. – 271 с.

26. *Демьянов А.* ФРГ оказалась на последнем месте по уровню рождаемости в ЕС / А. Демьянов. – URL: <http://lenta.ru/news/2011/07/28/geburtenrate/> (дата обращения: 10.03.2016).

27. *Денисова Г.С.* Формирование региональной идентичности как стратегия стабилизации межэтнических отношений в Ростовской области / Г.С. Денисова // Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: матер. III международного конгресса конфликтологов. – Казань: КГТУ, 2010. – Т. 2. – С. 71–72.

28. *Динес В.* Социально-экономические последствия этнических миграций в контексте модернизации / В. Динес, А. Николаев // Власть. – 2010. – № 12. – С. 59.

29. *Дробижева Л.* Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ / Л. Дробижева // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 4. – С. 32–48.

30. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1999. – 928 с.

31. *Животовская И.Г.* Италия: опыт борьбы с нелегальной иммиграцией / И.Г. Животовская // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigracijej_2012-01-13.htm (дата обращения: 10.03.2016).

32. *Злоказов И.А.* Демография нестабильности / И.А. Злоказов, В.И. Мукомель // Вестник Академии наук СССР. – 1991. – № 12. – С. 19–28.

33. *Зонова Т.В.* Миграционный аспект глобализации: казус Италии / Т.В. Зонова // Научный диалог. – 2015. – № 1(37). – С. 130–138.

34. *Ильин М.В.* Основные методологические проблемы сравнительной политологии / М.В. Ильин // Полис. – 2001. – № 6. – С. 140–155.

35. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2016).

36. Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. – URL: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc (дата обращения: 10.03.2016).

37. *Исаев Б.А.* Геополитика / Б.А. Исаев. – СПб.: Питер, 2006. – 384 с.

38. *Карачурина Л.Б.* Миграция как средство политического давления / Л.Б. Карачурина // Экономико-политическая ситуация в России в ноябре 2011 г. – М.: ИЭП, 2011. – С. 41–44.

39. *Карачурина Л.Б.* Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России? / Л.Б. Карачурина // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit08.php> (дата обращения: 10.03.2016).

40. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? / пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2002. – 352 с.

41. Классика геополитики, XIX век / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – 718 с.

42. *Козловский В.* Турецкая доля немецкого чуда / В. Козловский // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. – URL: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurses-e-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda> (дата обращения: 10.03.2016).

43. Комплексный информационно-аналитический доклад «Социально-экономическое положение Республики Татарстан» // Официальный сайт Татарстанстата. – URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

44. *Коновалов В.Н.* Теоретико-методологические аспекты анализа этнонационального конфликта / В.Н. Коновалов, Х.М. Маджид // Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 22–23 марта 2012 г.; Казанский нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: КНИТУ, 2012. – С. 27–32.

45. Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 10.03.2016).

46. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. – URL: <http://base.garant.ru/191961/> (дата обращения: 10.03.2016).

47. *Кох М.* Мигранты от нищеты: все больше цыган из Восточной Европы переезжают в ФРГ / М. Кох, А. Варкентин // Русская редакция сайта Deutsche Welle. – URL: <http://www.dw.com/ru/a-16614659> (дата обращения: 10.03.2016).

48. Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. – URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm> (дата обращения: 10.03.2016).

49. *Кузнецов И.М.* Адаптационные модели мигрантов в условиях мегаполиса (на примере Москвы): автореф. дис. ... канд. соц. наук / И.М. Кузнецов. – М., 2006. – 23 с.

50. *Кузнецов И.М.* Адаптационные модели мигрантов в условиях мегаполиса (на примере Москвы): дис. ... канд. соц. наук / И.М. Кузнецов. – М., 2006. – 180 с.

51. *Кузнецова И.Б.* Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан) / И.Б. Кузнецова, Л.М. Мухарямова. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 164 с.
52. *Макиавелли Н.* Государь / пер. с ит. – М.: Планета, 1990. – 84 с.
53. *Маккри Р.* Как обуздать религию / Р. Маккри // Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». – URL: <http://inosmi.ru/world/20130624/210333438.html> (дата обращения: 10.03.2016).
54. Материалы Департамента экономических и социальных отношений ООН. – URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/> (дата обращения: 10.03.2016).
55. Материалы Инвестиционного портала Республики Татарстан. – URL: <http://www.invest.tatar.ru> (дата обращения: 10.03.2016).
56. *Медков В.М.* Демография: учебник / В.М. Медков. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 544 с.
57. *Менц Г.* «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния / Г. Менц // Прогнозис. – 2007. – № 1(9). – С. 117–141.
58. *Милютин Д.А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики / Д.А. Милютин // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 2. – С. 43–48.
59. *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю, 1660–1783 / А.Т. Мэхэн. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 634 с.
60. Народонаселение: энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 640 с.
61. Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 229 с.
62. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.

63. *Нестерова Т.П.* Нормативно-правовое регулирование миграционных процессов в Италии в начале XXI века / Т.П. Нестерова // Научный диалог. – 2013. – № 7(19). – С. 159–177.

64. *Никонов В.А.* Политическая демография / В.А. Никонов // Стратегия России. – 2006. – № 9. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1158657907&archive=1158663274&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 10.03.2016).

65. Основы демографии: учеб. пособие / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров. – М.: Высшая школа, 2004. – 374 с.

66. Официальный сайт Болонского университета. – URL: <http://www.unibo.it> (дата обращения: 10.03.2016).

67. Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115316> (дата обращения: 10.03.2016).

68. Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической службы. – URL: <http://fedstat.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

69. Официальный сайт Левада-центра. – URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm> (дата обращения: 10.03.2016).

70. Официальный сайт г. Набережные Челны. – URL: <http://nabchelny.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

71. Официальный сайт Территориального органа Росстата по Республике Татарстан. – URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

72. Официальный сайт Федеральной миграционной службы РФ. – URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=122978 (дата обращения: 10.03.2016).

73. *Пархалина Т.Г.* Европейская безопасность: какой она видится сегодня? / Т.Г. Пархалина // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы: аналитический бюллетень Центра по изучению проблем европейской безопасности. – М.: ИНИОН, 2001. – URL: http://inion.ru/product/eurosec/st5_%20v2.htm (дата обращения: 10.03.2016).

74. Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах России / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 508 с.

75. Политическая энциклопедия: В 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю. Семигин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. 1.

76. *Полян П.* Русскоговорящие иммигранты в Германии: первые результаты социологического обследования, проведенного совместно с журналом «Партнер» / П. Полян // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php> (дата обращения: 10.03.2016).

77. *Понамарева А.* Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха / А. Понамарева // Индекс безопасности. – 2007. – № 3. – С. 61–79.

78. *Попова Э.Г.* Иммиграционная политика Италии и возможности ее применения в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Э.Г. Попова; ИСПИ РАН. – М., 2010. – 30 с.

79. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12.12.2012. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 10.03.2016).

80. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12.12.2013. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 10.03.2016).

81. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 10.03.2016).

82. Прогноз численности населения на 2025, 2050, 2075 и 2100 гг. // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_2050.php (дата обращения: 10.03.2016).

83. *Прохорова А.* Сравнению не подлежит / А. Прохорова / Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. – URL: <http://>

www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/sravneniyu-nepodlezhit (дата обращения: 10.03.2016).

84. Россия в цифрах // Коммерсант – Власть. – 2010. – 29 марта. – С. 10.

85. Россия в цифрах // Коммерсант – Власть. – 2010. – 5 апреля. – С. 12.

86. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 544 с.

87. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России в экстраполяционных и нормативных координатах / Л.Л. Рыбаковский // Социс. – 2014. – № 12. – С. 21–30.

88. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? / Л.Л. Рыбаковский // Социс. – 2012. – № 8. – С. 49–60.

89. Рыбаковский Л.Л. Стратегия демографического развития России на ближайшие 20 лет: доклад на Ученом совете ИСПИ РАН 25 января 2006 г. – URL: http://www.perspektivy.info/rus/demo/strateg_demogr_razvitiya.htm (дата обращения: 10.03.2016).

90. Садохин А.П. Этнология: учебник / А.П. Садохин. – М.: Гардарики, 2001. – 256 с.

91. Саймон Дж. Неужели демография – это судьба? / Дж. Саймон // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 2. – С. 40–54.

92. Современная демография / под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 272 с.

93. Сакаев В.Т. Демографические аспекты военной реформы / В.Т. Сакаев // Новый политический цикл: повестка дня для России. Международная научная конференция. Тезисы докладов (Москва, 5–6 декабря 2008 г.) – М.: Российская ассоциация политической науки, 2008. – С. 234–236.

94. Сакаев В.Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. – 2013. – Т. 155. – Кн. 1. – С. 214–221.

95. Сакаев В.Т. Политическая демография: предметное поле и исследовательские возможности / В.Т. Сакаев // Власть. – 2011. – № 7. – С. 86–88.

96. Сакаев В.Т. Политические и демографические последствия перехода на многоуровневую систему высшего профессионального образования в Российской Федерации / В.Т. Сакаев // Власть. – 2011. – № 12. – С. 91–92.

97. Сакаев В.Т. Социально-экономическое развитие Республики Татарстан: вызовы демографии и миграции / В.Т. Сакаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 2. – С. 216–221.

98. Сапего Г.П. Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Г.П. Сапего; ИФ РАН. – М., 2010. – 22 с.

99. Саррацин Т. Германия: самоликвидация / Т. Саррацин. – М.: Рид Групп, 2012. – 400 с.

100. Слободенюк Е.Д. Бедные в России: структура группы и социальная динамика: автореф. дис. ... канд. соц. наук / Е.Д. Слободенюк. – М., 2014. – 29 с.

101. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с.

102. Тарле Е. Наполеон / Е. Тарле. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 512 с.

103. Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. – URL: <http://www.nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm> (дата обращения: 10.03.2016).

104. Тиводар С.И. Демографическая безопасность России: Институционально-правовое обеспечение национальных интересов: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / С.И. Тиводар; Ростовский юридический институт МВД РФ. – Ростов н/Д., 2008. – 58 с.

105. Тиводар С.И. Демографическая безопасность России: Институционально-правовое обеспечение национальных интересов: дис. ... докт. юрид. наук / С.И. Тиводар; Ростовский юридический институт МВД РФ. – Ростов н/Д., 2008. – 343 с.

106. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 240 с.

107. *Травкина Н.* Новая демография Америки / Н. Травкина. – URL: <http://ecpol.ru/index.php/syuzhety/243-novaya-demografiya-ameriki> (дата обращения: 10.03.2016).
108. *Травкина Н.М.* Современные демографические тенденции в США (итоги переписи 2010 г.) / Н. Травкина // США. Канада. Экономика – политика – культура. – 2011. – № 12. – С. 3–24.
109. Уровень безработицы в Италии обновил исторический рекорд / РИА «Новости», 7 января 2015 г. – URL: <http://ria.ru/world/20150107/1041717293.html> (дата обращения: 10.03.2016).
110. Федеральная статистическая служба (Federal Statistical Office). – URL: <https://www.destatis.de> (дата обращения: 10.03.2016).
111. Федеральный закон от 24.10.2007 № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» // Официальные документы в образовании. – 2007. – № 33(281). – С. 17–29.
112. ФМС посчитала нелегалов // Российская газета. – 2012. – 15 октября.
113. *Харитонов И.Н.* Проблемы интеграции иммигрантов в странах Западной Европы / И.Н. Харитонов // Социологический альманах. – 2011. – № 2. – С. 370–375.
114. *Харченко М.А.* Демографические процессы как угроза и условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук / М.А. Харченко. – Ставрополь, 2008. – 167с.
115. *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.
116. *Хижный Э.К.* Политика поддержки семей с детьми и пожилыми домочадцами в Италии / Э.К. Хижный // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0435/analit03.php> (дата обращения: 10.03.2016).
117. *Царёва Е.Ю.* Особенности миграционной политики Италии на современном этапе: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.Ю. Царёва. – М., 2015. – 29 с.

118. *Челлен Р.* Государство как форма жизни / Р. Челлен; пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.

119. Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан: стат. бюллетень / Татарстанстат. – Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2016. – 26 с.

120. *Чесноков А.С.* Специфика политического регулирования иммиграционных процессов в современном мире: автореф. дис. ... докт. полит. наук / А.С. Чесноков. – Екатеринбург, 2010. – 46 с.

121. *Шапаров А.Е.* Акторы и механизмы формирования государственной иммиграционной политики развитых стран: автореф. дис. докт. полит. наук / А.Е. Шапаров. – М., 2010. – 53 с.

122. *Шапаров А.Е.* Предоставление избирательных прав негражданам: тенденции и практика / А.Е. Шапаров // Полис. – 2011. – № 1. – С. 177–178.

123. *Шерле А.* Изменились мигранты, изменилось и отношение немцев к ним / А. Шерле, А. Варкентин // Русская редакция сайта «Deutsche Welle». – URL: <http://www.dw.com/ru/a-16307631> (дата обращения: 10.03.2016).

124. *Шустов А.* Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 3. – С. 90–105.

125. *Щербакова Е.* ЕС-28: первые демографические итоги 2013 года / Е. Щербакова // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/barom05.php> (дата обращения: 10.03.2016).

126. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / науч. ред. Р.Г. Минзаринов. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 267 с.

127. Associna. – URL: <http://www.associna.com> (дата обращения: 10.03.2016).

128. Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2012. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2012. – 512 p.

129. Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma, 2011. – 512 p.

130. Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2009. XIX Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2009. – 512 p.

131. *Demeny P.* The Political Demography of the World System, 2000-2050 / P. Demeny, G. McNicoll // *Population and Development Review*. – 2006. – No. 32. – P. 254–287.

132. *Demeny P.* Geopolitical Aspects of Population in the Twenty-First Century / P. Demeny // *Population and Development Review*. – 2012. – No. 38(4). – P. 685–705.

133. *Demographic Yearbook 2008* / Официальный сайт ООН. – URL: <http://unstats.un.org/unsd/default.htm> (дата обращения: 10.03.2016).

134. Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. – 479 p.

135. Eurostat. – URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/database> (дата обращения: 10.03.2016).

136. Italy health system review / Health systems in transitions. – 2014. – Vol. 16. – № 4. – URL: www.healthobservatory.eu (дата обращения: 10.03.2016).

137. *Garelli F.* Religione all'italiana. L'anima del paese messa a nudo / F. Garelli. – Bologna: il Mulino, 2011. – 250 p.

138. *Ginsborg P.* A History of Contemporary Italy: Society and Politics in 1943–1988 / P. Ginsborg. – London: Penguin books, 1990. – 586 p.

139. *Goldstone J.* The New Population Bomb / J. Goldstone // *Foreign Affairs*. – 2010. – No. 1. – URL: <http://www.foreignaffairs.com> (дата обращения: 10.03.2016).

140. *Handbook of Population* / D.L. Poston, M. Micklin. – New York: Springer, 2006. – 924 p.

141. *Humes K.* Overview of Race and Hispanic Origin / K. Humes, N. Jones, R. Ramires. – 2011.

142. *King R.* Italophilia meets Albanofobia: paradoxes of assymmetric assimilation and identity processes among Albanian immigrants in Italy / R. King, N. Mai // *Ethnic and racial studies*. – 2009. – Vol. 32. – No. 1. – P. 117–138.

143. Migration in Italy: Current situation and perspectives. Rome: International Organization for Migration, 2011. – 49 p.

144. Network G2 – Second Generations. – URL: <http://www.secondegenerazioni.it> (дата обращения: 10.03.2016).

145. Political Demography: How population changes are reshaping International Security and National Politics? / J.A. Goldstone, E.P. Kaufmann. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 336 p.

146. *Portes A.* Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation / A. Portes, R.G. Rumbaut. – N.Y.: Russel Sage Foundation, 2001. – 430 p.

147. Rapid Population Growth: Consequences and Political Implications. National Academy of Science (U.S.). Office of the Foreign Secretary. Baltimore: Jonh Hopkins University Press, 1971. – Vol. 2. – 696 p.

148. *Scuderi M.* Interfaith dialogue in Italy: a school project suggestion // *Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education*. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. – P. 169–186.

149. Social situation in the European Union. – Luxembourg: Eurostat, 2006. – 169 p.

150. *Teitelbaum M.S.* Political demography: Powerful trends under-attended by demographic science / M.S. Teitelbaum // *Population studies*. 2015. – No. 69. Suppl. 1. – P. 87–95.

151. The Future of the Global Muslim Population. – URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population> (дата обращения: 10.03.2016).

152. *Weiner M.* Political demography, Demographic engineering / M. Weiner, M.S. Teitelbaum. – New York, Oxford: Bergahn Books, 2001. – 148 p.

153. *Zannoni F.* Young immigrants and religion in Italy: New identities, old stereotypes, an educational challenge / F. Zannoni // *Ricerche di Pedagogia e Didattica // Journal of Theories and Research in Education*. 2015. – 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. – P. 131–149.

ОБ АВТОРЕ

Василь Тимерьянович Сакаев – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

В.Т. Сакаев является членом правления Татарстанского регионального отделения Российской ассоциации политической науки и состоит в секции «Политическая демография и география» Ассоциации международных исследований (США). Докторант кафедры политологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (2013–2016 гг.).

Проходил научные стажировки в университетах и научных центрах Израиля (2011), Германии (2012), Италии (2013, 2015), Польши (2014), Нидерландов (2014). Обладатель грантов «Алгарыш», Erasmus, Tempus. В 2011 г. стал лауреатом конкурса «Лучший молодой ученый Приволжского федерального округа в области социогуманитарных наук», в 2014 г. – «Лучший молодой ученый Республики Татарстан в области социогуманитарных наук», в 2016 г. награжден премией Республики Татарстан для государственной поддержки молодых ученых.

Результаты научных исследований В.Т. Сакаева в области политической демографии обсуждались на ряде специализированных научных конференций: Первой международной конференции по политической демографии и макросоциологической динамики (Москва, декабрь 2013 г.), Всероссийской научной конференции с международным участием «Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России» (Ростов-на-Дону, апрель 2014 г.), Международной научной конференции Eurasia – Defining and Crossing Barriers (Варшава, июнь 2014 г.), Второй международной конференции по политической демографии и макросоциологической динамики (Москва, декабрь 2014 г.) и т. д.

Научное издание

Сакаев Василь Тимерьянович

ПОЛИТИКА И ДЕМОГРАФИЯ

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ**

Редактор
А.А. Мартьянова

Корректор
А.Х. Яфизова

Компьютерная верстка
А.И. Галиуллиной

Дизайн обложки
М.А. Ахметова

Подписано в печать 28.11.2016.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84^{1/16}. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 14,2.

Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 500 экз. Заказ 355/11.

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28